

ВСЕГДА НА СТРАЖЕ!

Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Редакция журнала «На боевом посту»

2018

УДК 94(470):929Романов
ББК 68.572:68.424.3Δ
Э24

Под общей редакцией
первого заместителя директора Федеральной службы войск национальной гвардии
Российской Федерации – главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации
генерал-полковника С.А. МЕЛИКОВА

Руководитель проекта
руководитель Департамента по взаимодействию со СМИ и институтами гражданского общества
Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации
генерал-майор А.А. ВЕКЛИЧ

Автор, составление
советник государственной гражданской службы РФ 3-го класса
А.А. ЭДОКОВ

Художественное оформление, макет
полковник **А.В. ЛЕБЕДЕВ**

Фотослужба проекта
заслуженный работник культуры РФ **В.Н. НИКОЛАЙЧУК**

Журналистские материалы – специально для книги
«Знаменосец. Война и мир генерала Романова»
Е.Р. ЛОРИЯ, полковник А.В. КРЫСАНОВ

Фотоиллюстрации
Игорь АКИМОВ, Александр АЛЕКСАНДРОВ, Абдуллах БЕРСАЕВ, Владимир ВЕЛЕНГУРИН, Владимир ВЯТКИН, Юрий КИСЛЫЙ,
Александр КОЛЕСНИКОВ, Андриан КОЛОТИЛИН, Максим МАРМУР, Наталья МЕДВЕДЕВА, Владимир НИКОЛАЙЧУК,
Василий ПРОХАНОВ, Вадим САВИЦКИЙ, Олег СМИРНОВ, Юрий ТУТОВ, Алексей ФЕДОРОВ, Валерий ШЕКОЛДИН,
а также фотографии из личного архива семьи **генерала А.А. РОМАНОВА**

Портрет Героя России генерал-полковника А.А. Романова
народный художник Российской Федерации **С.Н. ПРИСЕКИН**

Редактор
заслуженный работник культуры РФ
полковник запаса **Ю.П. КИСЛЫЙ**

Э24 **ЭДОКОВ А.А.**
Знаменосец. Война и мир генерала Романова. – М.: Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Фе-
дерации ; редакция журнала «На боевом посту» войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. – 256 с., ил.
ISBN 978-5-600-02213-3

Более двадцати лет продолжается борьба за жизнь раненного в результате террористического акта 6 октября 1995 г. в городе Грозном коман-
дующего внутренними войсками МВД России и командующего Объединенной группировкой федеральных войск в Чеченской Республике Героя
Российской Федерации генерал-полковника Анатолия Александровича Романова.

Выдающийся военный деятель России генерал А.А. Романов вошел в историю нашей страны как один из самых заметных участников миро-
творческого процесса в Чечне летом-осенью 1995 года. С ним связывали люди свои надежды на прекращение кровопролития.

Его драматическая судьба приковывает внимание миллионов россиян, а пример его военной службы свято чтят в войсках национальной
гвардии Российской Федерации – наследнице лучших традиций внутренних войск МВД России.

УДК 94(470):929Романов
ББК 68.572:68.424.3Δ

ISBN 978-5-600-02213-3

© Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018
© Редакция журнала «На боевом посту», 2018
© Эдоков А.А., 2018

Андрей ЭДОКОВ

ЗНАМЕНОСЕЦ

ВОЙНА И МИР ГЕНЕРАЛА РОМАНОВА

Директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации генерал армии Виктор Васильевич ЗОЛОТОВ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Для меня, как и для всех моих сослуживцев, имя Героя России генерал-полковника Анатолия Александровича Романова является символом мужества. Военный по профессии и по призванию, он сделал очень много, чтобы на Северном Кавказе утвердился прочный мир, в основе которого – закон и правопорядок. Его твердые и последовательные усилия в достижении этой цели в конце концов принесли свой результат. Сегодня на Северном Кавказе поставлен надежный заслон терроризму и бандитизму. И Чеченская Республика, и соседние регионы, являясь неотъемлемой частью нашей великой страны, имеют возможность развивать свою экономику, культуру, уверенно смотрят в будущее. Народы Кавказа знают, что их покой находится под защитой войск национальной гвардии, которых не зря называют войсками правопорядка. Анатолий Александрович, руководя группировкой федеральных войск в Чечне, стремился именно к этому. Подлый и бесчеловечный теракт, совершенный против генерала Романова, причинил ему тяжелейшие ранения, но не смог остановить начатое им движение по выходу из чеченского кризиса, грозящего распадом всей страны. Его товарищи, единомышленники вместе с жителями северокавказских республик общими усилиями добились той цели, к которой он начал идти в 1995 году.

Полная драматизма история борьбы за здоровье Анатолия Александровича длится вот уже двадцать три года. В нашей стране, в войсках национальной гвардии Российской Федерации трудами военных медиков, трудами сотен людей и заботой семьи генерала Романова делается все возможное, чтобы он оставался в одном строю со своими войсками, со своими сослуживцами.

Для всех нас Анатолий Александрович Романов остается образцом настоящего офицера, военачальника. С него берут пример нынешние и будут брать новые поколения воинов правопорядка.

Сегодня я хотел бы выразить безграничное уважение жене Анатолия Александровича – Ларисе Васильевне Романовой и его дочери Виктории Анатольевне. За те годы, что прошли с момента ранения генерала, они ни на день не прекращали заботы о нем. Их энергия и вера в выздоровление родного человека дают новые силы врачам и медсестрам Главного военного клинического госпиталя войск национальной гвардии Российской Федерации, где генерал Романов находится на лечении.

Я хочу поблагодарить тех, кто делал все от них зависящее для спасения и поддержания жизни Анатолия Александровича. Благодарю и тех, кто сегодня прилагает усилия к тому, чтобы имя генерала Романова по всей России гордо звучало в наименованиях спортивных состязаний, именных стипендиях лучшим курсантам, в журналистских публикациях и с телеэкранов.

Дело генерала Романова продолжает жить, а его имя служить стране и народу.

Первый заместитель директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации генерал-полковник Сергей Алимович МЕЛИКОВ

РОМАНОВ С ВОЙСКАМИ

Если и есть в сегодняшней истории российских войск правопорядка фигура легендарная, знаковая, то это, безусловно, Анатолий Александрович Романов.

В судьбе генерала Романова сосредоточено все – и личная отвага человека, который в дни испытаний, выпавших на долю Российской Федерации в середине девяностых годов, бесстрашно выполнил свой воинский долг, и ответственная позиция гражданина России, который, переживая за судьбу Отечества, добивался на Северном Кавказе не военных побед, а мира. Покушение на командующего 6 октября 1995 года стало подлым ударом террористов по всей стране, который наше государство выдержало и отразило благодаря таким людям, как генерал Романов.

К этому я хотел бы добавить, что сама история его спасения и продолжающаяся вот уже 23 года борьба за жизнь военачальника не имеют аналогов в мировой военной медицине. На это мне могут возразить: дескать, во время Великой Отечественной войны или в других военных конфликтах не было такого оборудования и таких медикаментов, которые могли бы поддержать человека после практически смертельного ранения. Да, это так. Но нельзя не учитывать стойкость и профессионализм военных летчиков и врачей, а также гражданских специалистов, которые сделали все возможное и невозможное для сохранения жизни генерала Романова. Нельзя умалить заботу и любовь его семьи, и прежде всего жены Анатолия Александровича – Ларисы Васильевны Романовой.

Я восхищен стойкостью этой женщины и ее человеческим подвигом.

Для меня лично Анатолий Александрович Романов является офицером, который во многом определил мой собственный жизненный путь. Он был преподавателем и командиром курсантского батальона в то время, когда я учился в Саратовском высшем военном командном училище имени Ф.Э. Дзержинского внутренних войск. Он напутствовал меня в числе других выпускников Военной академии имени М.В. Фрунзе. Он стал командующим внутренними войсками в 1995 году, когда я и многие мои товарищи приняли участие в борьбе с террористами на Северном Кавказе.

И всегда он был для нас примером. Как компетентный в военной профессии специалист. Как офицер. Как человек.

Он пример для каждого в войсках национальной гвардии Российской Федерации уже потому, что наша наполненная риском боевая работа требует большого мужества, высокого профессионализма, невозмутимости в опасной ситуации, верности служебному долгу и Родине – всех тех качеств, которые присущи Герою России генерал-полковнику Анатолию Александровичу Романову.

«КАЖДЫЙ ИЗ НАС ГОТОВ ВЫПОЛНИТЬ БОЕВУЮ ЗАДАЧУ,
ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ СТОИТЬ ЕМУ ЖИЗНИ.
**УМИРАТЬ НИКОМУ НЕ ХОЧЕТСЯ,
НО ЕСЛИ ПОТРЕБУЕТСЯ...»**

ГЕНЕРАЛ АНАТОЛИЙ РОМАНОВ

Генерал Романов жив.

Его имя олицетворяет собой беспредельное мужество, на какое только может быть способен живой человек.

Судьба Героя России генерал-полковника Анатолия Александровича Романова – это удивительная судьба, безжалостно рассеченная драмой на две разновеликие части.

В одной из них – он еще полон яркой, сильной, отважной жизни, которая, как кажется всем, только входит в пору настоящего расцвета. Сорок семь лет от роду. Крестьянский сын, ставший командующим внутренними войсками МВД России. Муж и отец, нашедший в своей дружной семье простое человеческое счастье.

В другой части жизни, длящейся долгих двадцать три года, – это тяжело израненный человек с еще теплящейся в нем, как пламя свечи, жизнью. Палата Главного военного клинического госпиталя войск национальной гвардии Российской Федерации в подмосковной Балашихе и белые халаты врачей... Непобежденный генерал, чье сознание еще не вернулось с войны, в которой раз за разом – все эти почти четверть века – огненный шар страшного взрыва неумолимо накатывается и накатывается на него. Хлещет наотмашь свирепой ударной волной, как и хлестал в тот день, 6 октября 1995 года, когда его генеральский «уазик» и несколько бэтээров прикрытия, не снижая скорости, влетели в тоннель под мостом возле площади Минутка...

Он очень расчетливо сумел распорядиться собственной судьбой, подчинив каждое ее мгновение служению своей Родине и народу. Он не искал должностей и званий – они сами находили его. Все, кто служил и дружил с Романовым, в первую очередь отмечают его удивительное трудолюбие, тягу к знаниям и чувство ответственности за каждый совершенный поступок. Они и лежат в основе его офицерского успеха.

Беглое чтение его послужного списка оставляет ощущение постоянной внутренней собранности этого человека, размеренного и неотвратимого движения к избранной цели, которую он с юности видел в овеществленном символе профессионального мастерства военного человека – в пятиконечной, золотого шитья генеральской звезде.

Она легла ему на погоны в сорок один год.

Но хорошо узнаваемым его лицо станет позднее – в пору, когда востребованы оказались те его уникальные человеческие качества переговорщика и миротворца, которые летом 1995 года могли оказать существенное воздействие на конвертирование военных побед российских войск в Чечне в еще зыбкий, но уже многими предрекаемый мир на всей территории некогда мятежной республики.

Летом 1995 года Анатолий Александрович Романов был утвержден в должности командующего внутренними войсками МВД России и назначен командующим Объединенной группировкой федеральных войск на территории Чеченской Республики. Участник переговорного процесса с лидерами незаконных вооруженных формирований, Романов отвечал за разработку и реализацию так называемого военного блока вопросов. И это означало, что в сферу его забот входили самые острые проблемы, рожденные вооруженным противостоянием: соблюдение режима прекращения огня, разоружение боевиков

Командующий Объединенной группировкой федеральных войск на территории Чеченской Республики генерал-лейтенант Анатолий Александрович Романов. Октябрь 1995 года.

и прием оружия от населения, ликвидация автономных и никому не подчинявшихся бандгрупп, установление местных органов власти во множестве населенных пунктов и многое-многое другое, что в тревожной обстановке тех дней не могло обойтись без надежных гарантий командующего Объединенной группировкой.

Знаменитая фотография, запечатлевшая генерала Романова, дружески обнимающего одного из лидеров сепаратистов, бывшего советского полковника Аслана Масхадова, для Чечни и всей России символизировала неумолимое приближение к миру на условиях твердой, но при этом совершенно незлопамятной России.

Фото Владимира Николаичука

Этот мир покатился под гору в тот день, 6 октября 1995 года, когда выехавший в Грозный на встречу с Русланом Хасбулатовым генерал Романов был тяжело ранен. Фугасный заряд, эквивалентный 30 килограммам тротила, был подорван около 13 часов, когда часть колонны внутренних войск МВД России, включая «уазик» Романова, уже втянулась в тоннель возле площади Минутка в Грозном.

Сразу же после взрыва весь тоннель заволокло дымом. Вокруг лежали тела – раненные, убитые. В этом месиве из крови и разодранной одежды нельзя было понять, кто есть кто.

Но уже в следующее мгновение – сквозь опадающий после взрыва в тоннеле дым, среди стона раненых, среди пережитого шока и суеты изготовившихся к бою людей раздался чей-то встревоженный крик: «Где командующий? Где генерал Романов?».

Это был мощный взрыв, рассчитанный на поражение нескольких десятков человек.

То, что это случилось в замкнутом пространстве, только усугубило последствия: взрывная волна, многократно отраженная от бетонных стен, буквально разнесла «уазик» в клочья. «В принципе он был убит», – скажет впоследствии о Романове начальник военного госпиталя имени Бурденко генерал-майор медицинской службы Вячеслав Ключев. Много людей было ранено. Среди разметанных человеческих тел Романова удалось найти не сразу. Его опознали только по ремню с генеральской пряжкой. Все его спутники, находившиеся в машине, – помощник полковник Александр Заславский, водитель рядовой Виталий Матвийченко и охранник боец 8-го отряда специального назначения «Русь» внутренних войск МВД России рядовой Денис Ябриков – погибли.

Хроника последующих событий будет определяться уже размашистой скорописью военных врачей в истории болезни, где первые минуты, часы, дни и месяцы после взрыва и ранения Романова будут напоминать фронтовые сводки и сохраняют для нас историю очень длительного, безостановочного и во многом даже жертвенного сражения за жизнь человека.

Вот как это происходило.

6 октября 1995 г.

Через 1 час 50 минут после ранения доставлен во Владикавказский госпиталь, где остановлено кровотечение в печени и желудке, а также проведены санация и дренирование брюшной полости.

7 октября 1995 г.

Установлен следующий диагноз: взрывная травма, ушиб головного мозга тяжелой степени; ушиб, отек ствола головного мозга, кровоизлияние, перелом основания черепа; тяжелая травма груди с ушибом сердца и легких; закрытая травма живота с разрывом правой доли печени.

С 7 октября по 21 декабря 1995 года находился в реанимации.

Фото
Владимира Николайчука

Анатолий Александрович Романов родился 27 сентября 1948 года в деревне Михайловка Белебеевского района Башкирской АССР, в большой крестьянской семье.

Деревня Михайловка представляла собой всего лишь одну, самую «верхнюю», улицу большого населенного преимущественно чувашами села Илькино. И эту свою обособленность могла объяснить только историческими обстоятельствами: на ней жили вывезенные из Центральной России крепостные местного помещика, отставного майора и, по слухам, участника Отечественной войны 1812 года Михаила Ивановича Бунина, доставшиеся ему по наследству в 1819 году от сестры, штабс-капитанши Ольги Ивановны Черновой.

Об этом подробно рассказано в книге «Детские годы Багрова-внука» писателем Сергеем Тимофеевичем Аксаковым, называвшим семью Буниных своими родственниками. А в истории Белебеевского района до сих пор памятен случай, когда местным помещиком Д.Е. Бенардаки однажды были выиграны в карты у внука императри-

Вверху — отец Александр Матвеевич Романов

Справа — окрестности села Илькино Белебеевского района

Толя Романов – ученик средней школы № 1 города Белебея (крайний слева в первом ряду)

цы Екатерины II графа В.А. Бобринского и рассеяны по окрестным белебеевским селам сразу 800 душ крепостных крестьян.

Имели ли Романовы какое-либо отношение к этим событиям, достоверно, неизвестно. Но как иначе объяснить укоренившуюся в их семье легенду о далекой своей прародине возле города Клина в Подмосковье. Этот город в прошлом был вотчиной дворянского рода Романовых, ставших родоначальниками царской династии. Поэтому и громкая фамилия крестьян из Михайловки на самом деле могла происходить от прозвища-маркера, обозначавшего их исконную принадлежность к крепостным русских государей из этих самых подмосковных угодий.

Отец Анатолия Романова – Александр Матвеевич Романов – уважительно именуемый односельчанами «дядей Саней», вернулся с войны без правой ноги, на деревянном протезе, с которым и прожил до

конца своих дней, ворочая тяжелые мешки с зерном или шагая по полям, что возделывал возглавляемый им, фронтовиком Романовым, колхоз имени Сталина.

Кто-то называл его суровым, но заслуженный пехотный сержант и орденоси́нец Александр Романов просто был ответственным и честным человеком, которому можно было доверить любое народное добро – колхоз либо колхозную ферму, которой отец руководил позднее. Он охотно брался за любую черную работу, а каждому из своих шестерых детей передал в наследство короткое, но содержательное правило, надеясь, что оно когда-нибудь пригодится им в жизни: «Никогда не берись за дело, если не уверен в собственных силах».

Романовых в Илькино больше нет. Те корни, что остались у Анатолия Романова на белебеевской земле, – они земляческие, искренние в своей чистоте и гордости за «нашего Толика», чья мальчишеская

жизнь, как на ладони, была видна и осталась памятна каждому односельчанину генерала Романова.

Илькинская школа была восьмилетней. Те, кто хотел учиться дальше, должны были ехать на учебу в райцентр – в Белебей, что был от Илькино в десяти километрах.

По тем временам – далеко, не наездишься. Поэтому домой по выходным Романов бегал либо трусой, либо зимой на лыжах, пробивая лыжню в сугробах снежных южноуральских зим. Со школой ему повезло: он учился в одной из самых лучших – в первой, выросшей из дореволюционной гимназии.

Средняя школа №1 города Белебея – одно из лучших общеобразовательных учебных заведений России. Школа – с традициями. Школа – с уникальным музеем, в котором запечатлена судьба каждого из ее выпускников и учителей, погибших в годы Великой Отечественной войны, в годы репрессий, в многочисленных военных конфликтах и при исполнении служебного долга. Два воспитанника школы стали Героями Советского Союза, а еще один – Героем Социалистического Труда.

Продолживший их славную эстафету Герой Российской Федерации генерал-полковник Анатолий Романов, очень любимый и уважаемый здесь человек, в музее своей школы занимает равное с другими героями место.

И это справедливо по отношению к Белебею, вырастившему для России целую плеяду героев войны и известных военачаль-

ников. Один из них – бывший полковник Генерального штаба российской (царской) армии Борис Михайлович Шапошников, дослужившийся в Советской армии до начальника Генерального штаба и Маршала Советского Союза, для многих военачальников военной поры оставался примером вежливости, доброжелательности и корректности во взаимоотношениях со старшими и младшими по званию. Обладатель фундаментальных военных знаний и великопленной штабной культуры, Б.М. Шапошников будто вновь возродился в Романове, наделив его теми чертами, которые уже позволяли видеть в Романове-военачальнике ростки будущего Романова-полководца.

После окончания школы Анатолий Романов до призыва в армию год работал фрезеровщиком Белебеевского завода деревообрабатывающих станков, оставив там по себе добрую память: на затертой временем газетной вырезке его снимок и подпись «Молодой фрезеровщик Романов».

Он гордился этой старой публикацией даже тогда, когда все ведущие газеты страны считали за честь взять у него интервью и с удовольствием тиражировали его генеральские фотографии. Словно было для него в том времени нечто важное, без чего он, сегодняшний, просто не смог состояться.

Все правильно: здесь начинается его человеческий старт. И это важно, если учесть скорость и траекторию его сильного человеческого взлета.

«Романов Анатолий, 1948 года рождения, комсомолец, учится в Белебеевской средней школе №1 с 1963 года. Девятый класс окончил успешно. Старательный, трудолюбивый ученик. Производственное обучение проходил по специальности слесаря. Работает старательно, ловко. Активно участвует в общественно полезном труде, был заместителем секретаря бюро ВЛКСМ класса. Дисциплинирован. Скромен».

Из школьной характеристики. Июнь 1964 года

Все отмечают: «Хороший, добрый, справедливый парень». Все отдают должное: «Хоть и был скромен, с детства чувствовалась в нем искра лидера. Думалось, что со временем обязательно станет руководителем крупного хозяйства или даже специалистом в масштабе целого района».

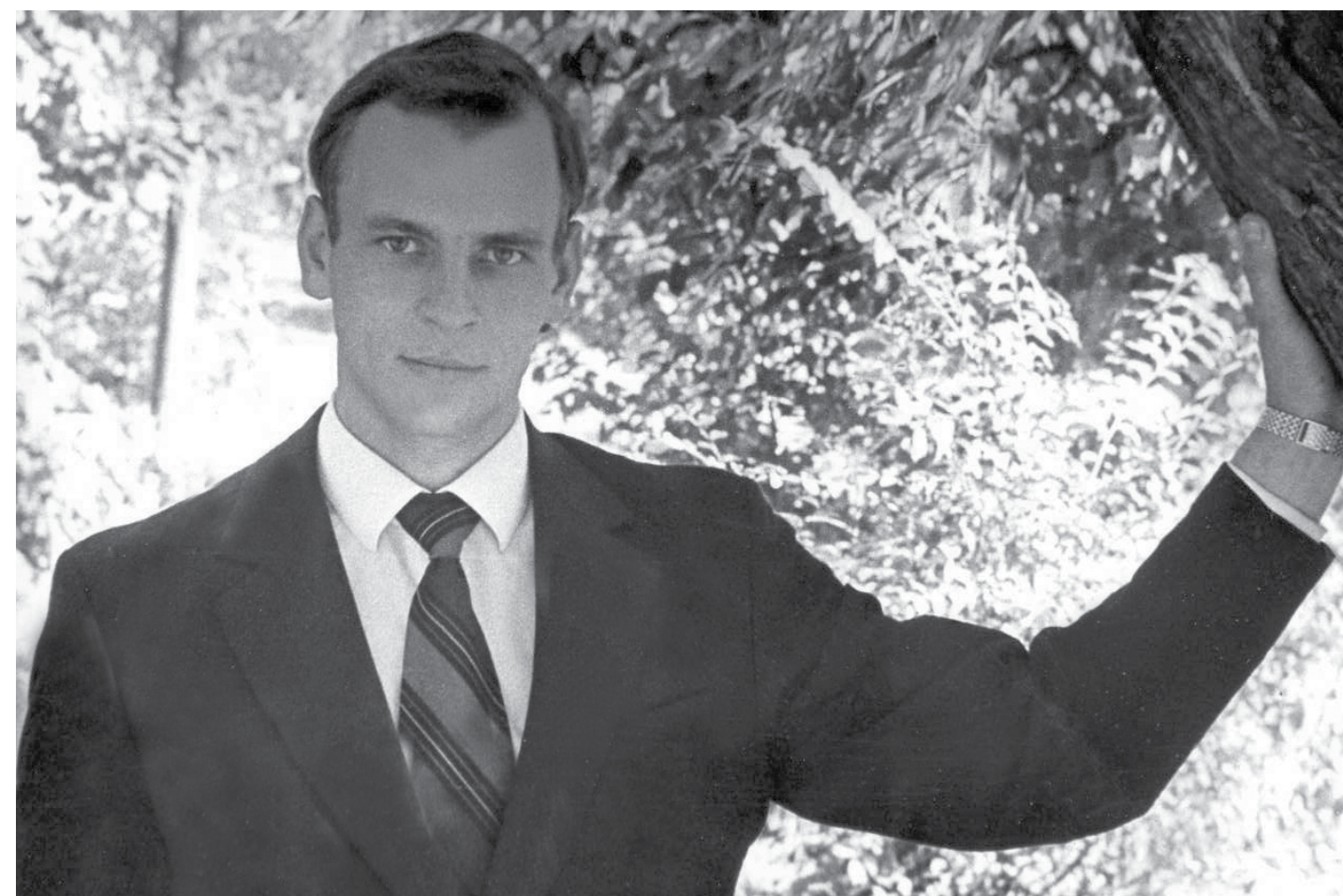
С тех времен сохранилась фотография: счастливый Толик Романов со школьным знаменем в руках в кругу совсем юных по Илькинской восьмилетке товарищей.

Словно предвестником всей его будущей судьбы ЗНАМЕНОСЦА – сначала командира знаменной группы в военном училище, а потом и знаменосца мира в воюющей Чечне – можно счесть это старое, почти шестидесятилетней давности, фотографическое изображение.

Однако, помимо этих запомнившихся сверстникам лидерских черт, жила в Романове – мальчике смелом, волевом, целеустремленном – удивлявшая всех чуткость и глубина внутренней сосредоточенности, словно он загодя готовился жить по нотам приуроченной ему миротворческой и миролюбивой судьбы.

«В Илькинской школе, и без того небогатой, – вспоминала классный руководитель Романова Елена Андреевна Семенова, – пришло время изучать на уроках зоологии птиц, а наглядных пособий для этого не было. Вот и послали мальчишек во главе с Толей Романовым наловить по селу голубей, чтобы наделать из них чучела. Сначала все с восторгом отправились на ловлю. Но и десяти минут не прошло, как с тем же самым Толиком Романовым впереди «охотники» вернулись назад. Романов говорит: «Давайте, Елена Андреевна, не будем убивать голубей. Они – живые! Пусть летают себе на свободе...» И я развела руками, поразившись, насколько Толя бережлив к любой, хоть и к птичьей, жизни и способен отстаивать свою правоту, словно настоящий птичий заступник».

Осенью 1967 года Анатолий Романов был призван на действительную военную службу во внутренние войска МВД СССР. И волей судьбы – сразу же в спецвойска. Так ранее официально именовались сегодняшние части и соединения войск национальной гвардии Российской Федерации по охране важных государственных объектов и специальных грузов, в зону ответственности которых, как и ныне, входили объекты особого государственного значения – атомные электростанции и ядерные полигоны, места базирования атомных ледоколов, космодромы, секретные научно-исследовательские центры, оборонные, атомные и химические предприятия стратегического характера, хранилища ценностей и хранилища государственного резерва.

Это именно та часть обыденной жизни большой и сильной страны, которая акку-

ратно драпируется завесой военной и государственной тайны. И совершенно понятно, почему воинская служба в таких частях требует от молодого человека внутренней зрелости, твердых жизненных принципов, обостренной ответственности за порученное дело, личной скромности и большой верности. И прежде всего – верности своей Отчизне, доверяющей человеку сохранность самых сокровенных своих секретов.

Анатолий Романов этим требованиям отвечал, а сама воинская служба, судя по всему, оказалась для него той дорогой, на которой он ощущал себя более чем уверенно. Это легко понять, пролистав послужной список Романова: начавший солдатский путь рядовым стрелком, за два года он стремительно вырастает и в воинских званиях, и – что очень важно – в познании командирского мастерства, хоть пока еще и на младшей ступени.

На приемные экзамены в Саратовское военное училище имени Ф.Э. Дзержинского МВД СССР Анатолий Романов пришел в звании старшего сержанта, а спустя некоторое время был назначен старшиной своего 2-го курсантского батальона. Такое решение командования было вполне оправданно: Романов имел за плечами опыт срочной военной службы в частях внутренних войск по охране важных государственных объектов и специальных грузов и уже состоялся как знающий младший командир. Следует обратить внимание на одну из записей в послужном солдатском списке Романова: в своей части в подмосковном городе Жуковский в 1969 году, в последние месяцы перед поступлением в военное училище, он занимал должность временно исполняющего обязанности командира взвода. То есть офицерскую должность, и это означало, что в своем полку Романов имел немалый авторитет и был наделен самым высоким доверием командования.

Совершенно понятно, что в пестрой среде курсантов-первогодков, основную часть которых представляли только что окончившие школу семнадцатилетние мальчишки, бывшие солдаты и сержанты, уже прошедшие школу срочной военной службы, ощущали себя и взрослее, и опытнее. Именно на них поначалу легли обязанности основных офицерских помощников в батальоне, а также наставников и советчиков для еще необученных курсантов.

Обычный батальон курсантов в саратовском военном училище состоял в ту пору из пяти взводов, каждый из которых, в свою очередь, делился на две учебные группы. Это более 250 курсантов и сержантов и 8 офицеров. При такой системе старшина батальона имел особый статус – он был как бы 9-м офицером, и до при-

Старшина Анатолий Романов с курсантами
Саратовского военного училища МВД

На одном из занятий по боевой подготовке

бытия офицеров подразделения выполнял обязанности командира батальона.

Это означало, что помимо основной учебной задачи, которую Романов должен был выполнять на равных со всеми, на него дополнительно ложилась серьезная служебная нагрузка: старшина батальона руководил службой внутреннего наряда курсантов и готовил наряд на следующие сутки, экипировал и отправлял учебные группы на ночные полевые занятия. Попутно он должен был решить и тысячу иных важных дел, которыми живет любое курсантское подразделение ротного или батальонного звена.

Но Романову удавалось сочетать обязанности строгого, взыскательного старшины с успешной учебой.

Большая власть не испортила, не изменила характера Романова. Для всех он

оставался добросердечным и надежным товарищем, взыскательным, но при этом справедливым младшим командиром, правота которого, как оказалось впоследствии, была правотой очень взвешенного в своих оценках и очень честного прежде всего перед самим собой и избранной профессией человека.

Как вспоминает полковник В. Кудрявцев (в 1995 году – кандидат военных наук, доцент, начальник кафедры Саратовского высшего военного командного Краснознаменного училища ВВ МВД России), «только Анатолию, когда он стал старшиной, удалось навести порядок в батальоне. Мы вместе поступали в училище в 1969 году, и я с открытым сердцем свидетельствую, что в нашей среде и в училище он пользовался уважением. Помню такой случай: до выпуска оставалось дня три, мы вме-

сте должны были получить лейтенантские погоны. Я подошел к Анатолию решить вопрос о сдаче имущества. А у меня на пилотке – по тогдашней «моде» – звездочка была погнута. И, знаете, он меня не ругал, не отчитывал, просто объяснил, что каждая пуговка, знак, эмблема имеют символическое значение. Я от стыда убежал выпрямлять эту звездочку. И науку, которую преподавал мне мой однокурсник, усвоил на всю оставшуюся жизнь».

Те, кто позднее, уже в Чечне, служил с Романовым – генералом, помнят водившуюся за ним неприязнь к офицерам и солдатам, нарушающим форму одежды даже в боевых условиях, даже в окопной грязи – в осыпающихся, пропахших дымом от печек-буржеек блиндажах... Глядя на криво или наскоро пришитый шеврон, на дырку от потерянной в суматохе перестрелки звезды на офицерском погоне, Романов не терзал человека окриком, а назидательно рассказывал одну и ту же историю, которая, возможно, некогда сформировала и его собственное отношение к военной форме как к чему-то сокровенному, что определяет внутреннюю сущность человека, надева-

ющего парадный мундир или полевой камуфляж только на святое – на очень цельное в своей правоте дело.

Он всегда вспоминал Серпилина. Того самого, из романа Константина Симонова «Живые и мертвые», – человека, который и поныне олицетворяет собой мудрого, бесстрашного, достойного во всех отношениях русского генерала. Потеряв во время выхода из окружения металлическую эмблему – ромб, означающий воинское звание комбрига, Серпилин сам вырезает из куска защитной ткани и пришивает утраченный знак отличия. Это не просто пример опрятности. В сложившейся ситуации водворенный на свое место в петлице ромб означал гораздо большее: сохраняющийся воинский порядок и дисциплину, духоподъемное спокойствие командира даже в самой безвыходной ситуации и его внутреннюю готовность вести войска к победе, как к чему-то само собой разумеющемуся.

Гармония форменной одежды неотделима от гармоничного состояния человеческого духа, который один и способен преодолеть любые трудности и испытания.

«Общий уровень развития – отличный. К учебе относится добросовестно... Методикой проведения занятий владеет отлично... В обстановке ориентируется хорошо, принимает правильное решение. Командирские и волевые навыки развиты хорошо. Принятое решение умело, настойчиво проводит в жизнь.

Лично дисциплинирован, внутренне подтянут... Приказания выполняет точно и всрок. На замечания старших реагирует правильно, но иногда допускает элементы невыдержанности. В коллективе общителен, пользуется авторитетом. Трудности преодолевает легко...

Вывод: достоин присвоения первого офицерского звания «лейтенант» и назначения на должность командира взвода. Может быть использован в учебных подразделениях».

Из выпускной аттестации.
15 августа 1972 г.

книги, где она работала после окончания техникума книготорговли, был центром общения – средоточием живой и острой мысли, окном в мир науки, литературы и искусства. Продавец книг для нее и сегодня не столько торговец, сколько экскурсовод и проводник в бесконечном мире ежедневного познания.

Банальные, пустые и тщеславные люди ей были неинтересны. В Романове же чувствовалась некая звонкая струна, уже хотя бы потому, что, остановив на Ларисе свой взгляд, он сумел искренне ее удивить глубиной своих суждений, выдававшей пылкий от природы ум, своей внутренней, на надежности и верности выстроенной силой. Не было в Романове ни мелкой хитрости, ни ложной самонадеянности. И если он говорил, что обязательно станет генералом, то даже мысли не приходило, что в этом можно сомневаться. Прямой, как стрела, он и летел, как стрела, – только к раз и навсегда определенной им цели.

Отец Ларисы, Василий Сорочинский, машинист локомотива на Приволжской железной дороге, был ветераном Великой Отечественной войны – человеком с трудной и необычной солдатской судьбой. Ушел в армию в 1939 году, воевал на советско-финляндской войне. А в войну Отечественную, где-то уже на ее переломе, из-за фамилии был отправлен служить в Войско Польское. В польском мундире и довоевал до Победы, хотя поляком от роду не был. А вот мама у Ларисы, немка по национальности, только благодаря фамилии мужа не загребшая во время войны в казахстанскую ссылку, что такое репрессии знала хорошо.

Поэтому Романова в этой семье поначалу встретили настороженно, но, разобравшись, приняли уважительно.

Они – Анатолий и Лариса – поженились 17 сентября 1971 года. Свадьба была большая и веселая. Жить стали у родите-

Собственно, и Ларисе он приглянулся именно из-за этой, сочетающей дух и облик собранности. До знакомства с Анатолием Романовым все, что было хоть как-то связано с армией и военной службой, надежно покоилось на той полке комода, где лежали боевые награды давно отвоевавшего отца.

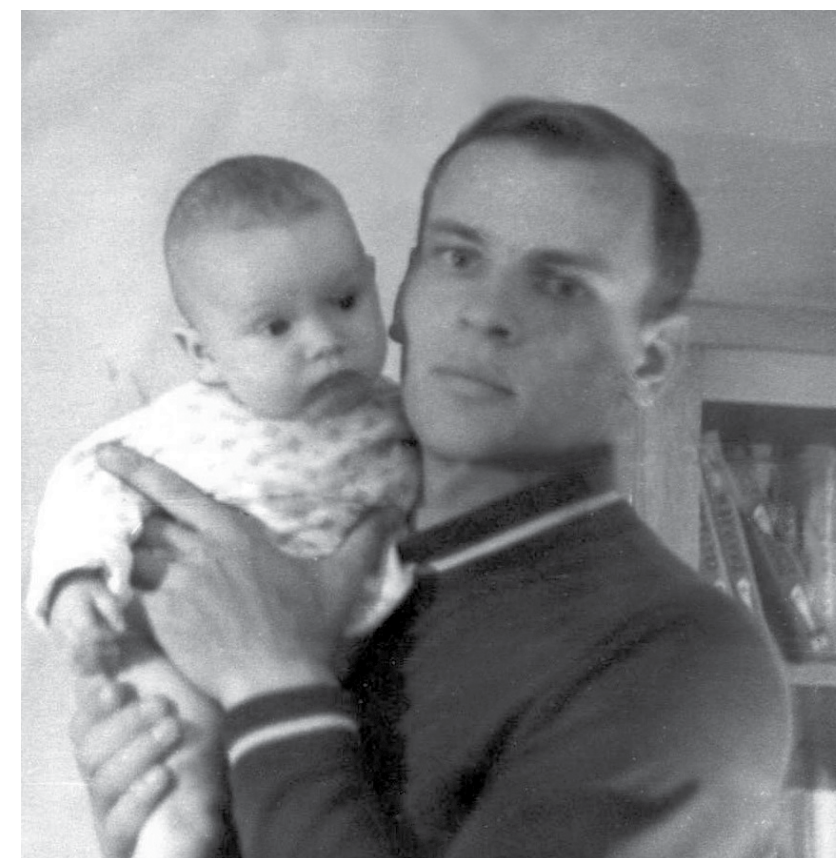
До этого в ее окружении вообще никогда не было курсантов. Все больше – студенты, для которых саратовский Дом

Лариса Романова

лей Ларисы, в шестиметровой комнатухе. Туда же со временем, когда родилась Вика, умудрились впихнуть и детскую кровать. И, несмотря на все неудобства, были очень и очень счастливы.

К тому времени Романов уже стал курсовым офицером и был очень занят на службе. Поэтому, когда Вика пошла в ясли, а потом в детский сад, окружающие долгое время перешептывались за спиной Ларисы Романовой, искренне считая ей матерью-одиночкой. Иногда она слышала, как женщины, глядя на маленькую Викторину, жалостливо вздыхали: «Надо же, какая хорошая девочка – и без отца!» Лариса не обижалась. Но и мужу ничего не говорила. Ясно было и так, что работа у него – на первом месте.

Анатолий Романов с дочерью Викторией (на фото справа)

Полковник в отставке Л.А. ФИЛАРЕТОВ

В 1972 году Анатолий Романов блестяще окончил училище, и его фамилия была выбита золотыми буквами на мраморной Доске почета в числе других медалистов. После выпуска часть офицеров батальона откомандировалась в войска, и, с одобрения командования училища, мною было принято решение на вакантные должности курсовых офицеров оставить трех своих выпускников – лейтенантов А. Романова, В. Иванова и А. Пименова.

По сути, был создан новый офицерский коллектив. В сентябре 1972 года был набран первый курс, и все мы дружно взялись за работу. В первом семестре мы должны были глубоко изучить своих питомцев, тщательно подобрать помощников – сержантов и ежедневно обучать их командирскому ремеслу. Нужно было создать комсомольскую и партийную организации, а также проявлять терпение и выдержку, помогая курсантам-первокурсникам адаптироваться

в новых условиях. Главным для нас было создание воинских коллективов взводов, всего батальона.

Работали все дружно, не считаясь со временем. И успех пришел. Причем лучше всех своих коллег – курсовых эту задачу решили А. Романов и А. Пименов, вчерашние курсанты. По итогам социалистического соревнования в честь 50-летия СССР взвод А. Романова занял первое место по училищу, а взвод А. Пименова – второе. Это на первом-то курсе, да еще обогнав более 20 взводов других батальонов. Успех потрясающий! С этого момента взвод лейтенанта Романова был постоянно в числе лучших в училище. За годы службы курсовым офицером Анатолий значительно вырос как профессионал. Обладая отличными физическими данными, он на практике воплощал основной принцип обучения будущих командиров – «Делай, как я».

Кто знает, как сложилась бы военная судьба Романова, не будь в ней семнадцати лет учебы и службы в саратовском военном училище. Те, кто принимал решение оставить его в училище курсовым офицером, исходили из интересов дела: дисциплинирован, порядочен, спортивен. Обладатель, что немаловажно, диплома с отличием и золотой медали. Для юного курсанта – пример для подражания и повод увидеть в Романове отражение самого себя по прошествии четырех учебных лет, пока не придет пора пришивать золотые лейтенантские погоны и собирать небогатое имущество перед отправкой в большую офицерскую жизнь.

Безусловно, Романов мог бы выдержать самые суровые условия службы. В любой части, в любом соединении внутренних войск рано или поздно обязательно бы проявились его лучшие качества, и они были бы по достоинству оценены.

Но есть нечто судьбоносное именно в том, что свою командирскую службу он начал в военно-академической среде, в кузнице квалифицированных кадров, где, помимо специальных знаний, культивируется еще и дух профессиональной военной службы, офицерской чести и достоинства. Там закаляется характер людей, для которых выполнение боевого приказа должно стать единственной, всепоглоща-

ющей целью, даже если для этого нужно будет однажды крепко рискнуть или пожертвовать собственной жизнью.

Это особая школа, требующая от офицера-воспитателя и особого педагогического дара, и особого поведения, не допускающего нравственных ошибок. Строгая школа офицерского товарищества, с присущими ему взаимопомощью, корректностью во взаимоотношениях, неприятием хамства, подлости и эгоцентризма.

Забегая вперед, скажем, что в саратовском училище внутренних войск Романов трудолюбиво преодолевает несколько важных служебных ступенек (курсовой офицер, помощник начальника учебного отдела, преподаватель кафедры огневой подготовки, командир 4-го батальона курсантов), что скажется на чертах его собственного характера. Общество впоследствии увидит и отметит, что от иных генералов-горлохватов Анатолий Романов

будет существенно отличаться именно неизменным тактом, учительской методичностью и манерами опытного экзаменатора, еще непривычным для многих умением слушать и слышать любых оппонентов. Он будет отличаться как своей невозмутимостью в бою, так и искренней сердечностью к рядовому солдату, вниманием к его быту и безопасности. Он будет буквально блистать своей то ли выпестованной в академических стенах, то ли просто Богом данной интеллигентностью, которая, как станет понятно только позднее – уже на войне и на переговорах с боевиками, окажется куда эффективнее гневного крика и сильнее, чем самое смертоносное оружие.

Многотысячные чеченские села с их хорошо вооруженными отрядами самообороны будут переходить на сторону Романова – на сторону федеральной власти – без единого выстрела.

«А. Романову присуще чувство лидерства, но он стремится достигать его не любыми, а лишь честными средствами. В работе пунктуален... Службу в суточном наряде училища и патрульном наряде по гарнизону исполняет ревностно... Отличается высоким чувством ответственности за порученное дело, всегда проявляет разумную инициативу и претворяет ее в жизнь».

Из характеристики в период службы в Саратовском высшем военном командном училище им. Ф.Э. Дзержинского МВД СССР

**Полковник запаса Александр СИМОНОВ,
выпускник Саратовского высшего военного командного училища
им. Ф.Э. Дзержинского МВД СССР 1978 года,
военный журналист**

Сейчас трудно вспомнить, в каком году, но точно – в середине 70-х – мы, еще совсем зеленые курсанты, на одном из построений увидели незнакомого старшего лейтенанта, возглавляющего знаменную группу. Этот офицер, – впоследствии мы узнали, что это и есть Романов, – в парадном, облегающем фигуру мундире с золотыми погонями был настолько изяшен, такими поразительно четкими и одновременно величественными были его движения, что просто дух захватывало. Признаюсь, мы тогда сопровождали взглядом не столько Боевое знамя училища, сколько этого удивительного офицера.

Надо заметить, что в те времена в саратовском училище очень высоко котиновалась строевая подготовка офицеров и курсантов, овладеть которой в совершенстве могли лишь единицы, даже если они изнуряли себя ежедневной работой. Только те, у кого был талант от Бога. Например, у нас в учебной группе настоящими строевиками признавали только трех человек: старшего лейтенанта Анатолия Романова, капитана Николая Марочко (наш первый курсовой офицер) и старшину батальона Евгения Игошина. Только им, на наш взгляд, можно было поставить по строевой подготовке оценку «отлично».

Запомнился мне Анатолий Александрович и своим удивительным умением общаться с нижестоящими по воинскому званию людьми. Ведь что такое старший лейтенант для простого курсанта? Дистанция между ними, особенно в те годы, была колоссальная. А если этот офицер из учебного отдела, где в ту пору уже служил Романов, то и просто немыслимая. Но с Анатолием Александровичем мы эту разницу как-то особенно и не ощущали. Романов мог поговорить с нами как с равными, пошутить, терпеливо выслушать жалобы. А если и журил за что-то – то без начальственного металла в голосе. Чувствовался в нем природный ум, широкий кругозор, прямодушный и нечванливый характер.

Иногда, обсуждая в курсантском кругу достоинства и недостатки училищных офицеров, мы пытались строить прогнозы относительно их дальнейшей карьеры. Мнения не всегда совпадали. И только когда заходила речь о Романове, все единогласно прочили ему генеральские лампасы. Правда, при условии, что он не задержится в училище надолго, а продолжит службу в войсках. Так оно и вышло.

**Полковник запаса Анатолий ГОЛОСКОКОВ,
выпускник Саратовского высшего военного командного училища
им. Ф.Э. Дзержинского МВД СССР 1979 года,
в 1995–1997 гг. – командир 8-го отряда специального назначения «Русь»
внутренних войск МВД России**

Знаменщиком – то есть ходить со знаменем Саратовского высшего военного командного училища МВД СССР на торжественных построениях и парадах – я стал, будучи уже курсантом четвертого курса. Командиром знаменной группы был Анатолий Александрович Романов, в ту пору командир 3-го взвода моего 2-го батальона, весьма уважаемый в курсантской среде за выправку, офицерскую шеголеватость в одежде и неизменно корректное поведение. Он, как и полагается, шел впереди, а следом за ним уже я с Боевым знаменем училища и идущие по бокам от меня ассистенты с шашками – курсанты Игорь Курченко и Александр Абасеев. Знаменный взвод замыкал нашу небольшую колонну, и вся эта церемония – от получения знамени на посту №1 вначале и до сдачи на пост №1 в конце – была безукоризненна в каждом сделанном нами шаге и в каждом движении.

Ходить со знаменем – огромная ответственность. К тебе прикованы все взгляды, любая ошибка воспринимается как оскорбление самой миссии, которую тебе поручено исполнять. Ты – со знаменем! Значит, каждое мгновение должен соответствовать высоте своего предназначения.

И хотя торжественные построения, парады и инспекции, когда Боевое знамя выносилось на правый фланг училищного строя, случались нечасто, знаменная группа во главе с Романовым и в паузах старалась держать форму. Тренировались, как правило, после обеда. Для этого у нас были учебное знамя (у меня) и учебные шашки (у ассистентов).

При этом Романов неизменно был очень собран, очень доброжелателен и, если какой-либо из строевых приемов нам с ходу не давался, не уставал показывать его примерное исполнение.

Надо сказать, что курсант Абасеев до учебы в училище срочную службу служил во 2-м, «парадном» полку Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского внутренних войск МВД СССР, участвовал в парадах на Красной площади в Москве. Какие-то тонкости строевой подготовки мог объяснить и он, а все вместе мы действовали, как хорошо отлаженная машина. Только раздается команда «Равняйся! Смирно!» – Курченко и Абасеев обхватывают ладонями эфесы шашек. Идет следующая команда – «Поротно!» – они – раз! – уже вынимают шашки и кладут их на плечи. Я в этот момент ставлю древко в «стакан», чтобы знамя при ходьбе не выпало из моих рук, чтобы шло плавно.

Естественно, что помимо тренировок, особой нашей заботой была подготовка своего внешнего вида к параду. Хитрили: надевали брюки полушерстяного обмундирования (ПШ) к парадному мундиру для того, чтобы выглядеть стройнее: брюки от ПШ больше шли к сапогам, над которыми мы тоже немало мудрили, отглаживая их утюгами. В погоны, чтобы они были ровными, вкладывали неуставные вставки от добытых правдами и неправдами вертолетных лопастей. Но офицеры в этом случае смотрели на нас снисходительно: выглядели мы отменно, шагали великолепно, и нам не стыдно было доверить училищное знамя.

Вставки в погоны Романов, в отличие от своих курсантов, конечно же, не делал. Но к своему внешнему виду ежедневно, и особенно когда шел во главе знаменной группы, относился чрезвычайно взыскательно. Лариса Романова уже вскоре после свадьбы научилась тщательно выглаживать утюгом его офицерскую шинель

(должна была быть, как струна), а способ отбеливания парадных перчаток Романова до кипельно-белого (с голубым оттенком) цвета методом кипячения с добавлением тертой сырой картошки и синьки, был виртуозно освоен ею перво-наперво и даже сохранился в секрете.

Офицер А. Романов –
командир знаменной
группы

Все отличают в Романове словно врожденную строевую выправку. Среди офицеров саратовского военного училища он считался одним из лучших строевиков, и это обстоятельство стало решающим при назначении Анатолия Романова командиром знаменной группы.

Командир знаменной группы любой воинской части – это фигура, по которой судят не только о бравом виде солдат и офицеров и уровне их строевой подготовки. По такому командиру, знаменщику, ассистентам и по сопровождающему вынос Боевого знамени знаменному взводу у окружающих невольно складывается суждение о готовности всей части к бою, к выполнению своего воинского предназначения.

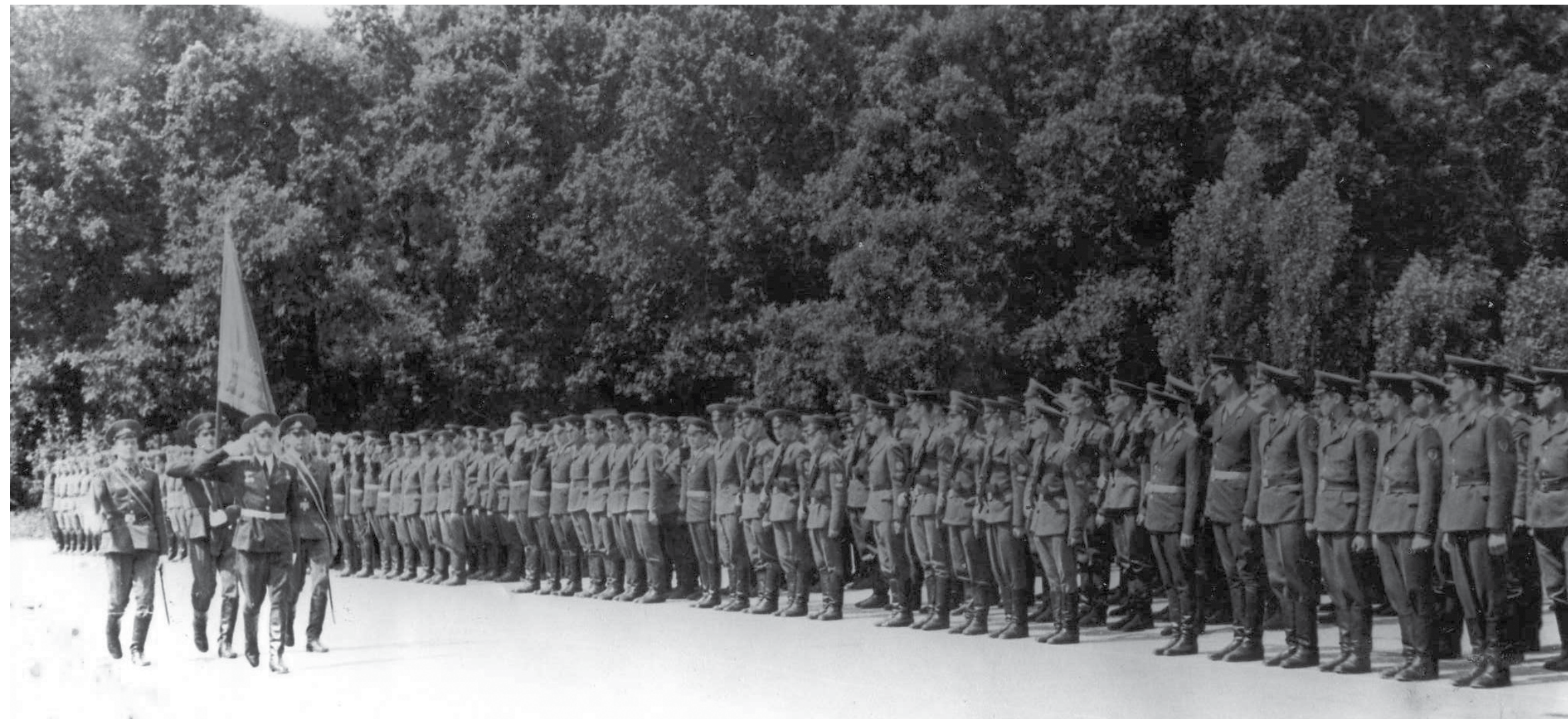
Появление воинского знамени в истории связывают с необходимостью обозначить центр военного формирования в бою, или, как определяет одно из значений слова «знамя» Владимир Даль, – это «сборный знак во время боя».

Возвышающееся над битвой и видное отовсюду, знамя указывало направление удара, наделяло каждого воина знанием о перипетиях схватки и служило сигналом к действию. Если знамя рвалось вперед – это могло указывать на решающий перелом в бою. При неблагоприятном стечении обстоятельств знамя могло указать путь к отступлению или же сплочению оставшихся сил в обороне.

Посреди криков тысяч людей, конского ржания и лязга оружия только молчаливое знамя оставалось самым надежным средством управления войсками. Лишить неприятеля боевого стяга означало внести сумятицу в его ряды, нарушить его дружные и согласованные действия и, по возможности, повергнуть противника в отчаяние военного разгрома. Поэтому захват чужого знамени всегда считался вожаемой целью. Поэтому для защиты своего знамени (хоругви, флага, штандарта) по традиции всегда выставляли не только самых сильных, но еще и самых стойких бойцов.

Со временем боевые знамена стали средоточием боевого духа, символом воинской чести. Их утрата – несмыслимый позор для любого воинского формирования. Их берегут и охраняют как святыни. А любой знаменосец и даже караульный у Боевого знамени считается лицом, причастным к самому сокровенному, что только есть в жизни военного человека, – к простому на вид полотнищу ткани, способному воодушевить тысячи людей, нацелить их на победу.

Военным историком полковником В.А. Минером, со ссылкой на статью С. Гершельмана «Нравственный элемент в руках опытного начальника» в «Военном сборнике» издания 1888 года, приведен любопытный факт из истории военной кампании

России на Балканах, когда в ходе изнурительного марша начальник дивизии заметил упавший дух воинов одного из полков. Люди выбились из сил и более суток ничего не ели. Тогда дивизионный командир, вызвав из строя четырех знаменщиков, вынул из кобуры своего седла последнюю краюху хлеба, разделил ее на четыре части и приказал знаменщикам съесть. «Когда знаменщики съели хлеб на глазах солдат и офицеров, до глубины души взволнованных торжественностью этого своеобразного ритуала, он обратился к полку со словами: «Ну, теперь сыты, братцы?» – «Сыты, ваше превосходительство!» – ответил как один весь полк».

Нет никакого сомнения в том, что путь ЗНАМЕНОСЦА, начатый Анатолием Ро-

мановым в Илькинской школе и продолженный в саратовском военном училище в качестве командира знаменной группы, определил судьбу Романова, обозначил место Романова среди людей, которым по духу и по силам приличествует шагать впереди остальных. Самим стать воплощением всего самого ЛУЧШЕГО, самого ЧИСТОГО, а, если потребуется – и самого СМЕЛОГО, чтобы увлечь за собой других, по робости или же по иной причине нуждающихся в трудный час в сильном примере.

Такова участь всех знаменосцев.

Достаточно однажды стать знаменосцем, чтобы научиться видеть и поле боя, и поле жизни с позиции лидера и первопроходца.

Приём выпускников военных академий в Главном управлении внутренних войск МВД СССР. А.А. Романов — крайний слева во втором ряду

Романов — человек, принадлежащий к числу ищущих, пытливых, открытых к познанию людей. Учение было для него тем воздухом, что наполнял его сознанием настоящей командирской силы. Без личного первенства в своей военной профессии и физической подготовке авторитет офицера очень быстро ветшает, заражая коррозией лени и равнодушия все воинское подразделение.

Уже вскоре лейтенанту Анатолию Романову был брошен вызов: его военное училище, которое он недавно окончил, было преобразовано в высшее командное училище. Это означало, что в отличие от своего курсового командира, имевшего среднее военное образование, его курсанты вместе с лейтенантскими погонами должны были получить диплом высшей школы.

Совершенно понятная мечта Романова об учебе в Военной академии имени Фрунзе исполнилась не сразу: долгих шесть лет ему пришлось дожидаться и даже добиваться права поступления в эту прославленную кузницу командирских кадров, которая от-

крывала перед офицером новые возможности и интересные перспективы.

Поступив в академию, он учился с блеском, совмещая заочную учебу с напряженной службой и изнурительной самоподготовкой. Диплом с отличием был дорогой наградой за трудное, но счастливое время интеллектуального и профессионального роста.

Было такое время в семье Романовых, когда, обложившись конспектами, учебниками и тетрадями, они учились все сразу, самоотверженно помогая друг другу: Вика — в первом классе, Лариса — на экономическом факультете института, а капитан Романов — в своей академии.

Лариса Романова уже давно подметила в муже его врожденную склонность к ясности и простоте выражения мыслей, его любовь к отточенным определениям и формулировкам. Особенно удивляло ее на первых порах то, что Романов никогда не ленился спрашивать курсантов, все ли им понятно из сказанного, и охотно мог повторить занятие с самого начала, если его тема кому-то казалась трудной или не усваивалась с первого раза. «Это для

того, — объяснял он Ларисе, — чтобы каждый из них имел прочные знания и обладал простой методикой их передачи. Если я что-либо неточно или непонятно объясню человеку сегодня, то завтра, став офицером, он не сможет донести что-то очень важное уже до своих солдат и сержантов. То, от чего потом, вполне возможно, будет напрямую зависеть жизнь многих бойцов. В этом случае я становлюсь причиной воз-

никновения неуправляемой цепной реакции, которая, оказавшись я или кто-то другой на месте военачальника, может привести к катастрофическому исходу бой или даже целую военную кампанию. Напротив, терпеливо объясняя курсанту то или иное его действие, правильное решение, я готовлю свою собственную победу, когда бы она ни была одержана».

«...Имеет твердые и устойчивые командирские навыки и волевые качества. Грамотный, перспективный офицер.

К своим служебным обязанностям относится исключительно добросовестно. Способен критически оценивать свою деятельность. На критику реагирует правильно и недостатки устраняет немедленно.

Уставы Вооруженных сил СССР знает и строго выполняет их в практической жизни. Внешне опрятен. Отличный строевик. Физически здоров, обладает большой работоспособностью.

Вывод: занимаемой должности соответствует. Достоин направления на учебу в Военную академию имени М.В. Фрунзе на факультет пограничных и внутренних войск».

Из аттестации

В жизни каждого человека выпадает решающий случай, способный переменить всю прежде устоявшуюся жизнь. Он был и в жизни будущего генерала, однако настоящим предвестником его стало назначение майора Романова в 1982 году командиром 4-го батальона курсантов, имевшего до этого недобрую славу проблемного и запущенного. Достаточно ска-

зать, что еще до прихода Романова сорок его курсантов были отчислены из училища за различные проступки. Это была вольница, которую другие офицеры уже отчаялись поставить на истинный путь. Никто не верил, что можно что-то изменить.

По свидетельствам М. Салаты и В. Аверьянова, воспитанников Романова, назначение нового комбата многими воспринималось как сигнал к началу жестких мер.

От Романова ждали командирского крика, а получилась спокойная, ладная беседа. Ждали нагоняя, а вместо этого получили увольнительные в город. Проявленное доверие показалось настолько необычным, что, боясь опоздания из увольнения (до училища оставалось еще несколько километров, а времени – считанные минуты), курсанты с криком «Не подведем комбата!» перешли на бег и прибыли в училище вовремя. Оказалось, что при всей кажущейся неуправляемости батальон являлся по-своему очень сплоченным, дружным и отзывчивым на добро курсантским подразделением.

Но еще один важный урок преподавал своему батальону Романов однажды, когда на построении при всех выразил несогласие с одним из распоряжений старшего начальника, выполнение которого, как казалось комбату, могло бы уронить его офицерскую честь и честь его курсантов.

Зная Романова, его ответственность и ревностное отношение к исполнению приказов командования, можно предположить, что его возражения носили принципиальный характер и действительно диктовались глубоко нравственным, на долге и чести основанном чувстве.

Начальственный мат, прозвучавший в ответ, был оскорбителен тем более. Побледневший Романов повернулся к строю, четко отдал команды и, не спросив ни у кого разрешения, просто увел своих курсантов с плаца.

Как выяснилось, Романов оказался прав по сути, а потому и борьба с ним протекала

ла теперь исключительно в скрытой форме. Было принято приватное решение проучить неуступчивого комбата, приподняв до немыслимой высоты планку требований к его курсантам по дисциплине и успеваемости. Узнав об этом, весь батальон решил поддержать своего командира успехами в учебе и в службе.

Уже вскоре 4-й батальон взял первое место в училище и без труда удерживал его до самого выпуска.

Это был достойный ответ Романова, не приемлющего мелких мстительных интриг.

Но, видимо, именно тогда он, вообще-то не любящий распространяться о служебных и личных проблемах, и решил рассказать жене о своем уже бесповоротно принятом решении: «Наверное, нам, Лариса, придется из училища все-таки уезжать...»

Он сказал так, словно советовался.

Но он знал, что его Лариса разделит с ним поровну все, что бы ни произошло. Ровно пополам, – как две половинки яблока или монетки. Или две половины одной судьбы, в которой каждый из них оказался достоин друг друга.

«...Предъявляет высокую требовательность к себе и подчиненным в выполнении воинского долга. Правильно сочетает требовательность к личному составу с повседневной заботой о нем».

Из служебной характеристики
майора Романова.
1984 г.

Вероятно, в какой-то момент своей определенно состоявшейся в стенах училища карьеры Романов все-таки должен был осознать, что этот этап военной службы лично для него пройден. Командирская и педагогическая работа в рамках высшего военного училища хоть и требует высшего мастерства многих преподавателей и офицеров-воспитателей, но за тихими академическими стенами шумела еще и иная жизнь: войска.

Войска с их ежедневными выходами на боевую службу, отдаленными гарнизонами, строго засекреченными объектами охраны, волнами нового солдатского призыва и увольнения в запас отслуживших свое солдат, учебой и тревогами, которые в отличие от курсантских тревог могли обернуться реальным противостоянием с вооруженными преступниками и диверсантами.

В то же время это было поле для большой практической работы, поэтому предыдущий опыт, знания и методики можно было смело паковать в чемоданы, отправляясь к новому месту службы. Быть может, офицерам, проводившим большую часть жизни в военных учебных заведениях, не всегда достает служебно-боевой практики, знания живой армейской жизни. Однако в среднестатистическом полку внутренних войск этот недостаток исправлялся быстро, в то время как бесценные навыки организации по-настоящему содержательной боевой учебы дают их обладателю очень серьезные преимущества.

Переводясь на службу в воинскую часть, располагавшуюся в уральском городе Златоуст-36, Романов совершил очень важный шаг в своей жизни. И не только потому, что в стенах училища он никогда бы не стал генералом. Здесь важнее другое: теперь он видел конечный, доведенный до рядового солдатского уровня результат своих преподавательских трудов и мог использовать свой опыт и знания сообразно задачам и условиям службы полка. Это был свежий воздух по-настоящему боевой работы, так как основной задачей полка, начальником штаба которого Анатолий Романов был назначен в октябре 1984 года, являлась охрана и оборона сверхсекретного предприятия стратегического значения.

И Романов, как всегда, блестяще справился с порученным делом.

Прощаясь на выпуске с лейтенантами, еще недавно составлявшими его 4-й батальон курсантов, Романов поклялся перед строем, что будет помнить каждого из них и готов поддержать любого в самой сложной жизненной ситуации.

Собираясь на новое место службы, он весело напомнил Ларисе, что когда-то говорил ей о засекреченных безымянных городах, путь в которые идет через раздвигающиеся в стене рукотворные ворота...

В Златоусте-36 таких ворот не было, но в остальном территорию предприятия и города, где жили его работники, можно было считать неприступной крепостью – так

сложна и надежна система его охраны, исключая любое несанкционированное проникновение.

Начальник штаба полка внутренних войск майор Романов, в чью зону ответственности входила промышленная, жилая и прилегающая территория, старался и здесь делать все идеально, и в службе для него не было мелочей. Если учесть, что периметр охраняемой территории насчитывал десятки километров, можно представить, насколько трудной и напряженной была эта служба. Один из его сослуживцев так впоследствии оценивал действия начальника штаба, а впослед-

ствии и командира 546-го полка внутренних войск МВД СССР Анатолия Романова: «Он всегда был начеку. Всегда осторожен, а служебная обстановка при нем была приближена к боевой».

Поначалу некоторые нововведения Романова и его обыкновение вникать в мельчайшие детали службы и солдатского быта были восприняты настороженно, но со временем все пришло в норму. Важно и то, что люди сразу почувствовали, что к нему можно подойти со своими проблемами, поговорить откровенно, искренне. Однажды солдату, служившему в полку Романова, пришла горестная телеграмма: умерла мама. Произошло это далеко, и на обычном поезде, как это регламентировалось правилами проезда военнослужащих, рядовой ко времени похорон уже не успевал. Узнав об этом, Романов пригласил солдата к себе, вынул из кармана собственные деньги и обронил коротко, словно отдал приказ: «Срочно покупай билет на самолет. Ты должен успеть».

Десять лет спустя некоторые из тех, кто служил под командованием Романова уже в воюющей Чечне, припомнят и такой мимолетный, обычный, если знать характер генерала, эпизод. Оказией из Москвы или Ростова-на-Дону доставили командующему группировкой сумку крупных апельсинов. Окончив совещание, Романов вышел из своего вагончика и все апельсины прямо из сумки раздал солдатам-первогодкам.

В этом – весь Романов...

В 1985 году в жизни Анатолия Романова произошло два очень важных события: ему было присвоено воинское звание «подполковник», и самое главное – он был назначен командиром полка. Того самого, 546-го полка внутренних войск, в котором до этого служил начальником штаба.

О том, что это был за полк и сколько в него было вложено труда, говорит один красноречивый факт биографии Анатолия Романова: уже через два года он был представлен к ордену Трудового Красного

Знамени, что, по общему признанию, означало очень высокую, почти запредельную оценку работы комполка.

Пока наградные документы ходили по инстанциям, где-то там, наверху, решили подкорректировать достоинство награды: вручили более скромную, на чей-то взгляд, Красную Звезду.

Но надо быть военным, чтобы понять, как дорога была советскому человеку эта ладная, лаконичная, по-настоящему боевая награда – орден Красной Звезды – легендарная «Звездочка».

Этот орден принес с Великой Отечественной войны отец Романова – пехотинец-автоматчик, заслуживший его за форсирование Днепра.

Полученная Романовым такая же награда равняла служебный, сопряженный с опасностями ратный труд офицера внутренних войск, надежно охранявшего одно из важнейших оборонных предприятий великой ядерной державы, с боевой службой его ровесников – офицеров-«афганцев», офицеров-подводников и офицеров-пограничников, чьи подвиги высоко оценивались обществом и были на слуху.

Ведь то, что делал Романов, значило для страны никак не меньше.

Однако лично для Романова эта награда закольцовывала еще одну промыслительную по своему духу историю, начало которой лежало в далеком детстве. Еще мальчишкой Толя Романов простодушно обменял отцовский орден Красной Звезды на какую-то приглянувшуюся ему у то-

варища вещицу. Он уже и не помнил на какую, когда отец хватился награды. Это был фронтовой орден – потертый, тусклый, с вышербленной эмалью на одном из лучей красной пятиконечной звезды – след осколка или пули. Орден полкового разведчика, добытый за линией фронта.

Отец – человек немногословный и невозмутимый – на этот раз в сердцах сказал сыну: «Вот когда получишь свой первый боевой орден, тогда и поймешь, что ты натворил...»

Отцовский орден тогда отыскался, но история запомнилась.

Кто же мог предугадать, что первым орденом Анатолия Романова тоже станет именно орден Красной Звезды?

Романов потом признался другу: «Сжав орден в ладони, я вспомнил слова отца и – заплакал».

Красная звездочка согрелась в ладони и напомнила, что у них с отцом оказалась одна главная дорога в жизни.

И эта дорога вела на войну...

Слева – орден Красной Звезды, которым был награжден отец Анатолия Романова – Александр Матвеевич за форсирование Днепра

Справа – орден Красной Звезды, которым офицер А.А. Романов был награжден за заслуги в военной службе

В мае 1988 года успешный командир полка подполковник А.А. Романов получил повышение по службе и был назначен начальником штаба и заместителем командира 95-й дивизии внутренних войск. Это было то самое соединение, в котором прежде прошла его срочная военная служба. Здесь он стал солдатом. Здесь рождалась и крепла его вера в собственную судьбу, навсегда тесно связанную с внутренними войсками. Отсюда 19 лет назад он уехал в Саратовское училище, чтобы стать офицером.

Однако для нынешнего Романова возвращение в дивизию означало не только более значимую служебную должность. Принципиально менялся сам масштаб служебно-боевой работы и даже масштаб ге-

ографический: неофициально именовавшаяся Московской, эта дивизия включала в свой состав воинские части, которые дислоцировались на территории сразу нескольких российских регионов и даже на архипелаге Новая Земля, где располагался арктический ядерный полигон. В перечне охраняемых объектов значились и первая в СССР атомная электростанция в Обнинске, и многие уникальные научно-исследовательские и испытательные центры, напрямую связанные с ядерной физикой, космосом и оборонной промышленностью. Одна из частей дивизии, предназначенная исключительно для охраны специальных грузов, осуществляла их безопасное сопровождение по всей стране.

А.А. Романов в кругу однокашников по учебе в Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил СССР (третий справа во втором ряду)

Надежное управление штабом соединения со столь многогранными задачами, личное трудолюбие и чувство обостренной ответственности, выгодно отличавшие деловой стиль Романова, позволили ему быстро преуспеть в службе, а сама 95-я дивизия, некогда уже сыгравшая для него роль стартовой площадки в большую жизнь, теперь благословляла офицера на решительный по своему характеру штурм новых команд-

ных высот: в 1989 году по рекомендациям комдива генерал-майора А.Г. Буряка и начальника управления спецчастей внутренних войск МВД СССР генерал-майора А.С. Сокка подполковник А.А. Романов был направлен на учебу в Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР имени К.Е. Ворошилова.

Такой поворот событий значил для Романова больше, чем любая мыслимая офи-

церская мечта: учеба в столь прославленной школе военного мастерства, какой является Академия Генштаба, означает не столько причастность офицера к военной элите страны, сколько его абсолютную профессиональную состоятельность и способность управлять войсками на более высоком – уже оперативно-стратегическом, полководческом уровне.

Подлинное значение решения командования внутренних войск о направлении А.А. Романова на учебу в Военную академию Генерального штаба можно оценить, еще и увидев крайне скупой список вышших и старших офицеров ВВ, кому в тот период выпала такая судьбоносная честь.

Первым в 1988 году на учебу в Академию Генштаба был направлен генерал-майор Анатолий Сергеевич Куликов, ставший впоследствии командующим внутренними войсками МВД России и командующим Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне, министром внутренних дел России и генералом армии.

Уже следом за ним, год спустя, в академию будут направлены еще двое: начальник штаба подполковник Анатолий Александрович Романов и командир дивизии полковник Анатолий Афанасьевич Шкирко. Именно А.А. Шкирко в 1995 году сменил на посту командующего внутренними войсками МВД России раненого Анатолия Романова, возглавит Объединенную группировку федеральных войск на территории

ЧР и, дослужившись до генерал-полковника, деятельно продолжит работу по поступательному развитию войск.

Есть еще одна удивительная деталь: Анатолий Романов придет на учебу в Академию Генерального штаба, будучи подполковником, и это не самое высокое по военным меркам звание среди слушателей его учебной группы, сформированной сплошь из полковников и генералов, станет поводом для добрых шуток. Сегодня чаще всего вспоминается одна, когда сокурсник Романова – известный военный летчик Герой Советского Союза генерал В.С. Михайлов, ставший впоследствии главнокомандующим Военно-воздушными силами страны, увидев молодого подполковника на задней парте, посоветует ему освободить вольготное, по его мнению, место для «заслуженного старика» и перебраться поближе к кафедре преподавателя. Впоследствии, став другом и боевым товарищем Романова по Чечне, генерал армии Михайлов с уважением будет вспоминать, как самозабвенно и упорно учился этот «академик» из внутренних войск, на котором офицерская рубашка часто была мокрой от пота.

И только в следующем, 1990 году слушателю основного факультета Военной академии Генерального штаба ВС СССР Анатолию Александровичу Романову будет присвоено очередное воинское звание «полковник».

«Честен. Требователен к себе и товарищам. Принципиален. Отзывчив. Всегда готов прийти на помощь товарищу».

Из партийной характеристики слушателя основного факультета Академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР им. К.Е. Ворошилова. Апрель 1991 года

Лариса РОМАНОВА, жена

Начинали мы жить в шестиметровой комнатухе в квартире моих родителей. Маме Толя понравился сразу, а отец поначалу встретил его настороженно. Ну а потом и принял, и понял, и поверил. Тем более что Анатолий – человек, что называется, с руками: и починит что надо, и шкаф соберет, и ботинки себе и любому подберет.

Толя вообще очень надежен. И как глава семьи, и просто по-человечески. А рядом с надежным человеком женщине многие житейские трудности, с которыми мы, как любая другая семья, безусловно, сталкивались в жизни, вовсе не кажутся такими страшными. Нет квартиры? Перетерпим! Нет денег? Сэкономим!

Как у каждой офицерской семьи, было немало переездов с места на место. И были они всякие. В Златоусте-36 – уже была трехкомнатная квартира. Можно

в футбол играть. А в Москве долгое время жили в общежитии.

Но не это самое сложное. Случалось и так, что стремительный служебный рост мужа, особенно после того, как Толя ушел из училища в войска, нравился далеко не всем и не сразу. Как раз в ту пору, когда он, хоть и орденосцем, прибыл на должность начштаба дивизии, окружающие были полны недоверия. «Кто такой? – Подполковник Романов! – Откуда? – С Южного Урала!». Гадали: может быть, ведет его по жизни некая «лохматая лапа»? Не поверите, но некоторые даже дела поднимали – не племянник ли какой того Романова, ленинградского... (Григорий Васильевич Романов – влиятельный государственный деятель советской эпохи. Член политбюро ЦК КПСС, в 1970–1985 гг. – первый секретарь ленинградского обкома КПСС. – Авт.)

Но после, узнавая ближе, проникались к Толе уважением, становились его соратниками. Сами же потом смеялись над собственными подозрениями.

Вот так – с каждым переездом, с каждым новым местом службы росло число Толиных друзей, друзей нашей семьи. Толя вообще обладает удивительным даром перетянуть на свою сторону любого собеседника, расположить людей к себе, к своей службе, к своему делу. И сегодня многие из них остаются рядом. А их человеческая поддержка очень важна и для меня, и для Вики.

Дочь мы назвали Викторией, потому что Анатолию хотелось, чтобы ее имя было победным. Чтобы в нем чувствовался оттенок воинской доблести.

Конечно, его служба занимала очень много времени. Знаете, как говорят военные: у нас два выходных, один зимой, а другой летом. Начиная с училища, где Толя служил курсовым офицером, почти все его время было посвящено службе.

И если заходил у нас разговор о том, что нужно найти время для семьи, для дочери, он мог сказать: «Лариса, у тебя одна дочь, а у меня шестьдесят сыновей». Так он говорил о своих подчиненных вначале. А потом их становилось все больше и больше – в прямой зависимости от служебного роста лейтенанта, капитана, майора, полковника и генерала Романова, переходящего с батальона на полк, с полка – на дивизию и так далее. Поэтому когда выдавался редкий выходной, он считался праздником.

Я оставалась дома, а Толя с Викторией уезжали куда-нибудь, по их словам, «отрываться»...

Когда Толя учился в Академии Генштаба, они с Викторией иногда сговаривались и что-нибудь прогуливали: дочь – не очень важную лекцию в пединституте, а Толя, например, самоподготовку. Ходили по старой Москве. Вика его как-то в «Макдоналдс» заташила. «Там, – говорит, все были кроме тебя». Хоть и посадила отца в уголке, только все равно он чувствовал себя там как-то неуютно...

Очень важно то, что в любых обстоятельствах их маленькая семья – Анатолий, Лариса и Вика Романовы – всегда оставалась очень сплоченной и дружной. Они так крепко держались друг за друга, будто предвидели эту тягостную разлуку, которую им еще предстояло пережить в дымном и страшном, как взорванный тоннель, октябре 1995 года.

Только пока еще ничто ее не предвещало...

К началу лета 1991 года полковник Романов окончил Академию Генштаба и убыл к новому месту службы, в Свердловск, где принял командование 96-й дивизией внутренних войск МВД СССР.

Примечательно, что стиль работы нового комдива был сразу же замечен всеми: первым делом Романов велел снимать в штабе со стен все таблички, регламентирующие время приема посетителей по личным вопросам. Этим он дал понять, что готов вникать в людские проблемы – в тревоги и заботы своих подчиненных – в любое время и требует того же от всех офицеров дивизии, невзирая на звания и должности.

Урал был далек от Москвы, но потрясения, связанные с августовским путчем ГКЧП 1991 года, введением в стране чрезвычайного положения и блокированием на крымской даче легитимно избранного Президента СССР М.С. Горбачева, требовали от военачальников всех уровней огромной выдержки, ответственности за собственные поступки, каждый из которых, оказись он неосторожным и необдуманным, мог привести к кровопролитию. К столкновению с народом, который в большинстве своем не признал провозглашение Государственного комитета по чрезвычайному положению законным и не поддержал его действий.

Все части и подразделения 96-й дивизии в течение трех драматических дней противостояния находились в местах постоянной дислокации, а сам комдив обратился к подчиненным с заявлением, в каждом слове которого ощущался присущий Романову дух справедливости, офицерской порядочности и непримиримости к суетливому политиканству. В нем он предупредил, что те, кто в связи с изменением ситуации в стране и в армии позволит себе оскорбительные выпады в адрес политработников или устроит какие-либо политические гонения,

Генерал-майор А.А. Романов

будут иметь дело лично с ним, комдивом Романовым, и ничем хорошим это для них не закончится.

И таких в дивизии не оказалось. Не было в ней малодушных и позднее. Может быть, и потому, что, понимая всю тяжесть и противоречивость времени, Романов старался дать своим солдатам и офицерам по-военному простые, но очень точные ориентиры. Они позволяли им выжить и выстоять в обстановке политической неопределенности и экономической разрухи, поставившей Вооруженные силы России, все ее силовые структуры и семьи военнослужащих буквально на грань физического выживания. «Я, как гражданин и офицер, – писал Анатолий Романов в своем новом

обращении к подчиненным, – призываю тебя, мой сослуживец, помоги Родине, не отрекайся от нее».

Он твердо знал, что катастрофа, которую переживал распадающийся Советский Союз, рано или поздно обернется опасностью гражданской войны и развала самой России, в которой только одна сила – люди в погонах, люди с Родиной в сердце – смогла бы в будущем противостоять беде. Полуголодные, измотанные безденежьем, брошенные властью – только они, пройдя через будущие испытания, и сделали возможным поворот России к ее великому будущему.

Но истоки этого важного поворота все-таки стоит искать в самом начале

90-х годов XX века, когда не дрогнули, не посыпались и не побежали те, кого в последующем по достоинству назовут поколением боевых генералов и боевых офицеров. Именно они сохраняют сами войска и их вековые традиции. Именно они качественно изменяют облик, приумножат боеспособность ВВ. Именно на них в последующем ляжет основная тяжесть руководства внутренними войсками МВД России во время масштабных военных конфликтов, в ходе контртеррористических операций и решительного наведения конституционного порядка в некоторых российских регионах.

Следующий, 1992 год стал для Анатолия Александровича Романова годом за-

воевания очень важных жизненных рубежей. Во-первых, он стал генерал-майором. Во-вторых, был назначен на должность начальника специальных частей внутренних войск МВД России.

Тех самых спецчастей, чье чуть-чуть архаичное и напоминающее чекистские времена наименование всегда только придавало этому неотъемлемому сегменту внутренних войск оттенок некоторой обособленности, избранности и таинственности во всем, что касалось службы и даже условий жизни их солдат и офицеров.

Для Романова такое назначение свидетельствовало прежде всего о том, что в своей воинской специальности он достиг наивысшей, мастерской квалификации. Это было и признанием его обширного опыта, позволяющего доверить генералу А.А. Романову охрану и оборону многочисленных важных государственных объектов и специальных грузов в масштабе всей огромной России. Совершенно понятно, почему решение о назначении на такую должность принимается всегда очень взвешенно и учитывает все аспекты биографии человека, все без исключения черты его характера.

Совершенно естественно, что собеседниками генералов из спецвойск часто оказывались властные руководители различных министерств и ведомств, прославленные конструкторы и деятели науки. Поэтому специфика службы требовала от офицеров не только твердых знаний в своей военной профессии, но и разностороннего ума, научно-технического кругозора, дара общения. Надо еще уметь авторитетно отстоять свою точку зрения и в уважительной дискуссии с академиком, и в остром споре с министром.

Романов напрямую связывался с любым отраслевым руководителем. У него были очень хорошие рабочие взаимоотношения с руководством Минатома, Российской академии наук и многими другими весьма известными и значительными людьми.

Важнейшим делом, которому Анатолий Александрович Романов в своей новой должности отдал много сил, стало проведение максимально приближенных к боевой обстановке учений «Атом-92» на одной из современных атомных электростанций.

Что очень важно: впервые в истории учения носили не противодиверсионный, а отчетливо выраженный антитеррористический характер. Делалась поправка на опасность угроз, исходящих сегодня именно от террористических организаций. У них и кадры, и тактика несколько иные, а значит, другой может оказаться и главная боевая задача.

Именно такая группа условных террористов загодя проникла в город. Распавшись, она стала ждать назначенного часа. Под видом командировочных «боевики» поодиночке сняли жилье в частных квартирах, а их расфасованные по чемоданам и сумкам оружие, взрывчатка и специальное снаряжение ни у кого не вызвали подозрений.

По условиям учений «боевики», разделившись на несколько небольших групп, должны были разными маршрутами проникнуть на АЭС, захватить блочный щит управления, заложников, а после объявить о своих условиях под угрозой взрыва. Одно условие носило сугубо денежный характер. Второе – политический: отставка президента страны.

Прорыв «террористов», к сожалению, увенчался успехом. Одну из групп обнаружил и нейтрализовал войсковой наряд внутренних войск. Другая была задержана на КПП при попытке пройти на станцию по поддельным пропускам. Тут же были усилены караулы, приведены в готовность антитеррористические силы. Однако нейтрализовать третью группу «террористов» военнослужащие просто не успели.

Прокопав лаз под основным ограждением, четверка вооруженных людей в масках проникла на территорию АЭС. Прикрываясь заложниками, они ворвались внутрь станции и захватили блочный щит управления.

По оценке генерал-лейтенанта Иннокентия Белобородова, сменившего в 1993 году Анатолия Романова на должности начальника управления по охране важных государственных объектов и специальных грузов, «тогда стало понятно, что причиной катастрофы, кроме всего прочего, может стать и обыкновенное принуждение персонала АЭС под угрозой смерти. Мы поняли, насколько уязвимым может оказаться машинный зал. Именно тогда впервые встал вопрос, как применять оружие в шитовом блоке АЭС, где открывать огонь еще опаснее, чем в летящем самолете. Но в последующем найдено было решение, позволившее без дополнительной охраны создать на территории станции новые локальные зоны. Они исключают несанкционированное проникновение людей в зоны ограниченного допуска. Со временем было создано и оружие, почти исключаящее рикошет».

К этому остается добавить, что вторая часть учений помогла освоить новые способы противоборства с террористами: группа «боевиков» была неожиданно атакована и обезврежена бойцами антитеррористического подразделения одной из российских спецслужб. Причем впервые – с использованием дельтапланов.

Эта учебная операция сыграла значительную роль в совершенствовании системы охраны и обороны всех АЭС страны. Она укрепила веру россиян в то, что применение ядерного террора и ядерного шантажа на атомных электростанциях неосуществимо. Она стала своевременным сигналом миру, означавшим, что Россия, даже ослабленная экономическим кризисом, по-прежнему остается ответственной ядерной державой, способной контролировать и надежно охранять свой мирный и военный атом.

**Генерал армии
Анатолий КУЛИКОВ,
президент Клуба военачальников Российской Федерации,
в 1992–1995 гг. – командующий внутренними войсками МВД России,
в 1995–1998 гг. – министр внутренних дел РФ, заместитель Председателя
Правительства Российской Федерации**

В ту пору (в 1992 году. – *Авт.*) одним из самых внимательных моих единомышленников и горячих сторонников стал Анатолий Романов.

Будучи начальником управления по охране важных государственных объектов и специальных грузов, Анатолий занимался чрезвычайно ответственной работой. В его ведении находились части и соединения, охраняющие ядерные реакторы, крупные оборонные предприятия и многое другое. Но как военачальник, он отлично понимал, что в ближайшее время главной задачей войск останется противостояние с боевиками из незаконных вооруженных формирований. Что облик современных внутренних войск будут определять части и соединения оперативного и специального назначения. Что главные события будут разворачиваться именно на Северном Кавказе.

Теперь мы часто собирались по вечерам, обдумывая разные ситуации. Романова и меня беспокоили одни и те же проблемы, от решения которых зависела сама судьба войск: новая организационно-штатная структура, вопросы служебно-боевого применения войск в изменившихся условиях, место внутренних войск в системе российской безопасности. Иногда Анатолий приходил в мой кабинет, иногда мы сидели у него. Думали. Считали. Строили смелые планы. Чего стоил хотя бы один из них: внутренние войска России обязательно должны передать конвойные функции органам юстиции. И не так, чтобы взять и отказаться, а сохранив при этом лучших офицеров, чья профессиональная подго-

товка позволяет им командовать ротами, батальонами и полками в частях оперативного назначения и в спецназе.

Будущее виделось так: боеспособные части оперативного назначения, задачей которых станет участие в преодолении вооруженных конфликтов; мощный и очень профессиональный спецназ внутренних войск; разведка внутренних войск, которую еще предстояло создать буквально с нуля в соответствии с лучшими образцами армейской разведки и оперативных служб органов внутренних дел; немногочисленная, но технически безупречная авиация ВВ; боевая учеба, рассчитанная на применение войск в горной и горно-лесистой местности, а также в условиях города; служба по контракту.

Сегодня наши пятнадцатилетней давности планы уже не кажутся революционными. Сегодня они стали реальностью, и ими уже никого нельзя удивить. Остается только поверить на слово, что так оно и было, и нам самим иногда приходила отчаянная мысль – а не заносит ли нас в наших фантазиях?

Но, в конце концов, мы были с Анатолием выпускниками Академии Генерального штаба, и у нас никто не мог отнять право на предвиденье грядущих событий.

В самом конце 1992 года я был назначен на должность командующего внутренними войсками МВД России и, зная надежность Романова, предложил Анатолию высокую должность в командовании войсками. Но он, человек очень честный, засомневался в том, что справится, и ответил мне так: «Спасибо за доверие,

но должность заместителя по боевой подготовке мне все-таки ближе: войска нуждаются в ее совершенствовании, в новой программе, а в организации учебного процесса я все-таки разбираюсь».

Я вынужден был согласиться с таким веским аргументом.

Именно заместителем командующего по боевой подготовке и стал Романов в начале 1993 года и немало сделал, чтобы внутренние войска МВД России быстро прибавили в профессионализме.

Президент России
Б.Н. Ельцин
в Отдельной дивизии оперативного
назначения внутренних
войск МВД России,
1993 год

«Хорошо подготовленный, трудолюбивый, инициативный генерал. Имеет необходимый опыт командной и штабной работы».

Из аттестации. 1993 год

**Генерал-полковник в отставке
Вячеслав ОВЧИННИКОВ,
в 1999–2000 гг. – главнокомандующий внутренними войсками
МВД России**

Еще не узнав Романова, я был немало о нем наслышан. Особенно уважаем он был в среднем звене офицеров – майоров, подполковников и полковников. Прежде всего за то, что честен и не боится говорить правду. Когда же мы с ним наконец познакомились, я сразу про себя отметил – вот человек, у которого порядок и в словах, и в делах. Последовательный, волевой, целеустремленный. Являясь одним из самых молодых по возрасту генералов (ему был тогда 41 год), вел он себя без малейшего позерства и бравлады, дескать, я среди вас, сорокалетних с хвостиком полковников, каким в ту пору был и я, –

самый необыкновенный. В то же время при самом простом поведении Анатолия ни у кого из окружающих даже не возникало мысли держаться с ним запанибрата: дистанцию он устанавливал ненавязчиво, но каждый чувствовал ту грань, которую не следовало переступить.

Я служил в оперативном управлении Главного управления командующего ВВ МВД РФ, и нашему товариществу, кроме некоторого внешнего сходства, способствовал обычный человеческий интерес. Романов мне импонировал умом, энергией, любовью к военному делу. А Романову, думаю, как заместителю командующего

по боевой подготовке, был небезынтересен мой достаточно богатый для офицера опыт пребывания в самых различных горячих точках СССР и России.

Своими тревожными мыслями я откровенно делился с ним. Сокрушался, что много офицеров у нас просто оказались неподготовленными к работе в условиях вооруженных конфликтов, для боя. Как много командиров, боящихся брать на себя ответственность в острых и нестандартных ситуациях. Говорил о том, как убийственно долго принимаются у нас любые решения и как по-дурацки могут быть они сиюминутно изменены с точно-

стью до наоборот. Без знания и понимания складывающейся обстановки.

Я рассказывал ему о специфическом менталитете наших восточных собеседников, которые уважают лишь волевых и решительных людей. Наблюдая за тем, как мы мечемся, даем какие-то обещания и тут же отрекаемся от своих слов по малейшему капризу сверху, они смотрят на нас сначала с удивлением, потом с интересом, а затем – с нескрываемым презрением. Потому что, по их мнению, такие кульбиты просто противоречат принципам поведения нормального военного человека.

Анатолию я рассказывал все это не просто так: надо было что-то менять в подготовке офицеров. В методике принятия решений. По всему чувствовалось, что мы вползаем в полосу очень тяжелых испытаний, и эти обстоятельства требовали от нас, офицеров, соответствующей работы мысли.

Многие замечали в Романове совпадение качеств, которые в нашей стране очень прочно ассоциировались с образом классического или, вернее, кинематографического царского офицера либо офицера Белой армии. Исходящий от него дух благородства, незамазанной чести и высокого человеческого достоинства в глазах многих людей очень сильно контрастировал с образом среднестатистического нашего генерала со всеми его известными недостатками. Даже с трудом верилось: надо же, а Романов просто крестьянский сын. Он как-то поделился со мной откровенно: «Быть офицером мне посоветовала мама. Жили бедно, иногда даже голодно. Сказала: иди, может, выбьешься в люди».

Однажды в оперативном управлении, где я служил, раздался звонок. Это был Анатолий Александрович. Узнав, что я на месте, попросил куда не отлучаться. Предупредил, что скоро мне будет звонить министр внутренних дел России Виктор Федорович Ерин. «После разговора – сразу ко мне», – предупредил Романов и, ничего не объясняя, положил трубку.

Действительно, вскоре позвонил министр и, поздравив, сообщил мне о присвоении воинского звания «генерал-майор».

Я, честно говоря, немного растерялся. Служил я полковником на генеральской должности так давно, что и думать забыл о том, что могу быть повышен в звании. Буквально застыл на месте от неожиданности. Но, помня о просьбе Романова, все-таки встряхнулся и направился к нему в кабинет.

Анатолий, конечно, давным-давно все знал и, торопя меня, попросил зайти в его комнату отдыха. Испытующим взглядом

смерил меня, как будто снимал мерку, и направился к шкафу, где аккуратно были развешены его кителя, рубашки, полевая камуфлированная форма и генеральские штаны с лампасами. С ходу отменяя все мои предполагаемые возражения, приказал: «Немедленно одевайся. Свою форму тебе когда еще сошьют, а в этой – ходи...

Сейчас я тебя представлю офицерам в новом генеральском качестве».

Так что первые генерал-майорские погоны в моей жизни были в буквальном смысле с плеча Романова. То, что произойдет позднее, только усилит фактор этого нашего удивительного внутреннего человеческого родства и заставит меня

думать и действовать не то чтобы от его имени, но – во имя нашей с ним дружбы. Во имя нашего общего дела, которое после ранения Анатолия Александровича будет продолжено его боевыми товарищами и доведено до конца.

Фото Игоря Акимова

Уже вскоре внутренним войскам предстояло пройти через многие испытания. Одним из них окажутся лихие дни октября 1993 года в Москве, когда противостояние федеральной власти с заседавшими в Белом доме сторонниками вице-президента России Александра Руцкого и Председателя Верховного Совета РФ Руслана Хасбулатова в конце концов вылилось в короткую, ровно в два дня уместившуюся и прошедшую как страшный сон гражданскую войну. Она унесла почти полторы сотни человеческих жизней, и легко представить, чем могло бы обернуться для всей страны ее расползание во времени и пространстве.

Внутренние войска МВД России в той ситуации действовали решительно, а вооруженный отпор экстремистам, пытавшимся с боем захватить телецентр в Останкино, по сути, предопределил бесславный финал всей политической акции по растаскиванию государственной власти.

Генерал Романов исполнял свой долг в тревожной осенней Москве 1993 года уверенно и достойно, осуществляя руководство подразделениями внутренних войск на том направлении, где решалась судьба России. Радиоперехват его докладов командованию ВВ, позднее опубликованный в российских СМИ, даже в самые драматические моменты противостояния фиксирует только спокойный, ровный голос Романова.

Наименование ордена – «За личное мужество», которым генерал-майор А.А. Романов был награжден за успешное выполнение служебных обязанностей, точнее всего характеризует совершенное им в обстановке безволия и выжидания, проявленных многими представителями высокой государственной власти. Он не боялся брать на себя ответственность. И, взяв ее, делал все возможное для спасения жизни москвичей и водворения порядка на столичных улицах.

Возможно, это был самый драматический период в новейшей истории нашей страны, если учесть силу центробежного движения, увлекавшего всю Российскую Федерацию к распаду на отдельные регионы.

Самой проблемной среди них оставалась Чечня, на территории которой федеральная власть де-факто не действовала уже с 1991 года.

Построенная на националистических лозунгах и политических декларациях Чеченская Республика Ичкерия (ЧРИ) – так она именовалась во времена правления чеченских сепаратистов – представляла собой территорию, где доминировало криминальное сообщество полевых командиров. Поэтому экономика республики подпитывалась не трудом ее жителей, а грабежами, незаконным оборотом оружия, финансовыми аферами, торговлей наркотиками и хищническим разворовыванием нефтяных и прочих запасов. Бандитская вакханалия сопровождалась бессудными казнями, пытками, сексуальным насилием и издевательствами в отношении некоренного населения – русских, украинцев, белорусов, евреев, армян, жителей казачьих станиц. Обычными стали в Чечне насильственный захват жилья и имущества, а также иные способы выдавливания этнических либо религиозных меньшинств.

Чечня стала опасным соседом для многих регионов России. Участились захваты воздушных судов местными террористами, сопровождаемые требованиями крупных денежных сумм. Подвергались ограблению следующие транзитом по Чечне грузовые и пассажирские поезда. Резко выросло количество заложников, захваченных боевиками на сопредельных территориях с целью денежного выкупа. Повсеместными стали их вооруженные грабительские набеги на приграничные села, фермы и предприятия.

Импортируя продукты грабежа и мошенничества, дудаевская Ичкерия экспортировала только один продукт – тот

дух разбойничьей вольницы, который был по душе многим маргиналам Северного Кавказа и увлекал их вседозволенностью и безнаказанностью.

Волнения в Нальчике (1992 г.) и вооруженный конфликт между Северной Осетией и Ингушетией (1992–1993 гг.) хоть и имели свои уникальные причины, не были бы столь ожесточенными, если бы не подогревались извне. Чечня уже являлась постоянным очагом нестабильности на всем Северном Кавказе, и в этом качестве представляла собой серьезную

угрозу существованию Российской Федерации как целостного и независимого государства.

Особенно, если учесть большое количество стрелкового и иного оружия, оставленного в Чечне на военных складах в период дудаевского мятежа 1991 года, и то, что так называемые «вооруженные силы Ичкерии» уже в течение нескольких лет планомерно готовились к оказанию военной помощи сепаратистскому подполью еще в нескольких регионах Северного Кавказа.

Генералы А.С. Куликов
и А.А. Романов

Разведдонесения и рассказы очевидцев, вырвавшихся из Чечни, свидетельствовали о необходимости возвращения Чечни в русло конституционного порядка. Причем концентрация федеральных войск на границе с Чечней еще не означала необратимости прямого военного столкновения с вооруженными формированиями ЧРИ.

Надо было трезво оценить ситуацию и правильно рассчитать дальнейшие шаги, включая сотрудничество с той частью чеченцев, которая была оппозиционно настроена к режиму Д. Дудаева и уже противостояла ему с оружием в руках. Многие жители надтеречной Чечни традиционно не испытывали ни любви, ни уважения к криминальной власти в Грозном и при действенной помощи России готовы были оказать содействие войскам в освобождении республики от сепаратистских и ваххабитских химер.

Террор экстремистов стал невыносим. Все чаще и чаще людей в Чечне убивали. Иногда целыми семьями. К административной границе Чечни с другими субъектами Российской Федерации теперь тысячами – с последним скарбом за плечами, а иногда и ограбленные до нитки – тянулись беженцы, стараясь найти убежище от разгулявшихся в Ичкерии и уже никем не управляемых банд.

Руководство внутренних войск МВД России отчетливо понимало, каких усилий может потребовать от них категорический приказ о наведении порядка в этой республике. Поэтому, начиная с 1993 года, внутренние войска стали фиксировать исход беженцев из Чечни, подробно расспрашивая людей о совершенных над ними злодеяниях. Еще позднее сбор информации и ее профессиональный анализ стали осуществляться созданной в ту пору разведкой внутренних войск, а на территории Северной Осетии – в непосредственной близости с Чечней – была развернута крупная войсковая группировка.

Осенью 1994 года командующим этой группировкой был назначен генерал-майор Анатолий Романов – заместитель командующего внутренними войсками МВД РФ по боевой подготовке. На военном жаргоне таких людей именуют «замами по бою», что в обстановке назревающих боевых действий было воспринято как решение мудрое и своевременное.

Боевики Ичкерии. Фото Владимира Веленгурина

**Генерал-лейтенант Сергей КУЦОВ,
начальник инспекции Федеральной службы войск национальной гвардии
Российской Федерации,
в 2001–2016 гг. – начальник разведывательного управления
главного штаба Главного командования внутренних войск МВД России**

В то время я был назначен начальником разведки группировки, и с этого дня началось мое тесное, практически круглосуточное общение с ее командующим генерал-лейтенантом Анатолием Александровичем Романовым.

К этому следует добавить небольшую предысторию, которая изначально определила мое к нему уважительное отношение. В 1993 году я окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и по предложению полковника Сергея Джобадзе (начальника разведывательного отдела Главного управления командующего внутренними войсками), хорошо знакомого мне по Афганистану, по службе в частях специального назначения, дал свое согласие на перевод из Вооруженных сил во внутренние войска.

Шло создание разведки внутренних войск МВД России. Буквально с нуля; так как после окончания Великой Отечественной войны и борьбы с националистическим и бандитским подпольем на Северном Кавказе, на Западной Украине и в Прибалтике в послевоенный период разведывательный орган попросту исчез из штатов внутренних войск.

Уже события в Нагорном Карабахе наглядно показали, что без своей разведки войска в самой сложной обстановке оказывались и глухи, и слепы, и это серьезно сказывалось на эффективности их действий.

Поэтому было принято решение о создании разведки внутренних войск МВД России, формировании органов ее управления, первых частей и подразделений.

Вся серьезная разведка внутренних войск, какой мы ее знаем сегодня, началась с одного письменного стола и одного стула в кабинете Главного управления командующего внутренними войсками (ГУКВВ МВД РФ) и тех армейских офице-

ров-разведчиков, которые постепенно приходили в новую для себя структуру, чтобы создавать войсковую разведку, используя личный опыт службы в военной разведке: опыт Афганистана, опыт подготовки и применения подразделений и частей специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР и России – опыт передовой во всех отношениях.

Я, в ту пору еще подполковник, был одним из тех офицеров-разведчиков, чьи кандидатуры только рассматривались в

1993 году на военном совете в Главном управлении командующего внутренними войсками МВД России.

Когда подошло время собеседования, в зале военного совета я увидел ряд испытующе глядящих глаз, и по погонам – преимущественно генерал-майорским – быстро определил военачальников, от которых теперь зависела моя будущая служба и моя дальнейшая судьба.

Последовавшие от них вопросы хоть и были заданы по существу, но все же носили общий характер. И лишь один из гене-

Фото
Владимира Вяткина

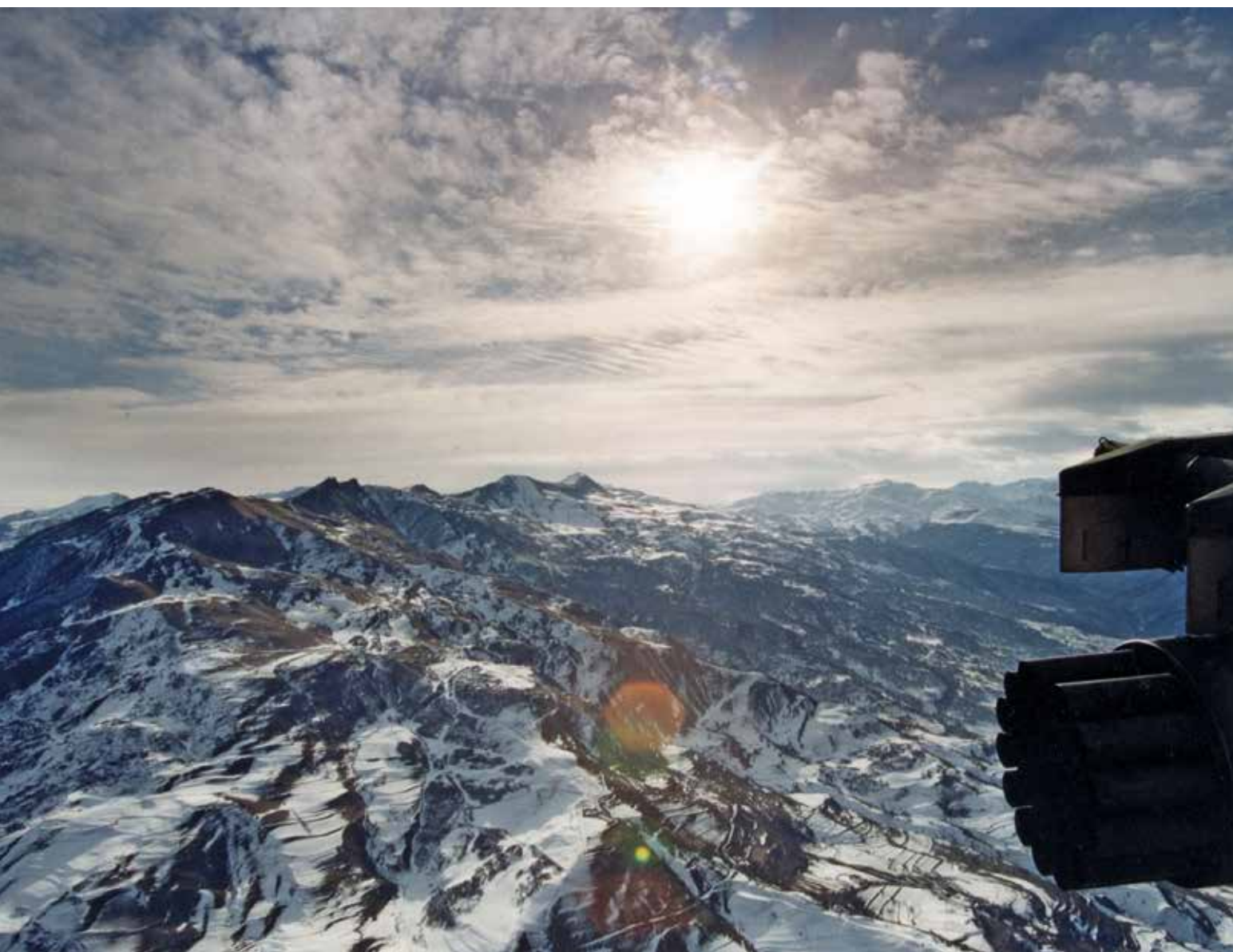

Фото ИТАР-ТАСС

ралов, чьи внимательные глаза, испытующе посверкивали на меня через линзы очков в тяжелой роговой оправе, спросил меня о том, что в действительности касалось знаний основ разведработы – о глубине зоны детальной и обзорной разведки. Я только уточнил: «А для какой инстанции?». Генерал – только позднее узнал, что это был Романов – уточнил: «Для фронта».

Мой доклад его вполне удовлетворил, а я для себя отметил, что генерал, задающий подобные вопросы, видимо, неплохо подготовлен. В те времена во внутренних войсках подобное отношение к разведке еще было

редкостью. У меня был один знакомец, на уровне старшего офицера главка, который на полном серьезе убеждал меня в том, что разведка внутренним войскам попросту не нужна. «Вот сейчас мы ингушей с осетинами помирим, – говорил он, – и точка».

Потом я еще несколько раз встречался с Анатолием Александровичем, согласовывая созданный нами курс боевой подготовки для разведчиков. И мне пришлось еще не единожды убеждаться, насколько подготовленным военным профессионалом проявлял себя Романов – компетентный, глубокий, спокойный человек.

Фото Владимира Веленгурина

Совместная служба в войсковой группировке, безусловно, заставляет людей оценивать друг друга уже с учетом полевых и боевых условий. В работе у нас с Романовым сложилась доброжелательная, товарищеская атмосфера. Разумеется, я, как младший по званию, соблюдал правильную, комфортную для каждого из нас дистанцию во взаимоотношениях. Генерал Романов оставался для меня всегда только «товарищем командующим»; я для него, как правило, «Сергеем Николаевичем» или «Сергеем». Так Романов подчеркивал наше сложившееся со временем взаимное доверие.

И этим доверием я очень дорожил.

Романов вообще доверял своей разведке. Это обязывало нас работать предельно тщательно, выкладываться. То, что ты можешь где-то слухавить или дать необъективную информацию, или как-то по-иному злоупотребить доверием командующего, – сама такая возможность начисто исключалась.

Доверие командования – это, возможно, самая высокая награда, какую только может заслужить разведчик. Потому что оно всегда складывается не только из сухих разведанных, но еще и из множест-

Фото
Валерия Щеколдина

венных личностных характеристик человека, которые их добыл.

Мы много работали. На границе с Чечней. Внутри Чечни, уточняя силы и средства вооруженных формирований Ичкерии, а также вскрывая их систему управления, местоположение опорных пунктов и оборонительных рубежей.

Постепенно сложился круг очень достойных и отважных жителей Чечни, которые по собственной инициативе постоянно дополняли наши разведданные свежей и достоверной информацией прямо из стана дудаевцев. Романов знал об этих людях, с некоторыми

встречался лично, получая информацию, что называется, из первых рук.

И мы, и они очень рисковали, но вскоре у нас уже были основания считать, что наше видение обстановки является самым достоверным, а наш командующий обладает всей полнотой данных.

Один из докладов, который Романов делал в присутствии очень высокого российского руководства накануне ввода войск в Чечню, вызвал общую одобрительную реакцию. За каждым фактом, за каждым аргументом чувствовалась крепкая, по-настоящему профессиональная работа.

Похороны убитых боевиками людей в казацкой станице.

Фото
Валерия Щеколдина

Другое дело, что сам анализ обстановки, который можно было сделать на основании кропотливо собранной информации, никакого воодушевления у Романова не вызывал. Он полностью разделял опасения разведчиков о несвоевременности ввода федеральных войск в Чечню в декабре 1994 года. Будучи трезвым, реалистичным человеком, он хорошо понимал, что тугие чеченские узлы нельзя было рубить одними только военными средствами.

Романов справедливо возмущался, что военные планы и замыслы не подкреплены перспективными планами политической и экономической стабилизации, которые на самом деле и должны были предварять ввод войск, рождая в чеченцах не отчаянное ожесточение, а добрые надежды на достойную жизнь, на мир.

Но эти возражения так и остались невостребованными. Произошло то, что произошло, и сам ход последующих со-

бытий потребовал пересмотра шапкозакладательских, заносчивых по отношению к противнику настроений. Да, с убежденными бандитами надо было продолжать самую бескомпромиссную борьбу. Но с простыми людьми следовало разговаривать по-человечески. Приводить в города и села Чечни надежную, квалифицированную власть, способную решать простые житейские проблемы. Надо было разоружать республику, вызывать из леса тех чумазных ополченцев, которые взялись за оружие по глупости или из ложно понятого ими чувства патриотизма. Надо было давать людям работу, кусок хлеба.

Жизнь только подтвердила правоту Романова и удивительным образом выбрала именно его на роль запомнившегося всей стране миротворца. На роль генерала, чье доброе слово оказалось куда сильнее любого оружия.

Собственно, по-настоящему счастливым из нас становится лишь тот, кто в учениках увидит продолжателей своего дела.

Романов не зря прослужил столько лет в саратовском училище: каждый год множил выпуск блестящих, честолюбивых, подвижных большими надеждами лейтенантов. За то время, пока Анатолий Романов оставался в его стенах курсовым командиром, офицером учебного отдела, преподавателем огневой подготовки и комбатом, училище окончили несколько тысяч человек.

Сложно сказать, насколько ярким каждый из них считает тот след, который оставил в их судьбе офицер Романов. Но каждый из них в тот день, когда пронеслась по стране черная весть о ранении генерала

Романова, верится, охнул. Уже потому, что в многоликом мире если что и остается – так это память об учителях. Неважно – хороших или плохих. Но таково уж свойство молодого ума, фотографически запечатлевающего тех, кто учил тебя первым шагам в профессии.

Романов не для себя растил из курсантов офицеров. Для страны. Для своих войск. Тем более удивительно, что вдобавок ему выпало еще и большое офицерское счастье идти с ними в бой, поровну деля и мужскую судьбу, и горечь потерь, и радость побед. Вместе с ними абстрактные схемы на учебных досках вырастали в дымный рисунок настоящего боя, и в этой закольцованности человеческих судеб уже ощущалась бесспорная правота вечной поэтической формулы: «Учитель,

воспитаю ученика, чтоб было у кого потом учиться».

В прошлом курсант Саратовского высшего военного командного училища Александр Никишин (выпуск 1979 года) был из того, 2-го батальона курсантов, в котором старший лейтенант А.А. Романов служил курсовым офицером.

С подполковником Александром Николаевичем Никишиным генерал Романов коротко обнимется на взлетной полосе Чкаловского аэродрома 31 октября 1994 года. Потом они сядут рядом на скамейку транспортного Ила, и самолет унесет их к той будущей первой чеченской войне, на которой оба они заслужат славу храбрецов и звание Героя Российской Федерации: командующий внутренними войсками генерал-лейтенант Анатолий Александрович

вич Романов – после ранения в октябре 1995 года, командир отряда специального назначения «Витязь» ВВ МВД России полковник Александр Николаевич Никишин – в мае 1996 года за освобождение заложников и разгром радуевской банды в селе Первомайском под Кизляром.

Тогда, в самолете, они коротко переговорили о деле, о задачах отряда спецназа «Витязь», который по прибытии в Моздок должен был влиться в возглавляемую Романовым войсковую группировку. Генерал сказал Никишину, доверительно наклонившись к самому уху: «Саша, ты понял – РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО!».

Никишин, лишь кивнул в ответ, хорошо осознавая весомую тяжесть произнесенных Романовым слов.

Их смысл был понятен: впереди была ВОЙНА. И каждый из них отдавал себе отчет, как тяжела и горька окажется она для России.

Вверху – Герой России полковник А.Н. Никишин

Слева – отряд специального назначения «Витязь» внутренних войск МВД России в Чеченской Республике. 1995 г. Фото Алексея Федорова

Сегодня, 11 декабря 1994 года, на территорию Чеченской Республики введены подразделения войск Министерства внутренних дел и Министерства обороны Российской Федерации. Действия Правительства вызваны угрозой целостности России, безопасности ее граждан как в Чечне, так и за ее пределами, возможностью дестабилизации политической и экономической ситуации...

Воины России! Знайте, что, выполняя свой долг, защищая целостность нашей страны и спокойствие ее граждан, вы находитесь под защитой Российского государства, его Конституции и законов.

Президент Российской Федерации
Б. ЕЛЬЦИН.
Москва, Кремль.
11 декабря 1994 года».

Федеральные войска вошли на территорию Чеченской Республики 11 декабря 1994 года.

13 декабря 1994 г. Камера кинооператора внутренних войск Валерия Жовтобрюха, сопровождавшего генерала Романова в облете войсковых позиций и переправы через Терек в районе станицы Червленой, фиксирует обстрел генеральского вертолета боевиками. Пули прошивают корпус «восьмерки», ранен кто-то из охраны командующего. Видно, что солдату больно. Романов наклонился: «Ты как, сынок?». Ответные слова тонут в шорохе помех, но судя по бодрым кивкам бойца в ответ на генеральское участие, не все так плохо. Лишь после этого мелькающие видеок cadры зримо начинают заваливаться вбок, и становится ясно, что вертушка пошла на крутой разворот.

Фото Владимира Николайчука

Эта фотография известного российского фотографа Валерия Щеколдина запечатлела чеченских беженцев зимой 1995 года. Стоит прицеп на дороге, а в нём люди. Ни трактора поблизости, ни машины. Люди в прицепе – словно в лодке, потерявшей парус и руль, замерли на самом гребне войны, и трудно сказать, что станет с ними через минуту, через час, через год...

Куда прицепят – туда и повезут.

Своим ходом не дойти: в прицепе вещи и дети. Поэтому и остаётся им одно только – доверившись судьбе, ждать неизвестно чего на пустой дороге.

В чем-то эта фотография – символ произошедшего с Чечней в последнем десятилетии XX века. От большой России уже отцепилась, а провозглашённая дудаевцами Чеченская Республика Ичкерия никуда никого не повезла. Не было в ней топлива, которое в состоявшемся государстве являет способность организовывать жизнеобеспечение, учить и лечить, давать работу населению и будущее их детям.

Начало контртеррористической операции и, следовательно, боевых действий на территории Чечни в 1994 году сопровождалось не только растерянностью, что называется, житейской, то есть необходимостью бежать, прятаться и спасать нажитое.

Растерянность носила глобальный характер: политики (российские, вроде Бориса Ельцина, и ичкерийские, вроде Джохара Дудаева) не вспомнили, не позаботились о людях, которые при всякой войне страдают в первую очередь. О стариках, женщинах и детях, которые окажутся под ударом или останутся вот на такой дороге – брошенные всеми, растерянные и никому не нужные...

Как это полагается на войне, у Романова был псевдоним – «генерал Антонов». Именно так он фигурировал в сводках для открытой печати. Делалось это лишь для того, чтобы обезопасить реального генерала и его семью от сведения возможных счетов.

Идея благая, но почти бесполезная. В контртеррористической операции в Чечне, широко освещаемой средствами массовой информации и к тому же ведущейся на собственной территории, все эти «боевые псевдонимы» расшифровывались мгновенно. Наоборот, в какой-то момент они стали даже мешать, внося неразбериху в бумаги, которые тоже поначалу подписывались разными фамилиями.

Будучи командующим группировкой, Анатолий Романов руководил вводом внутренних войск на территорию Чеченской Республики 11 декабря 1994 года. Но вскоре подошел срок его замены, и он вернулся в Москву с чувством надвигающейся катастрофы.

В дни трагического штурма города Грозного, начатого в новогоднюю ночь, Рома-

нов безвылазно сидел у телевизора, переключая программы с одного новостного канала на другой.

Там, на улицах этого города, теперь дрались его войска, знакомые и дорогие ему офицеры и солдаты. Он нервничал, мысленно перекладывая разрозненные и противоречивые события на понятный ему язык штабных карт.

Но, будучи профессионалом в военной области, он отдавал себе отчет, что самыми уязвимыми жертвами войны всегда становятся попавшие в ее жернова женщины, старики, дети и мирный уклад человеческой жизни, в котором главными ценностями справедливо у всех народов почитаются семья, дом, труд и все остальное, что эту жизнь окружает и – из поколения в поколение – множит.

Прерванная человеческая жизнь – это не просто трагедия для убитого человека и его родных. Это – необратимо прерванная цепочка будущих жизней. Возможно, тысяч и тысяч жизней, каждая из которых могла бы стать украшением человечества.

Фото
Валерия Щеколдина

Елена ЛОРИЯ,
корреспондент газеты «Известия»,
в 1995 году – корреспондент газеты «Комсомольская правда»

Те, кто знал Романова до войны, считают, что он сразу сильно изменился. В короткие наезды в Москву генерал, всегда выдержанный и спокойный, теперь нервничал, раздражался по мелочам, мог накричать на домашних, чего никогда доселе не было в этой дружной семье. Он и дома просматривал кассеты, снятые в Чечне, при этом волновался, переживал за ошибки: «ОМОН неправильно действует».

Переход из войны в мир и обратно давался ему с трудом. Там кровь и смерть солдат, за которых он несет ответственность, горе тысяч семей. Тут, в Москве, люди смеются, рассказывают анекдоты...

Нет на свете большей ответственности, чем ответственность за чужую жизнь. Отдавая боевой приказ, выполнение которого связано с риском для жизни, порядочный генерал берет на себя и груз ответственности за несбывшиеся чело-

Фото
Владимира Вяткина

веческие судьбы – спецназовцев, разведчиков, летчиков, минометчиков, мотострелков... Их матерей и отцов. Их жен и невест. Их детей и внуков. Он отвечает и перед теми, кто был изувечен на войне физически и надломлен душевно. Романов, очень совестливый человек, всегда об этом помнил. Незадолго до покушения он приезжал в Москву (как раз на свой день рождения) и на встрече с журналистами говорил о том, сколь разрушительными бывают последствия стрессового состояния для тех, кто участвовал в боевых действиях. Его тогда спросили: «Возможно ли повторение «афганского синдрома»? – «Да, возможно, – ответил Анатолий Алек-

сандрович. – Только «чеченский» будет страшнее. Потому что нельзя солдату оценивать политически, что происходит сейчас. Это накладывает огромный отпечаток на его сознание. Оценка должна даваться не ему. Мы выполняем долг».

Романов рассказал о разработанной им программе реабилитации военнослужащих, возвращающихся из Чечни, где прежде всего предусмотрен нормальный восстановительный отдых: «Я сам утром вскочил от шума включенного женой фена – он гудит, точно вертолет на запуске, – думал, опять кого-то ранили или убили, полетели вывозить».

Фото Владимира
Николайчука

**Генерал-лейтенант в отставке Станислав КАВУН,
в 1993–2003 гг. – заместитель главнокомандующего внутренними войсками
МВД России – начальник управления по работе с личным составом**

Офицерские качества генерала Анатолия Романова заслуживают отдельного разговора. Просто сказать, что он прирожденный командир – недостаточно. Командовать ведь можно по-разному. Стил командующего Романова отличался особым тактом и педагогичностью, исключительной порядочностью, недопустимостью пренебрежительного отношения к своим подчиненным. Абсолютная вежливость, уважение к людям передавались от него как от родникового источника всем окружающим. Доказывая чью-то неправоту, он никогда не менял доброго и уважительного отношения, не показывая даже интонациями голоса своего недовольства. С другой стороны, он, не бывая резким, не был и мягким. Его отличала железная твердость в управлении, умение довести до конца любое начатое дело, уникальная способность так организовывать людей, что каждый из них не только знал цель отдельной задачи, но и понимал свою человеческую и профессиональную значимость в общей работе, личную ответственность за ее результаты.

Познакомившись с Романовым, я сразу же с интересом подметил одну характерную деталь: при подготовке служебных документов Анатолий Александрович очень тщательно изучал существо вопроса, никому ничего не перепоручая. Не потому

что не доверял, а потому что так проявлялось его желание глубоко узнать суть проблемы, чтобы впоследствии смело и аргументированно отстаивать свою точку зрения где угодно.

Еще одна очень важная черта его характера – спокойное отношение к власти. Свою власть он использовал только по делу и очень внимательно следил за тем, чтобы его служебный рост ничуть не отражался на отношениях с соратниками, товарищами. Чтобы отношения оставались такими же ровными и теплыми, как и прежде, и не зависели от высот воинского звания и служебного положения.

Поведение генерала Романова в боевой обстановке вызывало не только уважение. Но, может быть, и некоторую зависть. Даже в самой сложной ситуации он никогда не терялся. Сохранял спокойствие, уверенно отдавал команды и распоряжения. Причем во всем этом не было ни капли бравады или какой-то игры. Все его приказы основывались на тщательном и глубоком анализе оперативной обстановки, учете самых мельчайших факторов, на чувстве здравого смысла. Даже в крайнем цейтноте он успевал выслушать и услышать подчиненных, почти мгновенно проанализировать полученные сведения и принять целесообразное решение.

**Генерал-лейтенант в отставке Юрий ЗАВИЗИОНОВ,
в 1996–1997 гг. – командир 101-й особой бригады оперативного
назначения внутренних войск, в 2004–2006 гг. – командующий войсками
Северо-Западного округа внутренних войск МВД России**

В те дни, оставаясь офицером оперативного отдела группировки, я часто летал и ездил с Романовым по всей Чечне. Поэтому могу судить, насколько проявлялся в нем тогда истинный военачальник, умелый дипломат и просто хороший, порядочный человек.

Однажды он летел в Ассиновскую. По дороге читал какие-то бумаги. Маршрут был хорошо известен. Но в этот раз штурман оказался молодой – и мы полетели не туда. Я это вижу и говорю летчику: «Слушай, мы не туда летим». Он мне в ответ: «Может, ошибаешься?» Я: «Да нет, точно не туда!..»

Потом и сам Романов – а он не слышал нашего разговора – мне говорит: «По-моему нас неправильно везут. Разберись».

Я подошел к летчику, говорю: «Давай покажу, куда лететь». Ткнул в карту один,

два, три раза, а она у него такая мелкая, что мой указательный палец закрывает слишком большую площадь, и ему все равно непонятно... «Нет, – говорит летчик, – ты покажи так – визуально». Борттехник вышел и я залез в кабину, чтобы поработать вперёдсмотрящим.

Долетели и сели нормально. Впервые я столкнулся с такой ситуацией: виданное ли дело – командующего группировкой повез неизвестно куда! Думал, сейчас начнут с парня, со штурмана, прямо здесь десять шкур спускать.

Но Романов, гляжу, подошел к командиру экипажа и очень корректно так сказал: «Ты его, штурмана, не ругай. Я понимаю, что он летит в первый, может, во второй раз. Всякое бывает – сбился, растерялся... Его просто еще надо учить. И ты будь ему учителем. Не ругай, не дави, а иначе можно человека сломать навсегда».

Фото Олега Смирнова

Фото Юрия Кислого

Как-то позвонил Романову один из командующих тактической группировкой: «Есть острая необходимость пополнить боеприпасы». — «Сколько надо?» — «Чем больше, тем лучше». — «Это не ответ. Мне нужен расчет». — «Давайте два вагона сразу». — «Нет, сначала посчитайте, потом мне перезвоните». А мне говорит: «Что за генерал, не знает сколько огневых задач ему нужно решить».

Я тоже окончил военную академию, и у меня была в запасе хитрая табличка, которую я везде таскал с собой. Там написано, сколько боеприпасов для какой системы помещается в разные ящики и сколько таких ящиков можно погрузить в разные машины, начиная

с ЗИЛ-131 и заканчивая «Уралом-375». Поэтому я быстро сделал расчет и выдал Романову результаты. Он перепроверил. Не потому что не доверял, а просто так — по привычке. И когда вечером ему перезвонили из тактической группировки — там у специалиста, видимо, наконец дошли руки, расхождение в цифрах оказалось небольшое. Звонивший перед Романовым извинился.

Вроде бы мелкий эпизод. Но в чем урок: Анатолий Александрович дал человеку время, чтобы вникнуть в проблему. А заодно научил, чтобы ему цифры не от балды давали, а просили только необходимое. Чтобы действия самих войск были осмысленны и конкретны во всем.

Фото
Валерия Щеколдина

Романов никогда ни на кого не кричал. Если и бывала такая редкость, что заметно повышал голос, — так это когда у нас случались потери. Их он переживал очень сильно, но в этом чувствовалась настоящая боль, а не опасение, что за убитых или раненых с него будут спрашивать наверху. Я никогда не забуду: в операции под Бамутом мы потеряли сразу несколько человек.

Романов очень тяжело переживал исход этой операции. А вечером, подводя итоги, собрал всех, кто прямо или косвенно был в ней задействован. Я думал, что в этой ситуации всем придется несладко. Было за что и трибуналом грозить, и снимать с должностей.

Обычно, если у кого были убитые и раненые, сразу начинал снимать стружку, а тут очень сдержанно провел детальный разбор всей операции. А напоследок сказал, как будто подвел итог: «Если мы будем делать ошибки и повторять их в последующем, эта война обойдется нам дорогой ценой».

Что сразу же вызывало в людях симпатию к Романову? Доступность, простота в общении, доброжелательное внимание

к собеседнику. К любому. Невзирая на ранги. Стариков из Грозного на своем вертолете выводил. К родственникам, если жили поблизости — в Краснодарском или Ставропольском крае, либо в Моздок. Еще и пайки солдатские умудрялся им выкроить или накормить: сытых русских там не было.

Не припомню случая, чтобы кому-либо отказал во встрече: принимал всех. Не уйдет с КП, пока не переговорит с каждым.

Однажды в Моздоке ко мне подошел командир одного из отрядов спецназа, посетовал: «Не можем улететь. Командировка закончилась. Солдаты рвутся домой, а самолетов нет, и неизвестно когда будут. Мы знаем, что готов к вылету в Москву самолет командующего, но нам сказали, что туда нельзя...» Я сразу же передал этот разговор Романову. Он понял моментально: «Без проблем. Надо только посмотреть по тоннажу. Лишние ящики к чертовой матери выкинуть. Пусть везут на чем угодно, хоть на собаках. Но людей надо взять!»

И он забрал всех людей. Всех, кто там был!

**Полковник Александр ДЕНИСОВ,
в 1993–1995 гг. – заместитель командира Отдель-
ной дивизии оперативного назначения внутрен-
них войск МВД РФ, в 1995–2000 гг. – начальник
отдела воспитательной работы управления
по работе с личным составом Главного командо-
вания внутренних войск МВД России**

Чечня. Поздняя весна 1995 года. Мелкий дождь. КП моей дивизии развернут на северо-восточной окраине села Нижние Атаги. Мазанка без крыши прошита пулями навывлет, вся округа перерыта воронками, за границей села ревет дивизион «Градов», и слышатся глухие разрывы в горах. Идет подготовка к операции по разоружению незаконных вооруженных формирований в городе Шали.

Радио: к нам на КП вылетает новый командующий группировкой генерал-лейтенант Романов. Засуетились. Многие его знают – немногословен, рассудителен, доступен. Никогда не подчеркивает границу в звании и должности между собой и собеседником, но при этом управленческий стиль Романова известен: тут идеальным порядком на КП и хорошим обедом не обойдешься. Нужен обстоятельный доклад, обосновывающий решение командира на проведение операции. В общем, все – до мельчайших подробностей.

В половине двенадцатого из-под рваной кромки облаков выныривает вертушка и, делая лихой разворот, садится. Вот и генерал Романов – чрезвычайно спокойный, подтянутый. После доклада исполняющего обязанности командира дивизии полковника В. Ракитина Романов тотчас вышел по радио на генерала И.Н. Рубцова, которого он должен был сменить на посту командующего группировкой, обменялся с ним информацией, и два генерала подвели черту: «Анатолий Александрович – фронт сдал. Желаю успехов». – «Спасибо, Игорь Николаевич, фронт принял».

Причина неожиданного появления Романова на нашем КП откроется позже: после взятия Грозного, Урус-Мартана, Чечен-Аула и Аргуна впереди была вся равнинная часть Чечни.

Фото Владимира Николайчука

Фото Владимира
Николайчука

Романов спешил понять драматургию момента и, как казалось, готов был предложить войскам новую тактику, а политикам новую стратегию в разрешении чеченского конфликта. Их сутью являлось бескровное продвижение федеральных сил по республике, которое становилось возможным при условии, что будет найден общий язык с населением, со старейшинами и религиозными лидерами.

Шали – одно из ключевых мест Чечни.

Шали – одно из тех сел, в котором Романов, разговаривая со старейшинами, уже ощутил людскую волю к миру. Видимо, состоялся и обмен гарантиями, состоялись какие-то предварительные договоренности. Но так или иначе, Шали будем брать.

Еще накануне село набито боевиками. Перед началом спецоперации Рома-

нов находится на передвижном командном пункте, развернутом у проходной консервного завода в двух километрах от села. Операцией руководит полковник Ракитин. Войска – 2-й и 5-й полки нашей дивизии действовали во взаимодействии с подразделениями 19-й мотострелковой дивизии Министерства обороны под командованием полковника В.В. Приземина – находятся в готовности. Утро, 7.15, напряженная тишина. Никто не знает, что ждет впереди. Либо старейшины сдержат слово, и боевики уйдут из села добровольно, либо случится тяжелый бой с неизбежными потерями.

Условный сигнал по радио: пошли первые штурмовые группы, чуть сзади ползут БТРы групп огневой поддержки. Туман над мусульманским кладбищем. Команда

остановиться. Ждем. Генерал Романов, не проявляя волнения, слушает доклады командиров: «Подошли к окраине. Сопротивления не встретили...» А вдруг противник хитрит, затягивая нас в огневой мешок.

В полвосьмого Романов, обращаясь ко мне, спрашивает: «Саша, пойдешь со мной парламентаром?» Я немедленно соглашаюсь и прошу взять в нашу группу еще и полковника Виктора Скрябина. Потом движемся так: по бокам нас прикрывают БТРы и полтора десятка бойцов из спецназа. Мы – в центре. Входим в село и движемся к его центру. Вроде бы все нормально, а в сердце все равно что-то екает: здесь мы как на ладони. Что будет впереди – одному Богу известно.

Однако план Романова работает. На площади нас уже ждут люди: кто-то из администрации, местный мулла, жители. Боевиков – уже физически чувствую – в селе нет. Это еще раньше меня понял и Анатолий Александрович. «Саша, надо убрать», – говорит, показывая на ичкерийский флаг с волком возле районной администрации.

Российский флаг у меня с собой есть. Буквально через минуту он гордо развевается там, где только что уныло висел флаг дудаевского режима. Начинается новая жизнь!

Пока Романов беседует с людьми на площади, принимаю решение поднять флаг России над всем селом. На двадцатиметровую телевышку, видную из любой точки Шали, по моему приказу быстро взбирается один из бойцов и прикрепляет бело-сине-красное полотнище.

Теперь всем в округе понятно: генерал-лейтенант Романов не просто беседует с населением. Теперь ясно каждому: куда бы ни двинулся генерал Романов, за его спиной всегда остается твердая власть его великой страны!

Это был первый и очень важный шаг. Благодаря чему дивизия, не потеряв

ни одного человека, в последующем освободила еще 14 чеченских сел и прошла более 70 километров без серьезных боестолкновений. Как-то на совещании, в кулуарах которого возник спор, не ошибаемся ли мы, упуская боевиков, может, следовало бы их добивать, несмотря на потери и разрушения, я вдруг увидел Романова глубоко задумавшимся. Он, отстранившись от полемики, словно и не слыша наших слов, просто внимательно смотрел в окно, как будто видел там что-то такое, чего еще не дано было видеть всем остальным.

Я увидел Романова таким, и мне вспомнились слова поэта Максимилиана Волошина, будто написанные про этого человека: «Я сделал все, чтоб братьям не давать себя губить, друг друга убивать».

Фото Владимира Николайчука

Полковник Александр Михайлович Денисов рассказывал: «После того как Анатолий Александрович Романов поговорил с народом в Шали, у меня возникла мысль водрузить российский государственный флаг на самой макушке возвышающейся метров на двадцать над этим селом телевизионной антенны.

Не скрою, был азарт, чтобы поднял этот флаг на самую верхотуру боец из дивизии имени Дзержинского, в которой я в советские времена служил начальником политотдела, а в новые времена стал заместителем комдива по работе с личным составом. В общем, понимал, что в акте этом – поднятии флага – есть значительный и жизнеутверждающий политический смысл.

Подозвал солдата, спросил: «Залезешь? Водрузишь знамя российское?». Он говорит: «Залезу, товарищ полковник!». Я дал ему флаг, и он быстро начал взбираться по внутреннему желобу. Поскольку не было древка, он два конца закрепил на верхушке антенны узлами. В 15 часов 15 минут российский стяг был поднят над Шали, и видно его было издалека.

Когда боец слез, я открыл блокнот, чтобы записать его фамилию. Все еще думал, что он – «дзержинец», из 5-го полка Отдельной дивизии оперативного назначения внутренних войск МВД России. А солдат говорит бодро, с улыбкой: «Нет, товарищ полковник, я Сергей Николаевич Быстров, рядовой, военнослужащий 503-го мотострелкового полка 19-й мотострелковой дивизии, в/ч 29483, призыв второй, 1993 года, из города Йошкар-Олы».

Я-то думал, что он солдат из наших внутренних войск, а он, оказывается, из армии. Но это ничего: ведь войска и армия делают одно общее дело. А флаг уже реет.

Я засмеялся: «Молодец, иди».

Вечером в присутствии генерала Анатолия Александровича Романова и подъехавшего генерала Геннадия Николаевича Трошева (он командовал тогда 58-й армией Минобороны) я рассказал историю поднятия российского флага над Шали.

Трошев тогда еще записал в записную книжку фамилию подчиненного ему рядового Быстрова. Обещал, что наградит его орденом.

Так и не знаю, случилось ли это».

Фото Владимира Николайчука

Фото Олега Смирнова

**Генерал армии Анатолий КУЛИКОВ,
президент Клуба военачальников Российской Федерации,
в 1992–1995 гг. – командующий внутренними войсками МВД России,
в 1995–1998 гг. – министр внутренних дел РФ, заместитель Председателя
Правительства Российской Федерации**

В июле 1995 года я был назначен на должность министра внутренних дел. Из тех генералов, которые могли бы после меня претендовать на должность командующего внутренними войсками, сам я выделял генерал-лейтенанта Анатолия Романова: он умен, совестлив, очень надежен как человек и профессионал. Именно его фамилию я назвал Президенту России, подчеркнув, что Романов из тех генералов, на которых можно опереться в самую трудную минуту. У Ельцина его кандидатура никаких вопросов не вызвала, и он дал команду готовить соответствующий указ.

Сделанный выбор объяснялся прежде всего деловыми качествами Романова. Еще со времени нашей совместной учебы в Академии Генерального штаба (Анатолий учился на курс младше) мне импонировала его манера аккуратно и точно исполнять приказы. За Романовым ничего не нужно было переделывать. Он помнил каждую деталь любой операции, был чрезвычайно работоспособен и никогда не уходил с рабочего места, пока не убеждался в том, что все отлажено до мелочей.

Конечно, это далеко не все, что требуется для крупного военачальника, но без этого ни один военачальник, ни один полководец просто не состоится. Если Романов проводил боевую операцию, то можно было не сомневаться, что он добьется победного ее завершения при минимальных потерях с нашей стороны. Если он вел переговоры, то не следовало удивляться, что он, например, заходя перечитает всего Чичерина (*видный советский дипломат. – Авт.*), чтобы понять

основы дипломатического искусства. Говоря о Романове как об аккуратном и точном исполнителе приказов, я имею в виду его врожденную способность доводить все до абсолюта – до последнего заключительного штриха, после которого любая проблема казалась исчерпанной.

Те, кто знает Романова близко, всегда отмечают его деликатность. Он никогда ни на кого не кричал, и в горячке самого тяжелого боя трудно было услышать от него хотя бы одно слово брани или уничижительный эпитет в отношении подчиненных. Каждую минуту в нем чувствовался хороший и доброжелательный учитель.

За последние годы мы хорошо сработались с Романовым и понимали друг друга почти с полуслова.

Указ о назначении Романова командующим внутренними войсками был подписан, и вскоре Анатолий уехал в Ханкалу, чтобы возглавить Объединенную группировку федеральных войск на территории Чеченской Республики. Поскольку я, уже в ранге министра, состоял в переговорной комиссии, мы целый месяц провели с Романовым, решая и боевые, и переговорные задачи. 31 июля было подписано соглашение со всеми участниками переговоров. Анатолий активно включился в процесс урегулирования: практически весь блок военных вопросов не только детально был обработан при его непосредственном участии, но впоследствии именно Романовым и реализовывался. К каждой фразе документа, просчитывая последствия, он относился внимательно, скрупулезно. Он умел и любил убеждать

людей и очень корректно общался с нашими, мягко говоря, партнерами по переговорам. В тот момент существовала уверенность, что перелом в войне наступил.

В этой обстановке надо было двигаться к миру, давая возможность гражданской администрации укрепить свои позиции. Нужно было находить общий язык с боевиками, склоняя их к прекращению бессмысленного кровопролития. Знаменитые кадры, когда Романов обнимается с Масхадовым, надо воспринимать только в контексте той ситуации. Романов, правда, позвонил мне в некотором сомнении: «Правильно ли я сделал?», на что я искренне ему ответил: «Не переживай! Ты – командующий, и тебе поручено вести переговоры. Делай все, что считаешь нужным».

Во время переговоров с боевиками самообладание Романова производило на чеченцев неизгладимое впечатление и позволяло шаг за шагом продвигаться к миру.

23 августа 1995 года в Грозном после встречи с чеченской стороной он вышел к журналистам и сообщил, что до 30 августа должен осуществиться процесс разоружения в Ачхой-Мартановском и Сунженском районах. К этому же сроку предполагалось осуществить «вывоз вооруженных отрядов из горных районов». По информации Романова, оружие готовились сдавать в Ножай-Юрте, и уже была договоренность о прекращении боевых действий в еще четырех районах республики. Правда, чуть помедлив, Романов все же добавил: «Если, конечно, Дудаев не сорвет этот процесс».

Министр внутренних дел Российской Федерации генерал А.С. Куликов в Чеченской Республике. Лето 1995 года.

Фото Олега Смирнова

ВОЙНА И МИР ГЕНЕРАЛА РОМАНОВА

За успешное руководство войсками в условиях вооруженного конфликта генерал-лейтенант Анатолий Александрович Романов был награжден орденом «За военные заслуги». Простая, но ладная эта награда, учрежденная в марте того же, 1994 года, символизирует признательность России своим военным служащим за добросовестный ратный труд, за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга.

Романов был одним из тех, кто безоговорочно заслуживал этого ордена как эффективный и смелый военачальник.

Это событие, радостное уже само по себе, знаменовалось еще одним удивительным обстоятельством: на обороте врученного Романову ордена и в орденской книжке был обозначен порядковый номер награды – №1.

Сегодня трудно судить, произошло это по простому стечению обстоятельств либо намеренно, но обладание орденом №1 в любом случае относилось к разряду бессмертных исторических персонажей – в список первых кавалеров той или иной награды, который короток даже в самой большой стране.

Но можно было увидеть в этом еще один символ – по-своему исключительной, неоспоримо первой по значению роли Романова в качестве миротворца. Да, рядом с ним и вместе с ним работали блестящие специалисты-переговорщики с более обширным, чем у него, опытом работы в многочисленных конфликтах – Аркадий Вольский, Вячеслав Михайлов, Валентин Зорин, Анатолий Куликов и другие. Однако в памяти людей остается все же только он, Анатолий Романов – высокий, подтянутый, с искренним и умным лицом генерал в пятнистой камуфлированной куртке с закатанными рукавами.

Что-то иное, помимо чинов и регалий, виделось в нем людям. И тем, кто встречался и работал с ним в Чечне. И тем, кто видел Романова только по телевизору в новостных сводках.

Иначе и не объяснить огромную людскую симпатию к генералу, которая не умерла, не растворилась в суете прошедшего после покушения времени.

Генерал-лейтенант А.А.Романов с полковником А.А. Заславским (Чеченская Республика).

Фото Владимира Николайчука

**Генерал-полковник в отставке Аркадий БАСКАЕВ,
в 1993–2000 гг. – командующий войсками Московского Краснознаменного
округа внутренних войск МВД России**

С Анатолием Александровичем мы были дружны давно – с 1980-х годов. После его переезда в Москву часто встречались, дружили семьями. Поэтому и боевая командировка в Чечню летом 1995 года, в которой с обязанностями коменданта Чеченской Республики я совмещал обязанности заместителя командующего Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне, то есть заместителя генерал-лейтенанта А.А. Романова, – при всей ее напряженности, опасностях и прочих сопутствующих обстоятельствах только укрепила наше товарищество.

Мы работали очень слаженно – сплоченной командой, деля поровну заботы, бои, короткий сон и общие надежды на достижение мира.

Образ Романова-миротворца точен, но он не должен затмевать его чисто солдатских, боевых качеств. Во время пребывания в Чечне Анатолий проявил себя как зрелый и смелый военачальник, возглавивший ряд ответственных операций. Это был боевой генерал в полном смысле этого слова. Он хорошо чувствовал нерв боя, а его чисто военные качества я и сегодня оцениваю очень высоко. Хотя бы на примере известной операции в Аргуне по ликвидации банды некоего Хамзатова, захватившего часть города и пытавшегося

диктовать нам свои заведомо невыполнимые условия.

Мы эту операцию продумали и провели так четко, что в условиях боестолкновения прямо на улицах города, в жилых домах ни один житель Аргуна не пострадал. Романов ставил эту операцию в пример и, будучи убежден, что боевая работа войск должна быть максимально щадящей по отношению к мирным гражданам, их домам и имуществу, всегда требовал от подчиненных разборчивости в применении средств, осознания всеми своего человеческого долга по отношению к соотечественникам-чеченцам.

Наводя порядок в республике, мы обязаны были помнить, что она является частью большой многонациональной России. И если мы хотим быть понятыми и поддержанными живущими в ней людьми, то должны с уважением относиться к обычаям и святыням Чечни, к народным и религиозным традициям ее жителей.

Романов сразу же обязал всех командиров строго соблюдать форму одежды. В Чечне это важно. Увидев обвешанных оружием, но при этом заголившихся по пояс омовцев в косынках, чеченские бабушки в проезжавших мимо автобусах плевали в стекла от отвращения. Ну не принято здесь так, не положено.

Корреспондент газеты «Ситуация» внутренних войск МВД России Андрей Роднов, встретившийся в ту пору с генералом Романовым, писал в своем очерке из Чечни: «Романов выглядел очень уставшим человеком, страшно переживал, что солдаты продолжают гибнуть, а он, командующий, не может предпринять адекватных мер к распоясавшимся боевикам. Переговоры с боевиками уже стоили жизни двадцати двум военнослужащим внутренних войск. Еще около ста человек получили ранения.

Тем не менее незадолго до нашего разговора Анатолий Александрович беседовал с группой офицеров. Мне показали видеозапись. «Воюя с бандитами, – говорил Анатолий Александрович, – мы должны гуманно относиться к мирному населению. Если мы бездумно разрушаем чей-то дом, который чеченский крестьянин собирал по кирпичику всю жизнь, человек озлобляется, автоматически переходит к Дудаеву. Если же нам удастся решать вопросы мирным путем, то это для Дудаева страшнее выстрела. Не зря он по телевизору назвал меня личным врагом».

Фото
Алексея Федорова

А.А. Романов с генералами группировки внутренних войск МВД России в Чеченской Республике В.С. Гафаровым, П.Т. Масловым и А.Г. Баскаевым

Генерал-лейтенант в отставке Юрий ЗАВИЗИОНОВ, в 1996–1997 гг. – командир 101-й особой бригады оперативного назначения внутренних войск МВД России, в 2004-2006 гг. – командующий войсками Северо-Западного округа внутренних войск МВД России

Все время я старался его беречь. Как-то мы приехали в одну из тактических группировок, и нужно было подскочить еще на самый передний край. Меня предупредили: могут стрелять снайперы противника. Я по привычке влез на броню БТРа, а Романову говорю, что ему надо залезть внутрь бронетранспортера. «Это почему?» – возмутился Романов. – «Очень пыльно, – отвечаю, – а я ваши очки случайно дома забыл».

Здесь речь не про те очки, обычные, что иногда носил Анатолий Александрович, а про самодельные, которые я сделал из противогАЗа как раз затем, чтобы можно было по пыльным летним дорогам Чеч-

ни ездить на броне: все-таки так больше шансов уцелеть при подрыве.

Однако там, где стреляют, нужно ездить внутри бронетехники. Я хотел, чтобы Романов сидел внутри бэтэра, но так, чтобы при этом его самолюбие не страдало. Он, конечно, настоящий солдат: глядя, как другие лезут на броню, посчитал бы зазорным для генерала выглядеть несмелым. Но он же – командующий! И долг любого из нас сделать все, чтобы сохранить ему жизнь. Он как знамя – в нем крупица и нашей офицерской, солдатской чести. Боже упаси не выполнить приказ и не спасти командира.

В центре фото – один из лидеров боевиков Ичкерии Аслан Масхадов

А Романов, конечно, не понимает, сердится: «Ну как же так, Юра? Ты бы еще голову дома забыл». Но лезет внутрь БТРа...

Поехал я наверху, довольный, что мне на этот раз удалось провести Анатолия Александровича, и ни одна пуля его не достанет.

Когда мы выезжали на переговоры, все организовывалось четко: вертушка садится, машина подходит. Я определяю, с какой стороны по нам могут открыть огонь. Значит, тут же наша охрана идет в шахматном порядке. Если смотреть со стороны – плотная цепочка. В самом начале переговоров с бандитами, когда все еще по табуреткам рассаживаются, я даю команду бэтэру подъехать и закрыть командующего со стороны окна. Романов даже не реагировал: мало ли машин по улице ездит.

Когда мы куда-либо ехали с ним, я все время менял маршруты. Поэтому он часто мне выговаривал: «Слушай, Юрий Гаврилович, что-то мы долго едем». Я от-

вечал: «По другой дороге сегодня едем». Мы и летали по-разному: я менял маршруты вертушек и до последней минуты никому не говорил, куда полетит Романов.

Летчики у нас были молодцы. Помню, был среди них великолепный человек – подполковник Пшеничный, и он, бывало, обижался, что я вроде как проявляю к нему недоверие. Но пусть простит он меня сегодня: по-другому просто было нельзя. Это же служба.

Романов умница. Он мог переговоры повернуть так, что после них две недели проходили без единого выстрела. Вместо того, чтобы провести боевую операцию, он больших успехов добивался словом. Где-то надавит на боевиков (силы-то у нас было побольше), где-то просто сыграет на обаянии. И в результате – тишина полнейшая. И уж на что обманщиками были наши партнеры на переговорах, всегда старались держать слово, если с ними договаривался именно Романов.

Центральная военная газета России «Красная звезда» пером своего корреспондента Петра Алтунина так писала о генерале Романове: «Почти каждую неделю мы видели по телевидению этого высокого, статного генерала в берете и камуфляже. Генерала, который всегда находился в гуще событий, пытаясь развязать очередной узел в затянувшемся конфликте и двинуться дальше по пути к миру. В самой сложной обстановке он сохранял удивительную выдержку и твердость духа. Романова, кадрового военного, по праву стали называть дипломатом, миротворцем. Таким мы его и запомнили».

За те несколько месяцев, в течение которых генерал Романов, по меткому замечанию одного из аналитиков, не «усмирял», а «умирял» Чечню, малоизвестный доселе военачальник и впрямь превратился в общественно-политического деятеля всероссийского масштаба. Он олицетворял собой подлинное, искреннее, без камня за пазухой российское МИРОТВОРЧЕСТВО, воспринимаемое всей нацией теперь как последняя надежда на прекращение кровопролития.

**Генерал-полковник в отставке Аркадий БАСКАЕВ,
в 1993–2000 гг. – командующий войсками Московского Краснознаменного
округа внутренних войск МВД России**

Портрет Анатолия Романова не будет полным без понимания его командирской природы. Не был он податлив на ложную доброту. Мог высказать провинившемуся свои претензии так, что никому мало бы не показалось.

Помню, в Ханкале, в штабе Объединенной группировки появился один командированный откуда-то генерал. Он так умудрился организовать свою работу, что ни разу за месяц не выехал за пределы охраняемой территории городка. Конечно же, трусил. Но командующий, не торопясь с выводами, спросил генерала о том, почему он сидит на месте, когда в войсках требуется его присутствие. Услышав в ответ, что, де, и в Ханкале, много работы, Анатолий Александрович коротко подвел черту: «Мне здесь такие генералы не нужны. Собирайте чемодан и уезжайте в Москву подобра-поздорову!»

Сам Романов был бесстрашен, и лично возглавлял проведение боевых операций, не считаясь с риском для жизни. У него было моральное право на подобную жесткость, на презрение к людям, проявившим малодушие, а тем более – трусость в боевой обстановке.

Однако он мог довольно строго спросить и с тех генералов, кто, наоборот, бравировал смелостью, или тех, кто от усталости и притупленного ощущения опасности просто махнул на себя рукой. Получалось так, что я, чья комендантская должность требовала постоянного пребывания в аэропорту «Северный», каждый день как

минимум два раза – утром и вечером – ездил на совещания в Ханкалу, к Романову. То есть по четыре раза на дню проезжал тот злосчастный тоннель, где впоследствии подорвали машину Романова.

Узнав, что я езжу на простом «уазике», Романов меня отчитал и потребовал, чтобы я пересел в БТР. Дословно помню произнесенное им тогда: «Аркадий, может произойти всякое. Особенно возле Минутки. Обстреляет снайпер или, не дай Бог, подорвут».

Вместе с Романовым я принимал участие в переговорах с чеченскими боевиками. И всякий раз меня поражала выдержка, тактичность Романова, его умение истерикам, которые закатывались нашими оппонентами почти каждый день, противопоставлять абсолютное спокойствие и деловитость. В любой, самой сложной ситуации он пытался найти выход и всегда находил его. Но я-то знал, как достается ему это душевное равновесие: выпьет перед переговорами мензурку валерьянки, на том и держится.

Да, это были трудные переговоры, но уже был ошутим их результат. Активных боевых действий против федеральных войск дудаевцы уже не вели и потихоньку начинали сдавать оружие. Романов в глазах многих чеченцев пользовался огромным авторитетом.

Размышляя о том, был ли террористический акт, в результате которого он пострадал, направлен именно против него, я пришел к выводу, что это было именно

так. Романов многим мешал. Тем, кто был заинтересован в продолжении непримиримой борьбы. Тем, кто на этой войне преследовал своекорыстные интересы и мало думал о судьбах простых жителей Чечни.

Знать бы, что случится с Романовым, можно было бы без всякого сожаления отвести в сторону все эти дипломатические церемонии, которые мы, в надежде на мир,

устраивали нашим коварным партнерам по переговорам. Может, и не было бы потом ни покушения на генерала Романова, ни захвата бандитами города Грозного в августе 1996 года, ни трагедии на мюзикле «Норд-Ост» на Дубровке, ни захвата школы в Беслане...

По правилам после окончания переговоров все делегации разъезжались.

Военные наблюдатели
ОБСЕ на переговорах
в Чеченской Республике

Мы – к себе, а чеченские сепаратисты – в свои населенные пункты, которые они контролировали. До окраины села они ехали в сопровождении нашего офицера. Но однажды машина случайно заехала чуть дальше, и офицер с удивлением увидел возле сельского Дома культуры самого Дудаева и множество других полевых командиров, собравшихся на какое-то совещание. Вернувшись, офицер немедленно доложил мне об этом. Я – Романову. Он сразу понял, какие перед нами открывались перспективы: «Если сейчас по ним бабахнуть, то и война сразу закончится!»

Оставалось получить разрешение у секретаря Совета безопасности Олега Лобова, полномочия которого позволяли ограничивать действие нашей авиации и артиллерии.

Романов поставил в известность Лобова. Тот колебался, и вроде бы даже склонялся одобрить наши действия. Обрадованный Романов даже начал уже ставить задачу авиации. Но тут неожиданно позвонил Лобов, и до этого находившийся в напряженных отношениях с Романовым, и в гневных тонах вдруг начал упрекать Романова в том, что тот-де готовит провокацию с целью срыва мирных переговоров. Перевернул все с ног на голову, но так и не дал нам провести боевую операцию.

Было это 25 сентября 1995 года...

А через день пришло подтверждение от разведки: дудаевцы заседали в этом селе всю ночь. Так была упущена возможность уничтожить командное ядро бандитов, и это самым серьезным образом повлияло на исход всего военного конфликта, на судьбу Чечни и всей России.

До покушения на Романова оставалось чуть больше десяти дней.

Фото Владимира Николайчука

Фото Олега Смирнова

Воюющую Чечню части и соединения внутренних войск прибывали без своих Боевых знамен: они оставались в пунктах постоянной дислокации. Но такова уж душа всякого военного человека – без знамени он, подобно сироте, чувствует себя одиноким и, мечтая о ве-
душем его в поход стяге, ищет любую возможность обозначить себя флагом своего Отечества.

Поэтому, когда не хватало Государственных флагов России, в ход шли самые разные из найденных в Чечне и давно никому не нужных полотнищ времен СССР – заводские, колхозные и пионерские стяги. Иногда к антеннам, к самодельно выстружанным древкам любовно прилаживались даже выпелы победителей социалистического соревнования, и каждый из таких стягов был любим и почитаем так, как если бы и впрямь являлся настоящим Боевым знаменем.

К 9 мая 1995 года, ко Дню Победы, солдаты в цехах брошенного завода в городе Грозном отыскивали еще одно растоптанное временем и людьми старое советское знамя. Его полотнище было прострелено. Но, выстиранное и прикрепленное к древку, оно стало выглядеть ПОБЕДНО, особенно когда на алое сукно привинтили тогда еще очень редкие, а потому особо почитавшиеся в солдатском и офицерском кругу знаки «За отличие в службе» первой и второй степени.

Это знамя солдаты принесли генералу Романову; День Победы в Ханкале весной 1995 года запомнился именно этим, и еще – дрогнувшим от волнения голосом Романова, когда, принимая знамя, он благодарил бойцов за возвращенную к жизни и преображенную на военный лад реликвию.

В истории войск правопорядка памятни несколько случаев спасения Боевого знамени части. Один из них – это спасение Боевого знамени 3-го мотострелкового полка внутренних войск НКВД СССР

Фото Олега Смирнова

в августе 1941 года, при эвакуации основных сил Балтийского флота в Кронштадт.

С июля 1941 года этот полк участвовал в боевых действиях в составе Северо-Западного фронта. В августе, в ходе эвакуации, остававшиеся в Таллине подразделения части были погружены на пассажирское судно «Вирония», которое являлось штабным кораблем.

28 августа огромный караван советских кораблей был атакован фашистской авиацией и торпедными катерами у мыса Юминда на севере Эстонии. «Вирония» стала тонуть. Находившийся на ее борту капельмейстер (дирижер) оркестра 3-го мотострелкового полка внутренних войск НКВД интендант 3-го ранга Георгий Николаевич Ивашенко в губительной ситуации успел вынуть Боевое знамя из полкового сейфа и, обмотавшись алым полотнищем, бросился в воду. Так, со знаменем на груди под гимнастеркой он и поплыл к берегу, пока не был подобран случайным катером.

Добравшись до Кронштадта, Ивашенко отправился в штаб войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта, где и отдал знамя своего полка, сохранив его честь.

О дальнейшей судьбе интенданта 3-го ранга Г.Н. Ивашенко известно лишь то, что в 1942 году переведен в РККА и служил дирижером оркестра в Уфимском пехотном военном училище.

Стоит напомнить, что Романов и сам был знаменосцем (в школе) и командиром знаменной группы (в саратовском училище). В воюющей Чечне теперь находился и прежний училищный знаменщик из этой знаменной группы – бывший курсант, а ныне командир 8-го отряда специального назначения «Русь» внутренних войск Анатолий Голоскоков.

Романов мог положиться на него в одной из самых острых ситуаций противостояния с дудаевцами еще и потому, что их общая причастность к Боевому знамени в глазах Романова означала особое доверие к Голоскокову.

Настолько АБСОЛЮТНОЕ И ИСКРЕННЕЕ доверие, что и оценить его способен лишь по-настоящему военный человек и только настоящий знаменосец.

Это ДОВЕРИЕ к тому, кто готов умереть, выполняя боевой приказ...

Полковник запаса Анатолий ГОЛОСКОКОВ, выпускник Саратовского высшего военного командного училища им. Ф.Э. Дзержинского МВД СССР 1979 года, в 1995–1997 гг. – командир 8-го отряда специального назначения «Русь» внутренних войск МВД России

Это случилось в июле 1995 года. Вызвавший меня Романов, в обычной обстановке обращавшийся ко мне либо по званию, либо по имени, тут вдруг сказал невиданно строго, словно само мое появление имело особое на эту минуту значение: «КОМАНДИР, готов ли твой отряд выполнить боевую задачу?» – «Любую задачу выполним, товарищ командующий», – заверил я его и тут получил разъяснение: «В одном из сел

готовится мероприятие дудаевцев при большом скоплении народа. По данным разведки, там будет первое их лицо. Даю тебе вертолеты – четыре Ми-8 и шесть Ми-24 для удара с воздуха. Высаживаешь там десант и привозишь их первого человека живым. На подготовку операции – час. Многое неизвестно. Возможно, мы с тобой, Анатолий, видимся в последний раз. Будь к этому готов».

Вверху и справа – фото Юрия Тутова

Сказано это было так, что я чувствовал, как больно было Романову говорить последние фразы.

Но я ответил: «Есть!»

Я видел уже, как погибали люди, и всегда готовил себя к такому исходу. Но, честно говоря, тогда мурашки у меня пробежали по телу... Понятно было, что точно рассчитать высадку десанта и его прикрытие в воздухе будет очень трудно. Придется действовать по обстановке и по наитию. Своим бойцам я сказал: «Будет очень горячо» – и взял на операцию только самых-самых опытных. Вертушки уже в готовности молотили воздух лопастями. Уже подошел авианаводчик, который должен был десантироваться вместе со спецназом и с земли наводить вертушки бомбово-штурмового удара.

С собой взяли по два боекомплекта боеприпасов (неизвестно еще, как сложились бы обстоятельства), и я доложил Романову о готовности бойцов 8-го отряда к операции в неизвестном месте. Только в воздухе я должен был получить точные координаты цели.

Мы рассчитали так: над целью повиснет разведчик, а вертолеты нанесут удар одним кругом. Мы высаживаемся на берегу, а там – будь что будет. Местности мы не знаем, численность противника нам неизвестна. Но бойцы – они и есть бойцы! Я по лицам видел, что все готовы.

В последнюю минуту операцию отменили. Генерал Романов мне позднее сказал, что первое лицо дудаевского руководства на мероприятие не приехало, а без него наше десантирование теряло всякий смысл.

Всякий бой может закончиться для военного человека гибелью, но не в каждый бой идешь с осознанием, что он – самый последний.

Этот эпизод с Анатолием Александровичем мы больше не обсуждали. Чего обсуждать: жизнь каждого из нас там каждую минуту висела на волоске.

Безусловно, в каждую минуту переговоров с чеченскими боевиками и в каждое мгновение своего пребывания на территории Чеченской Республики генерал-лейтенант Анатолий Романов был верным проводником интересов и воли Российского государства.

Важными были проведенные им боевые операции. Важным – укрепление органов управления в населенных пунктах и рутинная, изматывающая работа по сбору оружия и боеприпасов у населения республики, разминированию территории.

Однако за рамками срочных информационных сообщений, перечислявших количество изъятых автоматов и гранатометов, оставалось то главное, что составляло истинную программу готовившихся в Чечне перемен.

Накануне покушения, случившегося 6 октября 1995 года, Романов сам изложил наиболее важные позиции в интервью обозревателю «Общей газеты» Александру Трушину: «Главное для меня – удержать ситуацию в руках, не допустить развязывания боевых действий... Пока еще военно-техническая сторона доминирует. Мы же, военные, считаем, что это неверно, решающее слово должно быть за политиками. Затем – экономика. Вос-

становливать республику надо, думая прежде всего о бедах конкретного человека, об обеспечении его жильем. Одновременно следует заниматься жизнеобеспечивающей инфраструктурой: освещением, коммуникациями, дорогами, мостами, транспортом.

И, конечно, созданием таких органов управления Чеченской Республики, которые будут готовы к реальному самоуправлению. А наша роль – оказание помощи, консультации, обучение. Моя цель – подвести общество к выборам без насилия. Чтобы никто не давил на избирателя. Чтобы около избирательного участка не было ни российского танка, ни автомата, ни боевика».

Во многом это то, что происходит в сегодняшней Чечне: воплощенная в жизнь «программа Романова», которую непримиримые боевики попытались уничтожить вместе с самим генералом. В итоге это покушение обернулось для Чеченской Республики, ее народа и ее экономики только украденными годами и многочисленными людскими потерями.

Как прозорливо заметил однажды товарищ Романова полковник Александр Кислицын: «Был бы здоров Анатолий, многое пошло бы по-другому».

«Обстановка в самое ближайшее время может обостриться. По данным разведки, готовится целая серия террористических актов и диверсий против подразделений федеральных войск».

**(Из интервью генерала А. Романова
съемочной группе ОРТ 5 октября 1995 года)**

Фото Владимира Вяткина

Фото Владимира Николайчука

«В одной из своих служебных командировок в Чечню генерал Романов снял с себя бронежилет и отдал его офицеру спецназа. Этот поступок ярко и точно характеризует этого человека. Дело в том, что генерал Романов в буквальном смысле слова надел бронежилеты на всех нас – на все внутренние войска!»

**Генерал-майор С.А. Меликов,
командир Отдельной дивизии оперативного назначения
внутренних войск МВД России. 2007 год**

**Генерал-полковник в отставке Павел МАСЛОВ,
в 1998–1999 гг. – главнокомандующий внутренними войсками МВД России**

В тот момент на равнине для дудаевцев все закончилось: они были блокированы в горах. Сутью переговоров было их разоружение, которое должно было сопровождаться одновременным выводом федеральных сил из районов. При условии, что там начинали функционировать граж-

данская власть и органы внутренних дел. Проверять друг друга можно было с помощью инспекций, тем более что мы неплохо представляли численность той или иной бандгруппировки. В худшем случае могли ошибиться человек на 50-70.

**Советник государственной гражданской службы РФ 2-го класса,
полковник запаса Василий ПАНЧЕНКОВ,
советник Департамента по взаимодействию со средствами массовой информации и институтами гражданского общества Росгвардии,
в 1994–1996 гг. – пресс-секретарь командующего Временной оперативной группировкой внутренних войск МВД РФ в Чеченской Республике**

Мне довелось наблюдать за некоторыми из встреч сопредседателей Специальной наблюдательной комиссии (СНК) генерала Романова и представителя Дудаева Аслана Масхадова. Последний стоял на том, что, мол, здесь идут переговоры военных представителей двух государств – России и Чечни. Романов поворачивал дело так, что переговоры идут между представителями федерального командования и незаконных вооруженных формирований.

В ходе этих переговоров некоторые бородачи из окружения Масхадова вскакивали, начинали метаться в разные стороны и размахивать руками. Среди таких неуравновешенных часто оказывался самый молодой из переговорщиков – младший брат террориста №1 в Чечне Шамиля Басаева – Ширвани. Время от времени он, демонстрируя воинственность, хватался за висевший у него на поясе широкий изогнутый нож в украшенных орнаментом по зеленому полю ножнах. Но и в такие моменты Романов оставался спокойным и тактичным, терпеливо ждал, пока улягутся страсти.

Романов был готов ездить на переговоры столько, сколько потребуется, вести

дело от враждебности к компромиссам, а от них – к доверию. И было заметно, что у него с Масхадовым такие доверительные отношения начали действительно складываться. Например, Романов ехал и летел в чеченские села, оставляя охрану за околицей, далеко от места своих встреч с главарями бандформирований и проведения сходов населения, всецело полагаясь на Масхадова и младшего Басаева, которые обеспечивали его безопасность на контролируемой дудаевцами территории.

В начале августа 1995 года появилась наконец надежда на приближение к миру на условиях России, а затем и уверенность, что наступил перелом в войне: сначала газета «Известия», а потом и другие газеты опубликовали знаменитую фотографию, запечатлевшую генерала Романова, дружески обнимающего Масхадова.

...Был солнечный день, и участники переговоров расположились в тени виноградника в просторном дворе дома какого-то зажиточного чеченца на окраине Грозного. Приехавший к установленному времени встречи Романов ждал: чеченская делегация и раньше под различными предложениями

В центре – С.Н. Хаджиев, в 1995 г. председатель правительства временного совета Чеченской Республики

часто опаздывала. Но как только Масхадов оказался во дворе, они пошли друг другу навстречу. После официального короткого рукопожатия случилось нечто, чего никто из присутствующих явно не ожидал: сопредседатели СНК как-то порывисто, по-молодому, обнялись. Все произошло так быстро, что ни я, ни приехавшая с Романовым обозреватель ИТАР-ТАСС Тамара Замятина не успели сделать снимок. Мы с Замятиной, держа наготове фотоаппараты, не сговариваясь, в один голос попросили повторить эту сцену. Романов с Масхадовым рассмеялись и снова обнялись, но теперь уже повернулись к снимающим. Когда отшелкали затворы фотокамер, Романов нашелся первым. «Вы же понимаете, что после этого мы уже не сможем стрелять друг в друга», – сказал он.

Потом я узнал, что Романов по прибытии с переговоров позвонил министру внутренних дел РФ А.С. Куликову и поделился своим сомнением: правильно ли он сделал? Насколько могу судить, министр одобрил этот внезапный порыв, так как всегда доверял Романову действовать по обстановке.

После очередного раунда переговоров с чеченской делегацией в формате СНК Романов вышел к журналистам и сообщил, что только что достигнута договоренность до 30 августа завершить процесс разоружения в Ачхой-Мартановском и Сунженском районах. По его словам, следующим районом, где уже готовятся сдавать оружие, станет Ножай-Юрт, а боевые действия будут прекращены еще в четырех районах республики.

Село Зандак Ножай-Юртовского района, расположенное на границе Чечни с Дагестаном, в общем-то ничем не отличается от других чеченских сел, затерянных в предгорьях. Единственная его достопримечательность – старинное кладбище.

Слухи о конце противостояния и разоружении давно доходили сюда, но осторожные горцы не верили, что это будет так скоро. Не верили, пока однажды утром не собрал их на сход босоногая стая ребятни, стрижами пролетевшая по дворам с доброй вестью.

Анатолий Романов и Аслан Масхадов выступили перед сходом с простыми и понятными каждому словами: соглашение, мирное урегулирование, прекращение боевых действий, освобождение насильственно удерживаемых, разоружение, вывод войск, прекращение диверсий, правительство России, правительство Чечни...

Масхадов призвал граждан сдавать оружие, «потому что оно никому не приносит добра». Романов, в свою очередь, пообещал, что «не допустит насилия, если в селе установится мир». Он обратился к мудрости селян, «чтобы от их села Зандак пошел по Чечне мир, как волна по морю». Жителям идея понравилась, и они тут же объявили свое село населенным пунктом, «с которого начнется установление мира на чеченской земле».

Началась сдача оружия. Прибывшие к месту приема оружия офицеры и солдаты внутренних войск по-деловому, сноровисто расставили столы, принесли предусмотрительно привезенные с собой выкрашенные в темно-зеленый цвет пустые ружейные ящики.

– Автомат Калашникова, номер... – ровным голосом произносит офицер, держа перед собой оружие.

Застрекотала пишущая машинка. Автомат, блеснув на солнце вороненой сталью, лег на дно ящика. За этим автоматом – второй, третий...

Люди смотрели на ящик, словно под его крышкой упрятано не оружие, а сама война, принесящая столько горя и русскому, и чеченскому народам. Чего больше на лицах этих уставших людей: радости или тревоги, удали или боязни?

– Тут столько оружия, что можно дивизию остановить, – сказал один.

Между тем военные работали споро. Вот и опустела площадка, еще без малого час назад заваленная оружием разных систем и калибров, минами и упаковками с патронами. Но люди не спешили расходиться, словно ждали еще чего-то.

Людской говор перекрыл голос генерал-майора Павла Маслова:

– Командование федеральных войск предлагает вам добровольно сдавать оружие. Те, кто приобрел оружие за свои деньги, могут получить за него выкуп. Пока мы здесь, используйте эту возможность. А чтобы к вам потом не было никаких претензий, мы готовы выдать справку, которая подтвердит, что оружие вами сдано и вы освобождаетесь от уголовной ответственности за его хранение.

– Миллион рублей, миллион, – прошелестело в толпе, достигло забора, где стояли женщины, и как волна отражается от берега, возвратилось к первым рядам и затихло.

С оружием чеченцы расстаются тяжело. Вот и образовавшуюся паузу, казалось, никто не торопился заполнить.

Люди посматривали в сторону хорошо вооруженной личной охраны Масхадова. Почувствовав на себе эти взгляды, Масхадов направился к российскому генералу, встал с ним рядом, посмотрел на собравшихся и негромко, но так, что слышали все, заговорил по-чеченски. Потом перешел на русский язык, чтобы быть одинаково понятным всеми:

– Сегодня мы реально видим своими глазами, что Соглашение можно практически реализовать механизмом сдачи оружия и отводом войск. Закончим процесс разоружения в районе, и войска должны будут

уйти. Уверен, что этот процесс пройдет успешно и в других населенных пунктах.

Потом к генералу Маслову подошла невысокая молодая женщина и, дернув за рукав, поинтересовалась:

– За «Муху» сколько дадите?

В толпе мужчин зашумели:

– Ты что, муху в спичечной коробке принесла? Ну-ка открой, давай посмотрим.

Женщина смутилась от покрывшего толпу хохота, поднесла к губам кончик платка. Но этот внезапный смех снял повисшую

было напряженность, и вслед за этой горячкой к Маслову одна за другой подошли еще две женщины. Оказалось, что и у них по гранатомету «Муха».

В этот день в Зандаке было добровольно сдано: 21 автомат, 2 ручных пулемета, крупнокалиберный пулемет «Утес», карабин, 6 ручных противотанковых гранатометов, переносной зенитно-ракетный комплекс, 3 охотничьих ружья, 18 мин и около 3 тысяч различных патронов.

таций с политическим руководством о дальнейших путях чеченского урегулирования и для проведения заседания военного совета внутренних войск. 14 сентября по его инициативе я собрал пишущих на правоохранительную тему журналистов на пресс-конференцию в Главном управлении командующего внутренними войсками на Красноказарменной улице.

Командующий говорил о примерном численном составе так называемых непримиримых боевиков в Чечне, активно противостоящих федеральным войскам, о создании, как временном явлении, в населенных пунктах, где нет органов внутренних дел, так называемых отрядов самообороны, о грозящем участникам боевых действий «чеченском синдроме» и, конечно, о трудностях при выполнении соглашения по военному блоку.

«Процесс урегулирования этого кризиса – совокупность политических, идеологических, экономических и военно-технических мероприятий. Если военно-технические меры не подкреплять идеологическими и политическими, процесс будет затянут. Коль уж определили решением Совета безопасности отдать приоритет политическим методам, так давайте расставим по местам и другие задачи, а военные вопросы оставим самыми последними», – твердо сказал он.

Вскоре Романов снова улетел в Чечню.

Помощник Романова полковник Александр Заславский, постоянно находившийся рядом с ним, однажды с горечью признался, что у командующего очень много работы, что его часто загружают посторонними вопросами, которые должны решать его заместители, что он, человек доброй души, отзывается на любую просьбу и некоторые этим пользуются.

За несколько дней до случившегося 6 октября 1995 года теракта Романов, которому всегда не хватало времени на все, что связано с работой, выкроил из своего плотного графика время для интервью

Романов производил впечатление человека, который твердо знает, что и как нужно делать в Чечне. Но офицеры штаба говорили, что он, командующий, занимается тем, что договаривается о мире, а это все-таки удел политиков. У него и самого нет-нет да и проскальзывала досада, что в разрешении кризиса явно недостает политических и экономических мер.

В начале сентября Романов буквально на несколько дней приехал в Москву из Чечни, как сообщалось, для консуль-

корреспонденту «Красной звезды» Виталию Струговцу. В то время, когда чеченские сепаратисты уже готовили взрывные устройства и анализировали возможные маршруты передвижения Романова, он, командующий, в который уже раз со знанием дела говорил о своем видении мирного разрешения конфликта...

Каждый вечер Романов звонил домой жене Ларисе Васильевне, но говорил только, что жив и здоров. Кажется, он считал покушение на себя маловероятным, искренне надеялся на доброе отношение к себе. Поэтому и охрану определил в соответствии с так называемыми «штатными» ситуациями, не распространялся о полученном им анонимном письме боевиков, что он в третий раз приговорен к смерти.

В полдень 6 октября 1995 года прервалась так удачно начавшаяся и много обещавшая миротворческая деятельность Романова.

Посеянные в долгих переговорах с сепаратистами семена после тяжелейшего ранения, полученного Романовым, дали положительные всходы. В конце мая 2001 года беспросветно усталый, измученный и загнанный в угол Масхадов много чего понимал, но по-прежнему мало что мог. В интервью корреспонденту «Новой газеты» Анне Политковской, отвечая на ее вопрос, как быть дальше, как завершить войну, признался: «Мы тоже задаем себе этот вопрос: что дальше делать? Как выйти из тупикового положения? Ведь и у нас все понимают, что это тупик».

**Генерал-лейтенант в отставке Петр РОВЕНСКИЙ,
с 2008 года – председатель совета Общероссийской общественной
организации ветеранов войск правопорядка, в 1993–2005 гг. – заместитель
главнокомандующего внутренними войсками МВД России по вооружению**

На службу во внутренние войска я перешел из Вооруженных сил России в апреле 1993 года.

Меня назначили заместителем командующего внутренними войсками МВД России по технике и вооружению. Это очень серьезный пост, требующий глубокого знания специфики войск правопорядка. Вскоре я познакомился с генерал-майором Анатолием Александровичем Романовым, в ту пору командовавшим спецвойсками. Так назывались тогда части и соединения войск по охране важных государственных объектов и специальных грузов.

Надо заметить, что спецвойска были надежно закрыты от постороннего взгляда в силу специфики их служебно-боевого применения.

Встретил меня Романов очень радушно и сразу пришелся мне по душе: хорошо разбирающийся в военном деле профессионал, интеллигентный человек. Позднее, когда вместе с Романовым мы отправились в командировку на Урал, это первое впечатление дополнилось удивлением, насколько высокообразованным человеком оказался Романов. Везде Анатолия Александровича знали и уважительно относились к нему самые титулованные руководители, конструкторы, инженеры уникальных предприятий ядерного и оружейного комплексов, а сам он проявлял недюжинные знания о сути их научной работы. Помимо всего я отметил, что Романов обладал даром дипломата и всегда отчетливо, аргументированно излагал свою точку зрения.

Вскоре Романов был назначен заместителем командующего внутренними

войсками МВД России по боевой подготовке. Как раз в это время в войска массово начала поступать тяжелая техника. При этом была большая проблема в том, что практически отсутствовали большие полигоны и стрельбища. Мне удалось добиться того, чтобы нашим войскам было разрешено использование учебных центров Минобороны в интересах боевой подготовки. Естественно, мы работали с Романовым плечом к плечу, и работали творчески.

Можно сказать, что именно такие генералы, как А.А. Романов и Б.Р. Борукаев, от которых я много узнавал о войсках, помогли мне влиться в их строй и стать полезным.

6 октября 1995 года, в день покушения, я, находясь в Ханкале, ожидал командующего, чтобы подписать у него рапорт на награждение наших танкистов знаком «За отличие в службе». Анатолий Александрович был занят, а когда вышел, сказал мне, что очень торопится в Грозный на важную встречу. Однако узнав, что награды предназначены для войсковых танкистов, остановился и тут же, на капоте своего «уазика», подписал документы. Как технарь по военной профессии, я очень гордился этими «уазиками» (их было два), специально полученными для министра внутренних дел России генерала А.С. Куликова и командующего внутренними войсками генерала А.А. Романова. Желтые шторки, блестящие обода. Впереди «уазиков» всегда следовал БТР с российским флагом. В общем, за версту было видно, что едет очень значимое лицо. Шли переговоры с боевиками, и мы очень

хотели, чтобы наши военачальники выглядели представительно, а машины были новыми и надежными.

О том, что может случиться теракт, тогда никто не думал.

Анатолий Александрович сел в машину и уехал. А двадцать минут спустя до нас донеслись раскаты мощного взрыва.

Когда на носилках стали уже доставлять раненых, я узнал Романова по ремню

(генеральскому – со звездой) и берцам. Пояснили: «Случился подрыв, поезжай на место и разберись, что там да как с подорванной техникой». На въезде в тоннель я увидел большую воронку от взрыва. И провод, тянувшийся метров на двести к разрушенным домам.

Позднее мне пришлось участвовать в расследовании.

Фото Василия Проханова

Герой Российской Федерации генерал-полковник Владимир ШАМАНОВ, депутат Государственной думы Российской Федерации VII созыва, председатель Комитета Государственной думы по обороне, в 1995–1996 гг. – заместитель командующего Объединенной группировкой федеральных войск в Чеченской Республике

Весной 1995 года в звании полковника я служил начальником штаба 7-й воздушно-десантной дивизии. В марте прибыл в Чечню, чтобы возглавить оперативную группу своей дивизии. С Романовым в то время встречался лишь на совещаниях, но сразу проникся к нему уважением. Высокий, красивый, подтянутый генерал, он всегда сохранял спокойную уверенность и способность к взвешенному осмыслению происходящих событий, что немаловажно в боевых условиях. Интеллигентность была не просто его образом на людях, но – глубоко укоренившейся сутью. Это качество гармонично сочеталось в нем с высоким профессионализмом, что придавало ему особый вес в глазах представителей различных силовых структур, которые сразу же увидели

и признали в Романове компетентного, подготовленного, умелого военачальника.

Поэтому назначение Анатолия Александровича Романова командующим внутренними войсками и командующим Объединенной группировкой после Анатолия Сергеевича Куликова, ставшего летом 1995 года министром внутренних дел России, всеми офицерами группировки было воспринято как справедливое государственное решение.

Непосредственно с Романовым я начал работать с осени 1995 года, после того как был назначен заместителем командующего 58-й армией по боевым действиям и одновременно – заместителем командующего Объединенной группировкой, которым, напомним, до самого дня покушения оставался Анатолий Александрович.

Теперь, узнав Романова поближе, к прежним его характеристикам мог смело добавить еще одну разительно выделявшую его среди многих других генералов особенность – умение брать на себя ответственность. И во время спецопераций. И в качестве миротворца, когда, помимо военных и административных задач, ему приходилось решать и несвойственные военному человеку вопросы политические.

Он последовательно проводил государственную политику, был сильнейшим переговорщиком, которого было трудно или даже невозможно вывести из себя. Он умел терпеливо слушать не в меру говорливых и часто блефовавших представителей незаконных вооруженных формирований. Он умел слышать простых людей и, возможно, оказался слишком открыт, доверяя людям и доверяясь счастливому случаю.

Я неоднократно советовал ему, постоянно разъезжавшему между Ханкалой и Грозным по неотложным делам, пересечь из «уазика» в бронированную командно-штабную машину, тем более что такие у нас были.

Не сомневаюсь, что ежедневные выезды командующего из штаба Объединенной группировки в Дом правительства ЧР отслеживались боевиками. Иначе бы не оказалось этого фугаса под мостом виадука...

Этот день – 6 октября 1995 года – я запомню на всю оставшуюся жизнь.

Как обычно, в семь часов утра шло совещание в штабе Объединенной группировки. Вел его Романов, в конце сообщивший мне, что в этот день я должен буду вместе с ним выехать в Грозный на заседание правительства Чеченской Республики, рассматривавшего вопрос об охране и обороне восстановленных нефтяных вышек и трубопроводов. Я кивнул и спокойно пошел на завтрак.

Был яркий солнечный день.

Я курил, когда ко мне подбежал боец из охраны Романова. Сказал, что командующий срочно вызывает меня на КП. Лицо у солдата было тревожное, и я пропустил бегом. Озабоченный Романов стоял на улице и, увидев меня, распорядился немедленно вылететь в Ведено, где случились серьезные потери в 506-м мотострелковом полку. Попросил разобраться и навести порядок.

Наскоро собрав группу офицеров, я тотчас же вылетел исполнять распоряжение командующего. На вертолетной площадке меня встречал серый от волнения командир полка – мой однокашник полковник Александр Кухарчук, здесь же, на земле, лежали восемь или девять закрытых брезентом тел погибших солдат. Выяснилось, что утром наши военнослужащие попали сразу в две засады, устроенные полевым командиром Ширвани Басаевым – братом небезызвестного Шамиля Басаева, натворившего немало кровавых дел в Буденновске.

До обеда управлялись со всем этим. Осмотрели места боестолкновения. Усилили заставы. Обшались с руководством местной администрации. И вдруг по приемнику объявили, что в результате подрыва фугаса получил множественные ранения генерал Романов и что он эвакуирован вертолетом в Грозный.

Я сразу же вышел на связь со штабом Объединенной группировки. К сожалению, информация подтвердилась.

Конечно, размышления об излишней доверчивости Романова не имеют под собой почвы. Был он не из простачков: за здорово живешь подставляться бы не стал. Скорее всего вело его вперед почти безоглядное желание как можно быстрее вернуть Чечню к миру, исправить за других те политические ошибки и просчеты, которые породили эту войну. Так он определил свой гражданский долг, и совершенно осознанно ходил буквально по лезвию бритвы...

Хасбулатов прилетел из Москвы с новыми политическими инициативами по урегулированию чеченского кризиса.

Романов, пытавшийся консолидировать чеченскую политическую, религиозную и общественную элиту Чечни на основе любых разумных и содержательных идей, не отказывался ни от каких контактов и дискуссий.

Он знал, что формула мира должна была открыться именно здесь, в самой республике. Людское многоголосье рано или поздно должно было превратиться в свободное волеизъявление и общий созидательный труд, пронизанный духом возрождения.

Все кабинетные схемы останутся мертвыми, пока самим народом не будет осознаны выгоды мирной жизни и мирного сосуществования со своими соседями. Романов искал и находил в чеченском обществе крепкие ростки здравого смысла и опирался на авторитетных людей, чье слово имело вес в городах и селах, на базарах и в мечетях.

Идеи Хасбулатова, привезенные из Москвы, были небесспорными, но интересными.

Он уже ждал генерала в кабинете Валентина Зорина. Поэтому опаздывавший на встречу Романов, видимо, очень торопился и сам назначил самый короткий маршрут движения.

По оценкам специалистов в тоннеле был заложен большой объем безоболочечного боеприпаса – брикеты взрывчатки, приведенные в действие с помощью детонатора. Возможно, что взрывное устройство было заложено под бордюрным камнем или под него замаскировано. Эти сведения по-прежнему нельзя назвать достоверными, так как документы взрывотехнической экспертизы либо отсутствуют, либо еще не обнародованы в интересах следствия.

Известно лишь то, что подрыв был осуществлен дистанционно – по проводам. Совершивший его диверсант находился

в двухстах пятидесяти метрах от виадука. В суматохе, последовавшей после теракта, он сумел бесследно раствориться в руинах разбитого города.

Вот что рассказал очевидец теракта Роман Попов, служивший в то время в отряде специального назначения «Русь»:

«Мне пришлось присутствовать при разговоре генерала с офицерами – обсуждали маршрут движения. Выбрали как раз тот, где и случилась трагедия.

Ехали так: впереди БТР, затем два «уазика», потом еще два БТР.

Я командовал тем, который следовал сразу за машиной командующего. До Грозного было спокойно – нас не обстреливали. Уже в черте города на секунду остановились – уточняли маршрут. Решили: через тоннель.

Все произошло, как в фильме. Только первый БТР и УАЗы въехали в тоннель – взрыв... Я сидел на броне сверху, ноги – в люке. Рядом со мной – парень из моего отделения. Его прямо смело на землю. Вспышка. Звон в ушах.

Меня из БТРа не выбросило – ноги все-таки были в люке. Закрылся руками, нагнулся.

После взрыва поднимаюсь – ничего не вижу. Думаю: ослеп. Потом протер глаза, головой покрутил – вижу! Мелкие бетонные осколки посекали лицо.

Когда дым рассеялся, смотрю: в тоннеле оба УАЗа – всмятку. Подбежали к ним. Рядом с водителем генеральской машины сидел мой друг Денис Ябриков. «Уазик» разворотило полностью, однако Денис и генерал Романов были живы».

Тоннель возле площади Минутка в г. Грозном (1980-е годы).

Фото Валерия Щеколдина

Сегодня хорошо известно, куда и зачем срочно выехал генерал-лейтенант Анатолий Романов: в Грозном, в кабинете депутата Зорина, была назначена его встреча с Русланом Хасбулатовым, сохранявшим определенное политическое влияние в родной ему Чечне и после известных событий в октябре 1993 года в Москве.

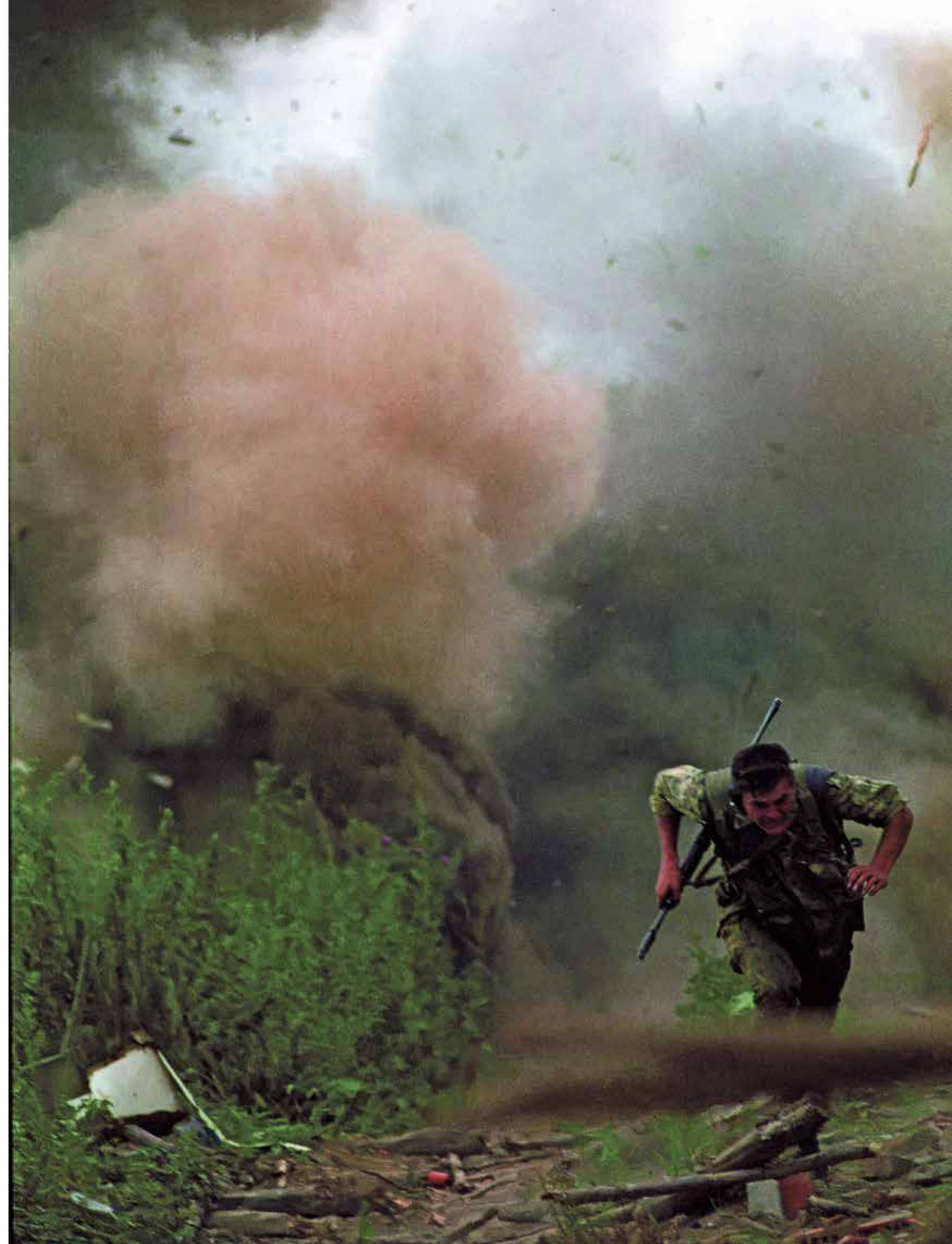
**Генерал-полковник Виктор ГАФАРОВ (1942–2005 гг.),
в 1993–1998 гг. – первый заместитель командующего
внутренними войсками МВД РФ, в 1998–1999 гг. – первый заместитель
главнокомандующего внутренними войсками МВД России**

Когда я узнал, с кем у Романова назначена встреча, то стал уговаривать командующего туда не ездить, резонно полагая, что Хасбулатов может приехать и сам. Но переубедить не удалось. Анатолий Александрович очень торопился. Через 30–40 минут после его отъезда прогремел взрыв. Было слышно даже в Ханкале. Я начал беспокоиться. Только вышел, вдруг

вижу – несут раненых. Романова я узнал сразу. Хотя лица не было видно: все оно было забинтовано. Но узнал его по часам, по одежде, по ботинкам – они у нас были одинаковые. Тут подбежал врач, сделал ему укол в вену, и через несколько минут Романова отправили во Владикавказский госпиталь.

«В ту осень, незадолго до покушения, Романов прилетел в Москву. По старой привычке мы собрались с ним в баню. В нашу любимую – при Бауманском университете. Был он необычно грустным и задумчивым. Расставаясь, как-то обреченно махнул рукой: «Опять мне в заложники ехать...»

Генерал-лейтенант И. Белобородов

Лариса РОМАНОВА, жена

Той осенью мы затеяли ремонт. Случилось так, что 6 октября, около полудня, когда из Ханкалы позвонил Толя, меня дома не было: ездила за стройматериалами. Трубку взяла помогавшая нам маляр Таня. Она-то и рассказала о наших домашних делах, чтобы он был в курсе происходящего, не волновался.

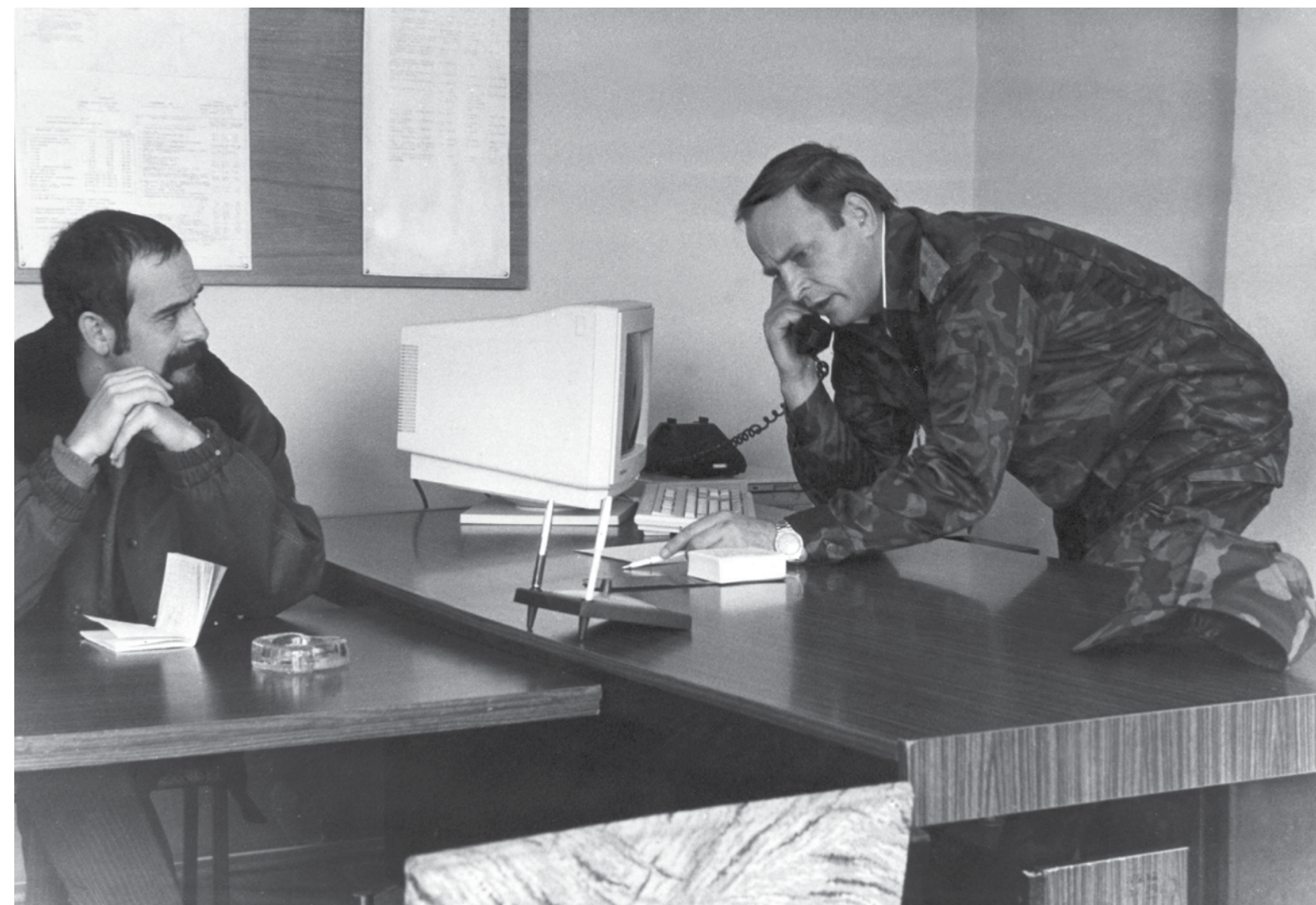
Я пришла чуть позднее, а еще через какое-то время прибежала с институтских занятий Вика – радостная и веселая: «Мам, я поеду на выходные с ребятами за город!»

И тут я почему-то сорвалась на Вику, показывая рукой на строительный мусор: «Какие выходные, какой загород?! У тебя есть совесть? Ты меня тут одну оставишь со всем этим?»

Вика обиделась, ушла на кухню, включила телевизор и вдруг выбегает такая растерянная: «Мама, там говорят, что на папу покушение было».

Я стала звонить в главк. Все молчат, никто ничего не говорит. Наконец нашла Анатолия Афанасьевича Шкирко. «Лариса, он жив». Тут же приехала Валентина – жена Анатолия Сергеевича Куликова, министра внутренних дел России. Примчалась с другого конца города и сразу заставила меня собраться. Успокаивать-то можно по-разному. Она не стала со мной рыдать, даже покрикивала на меня слегка...

Седьмого октября его уже привезли в Москву. Я эти дни помню смутно. Приезжали врачи, давали мне какую-то микстуру. Я ее прямо из бутылки хлебала. А 10-го пошла в госпиталь. Толю к тому времени уже отмыли от крови и гари – он ведь весь обожженный был. Смотрю, весь он такой синий, отекий. Ноги – как решето от осколков...

Генерал армии Анатолий КУЛИКОВ, президент Клуба военачальников Российской Федерации, в 1992–1995 гг. – командующий внутренними войсками МВД России, в 1995–1998 гг. – министр внутренних дел РФ, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации

Я улетел из Ханкалы 5 октября вечером, а наутро, как это было заведено, Романов позвонил мне оттуда и доложил обстановку, еще раз он вышел на связь часов в одиннадцать, сообщил: «Я сейчас еду к Хасбулатову. Он мне позвонил, и мы договорились о встрече. Я думаю, что у нас будет продуктивный разговор». Я ответил: «Как вернешься, доложи мне», и ждал его

отчета. Чуть позже сообщил кто-то из главка внутренних войск: «Романов ранен». Потом вышел на связь генерал Виктор Гафаров, первый заместитель командующего внутренними войсками МВД России, сообщил об эвакуации Анатолия Александровича во Владикавказ. Хорошо, что во время трагедии он был в шлеме и в бронежилете, иначе смерть была бы

неминуема... Я всегда ему говорил: «Анатолий, ты должен быть защищен!» Зная его дисциплинированность даже в мелочах, не сомневался, что он так и поступит.

Я тотчас доложил о произошедшем президенту страны. В словах Ельцина чувствовалось глубокое сожаление. Он приказал: «ДЕЛАЙТЕ ВСЕ, ЧТОБЫ ГЕНЕРАЛ ОСТАЛСЯ ЖИВ!» Мы подняли на ноги всех, тут же отправили во Владикавказ «Скальпель» (самолет-госпиталь Министрства обороны России. – **Авт.**). Почему-то я был уверен, что Романова удастся вытянуть... Моя Валентина (Валентина Куликова – жена генерала армии А.С. Куликова. – **Авт.**) тут же поехала к жене Анатолия Романова Ларисе, чтобы поддержать ее в самые первые часы и минуты, когда худшей бедой является неизвестность.

Сегодня трудно сказать, на кого охотились диверсанты в этом грозненском тоннеле. Утверждать, что мы были беспечны, нельзя: я в Чечне, чтобы запутать противника, часто отрывался от колонны. Бывало, уезжал на «уазике», дав распоряжение командиру БТР: «Движение начнете через 10 минут». Так что колонна нередко шла без меня. Трудно сказать, кого ждали эти люди, установившие фугасный заряд: я улетел накануне. У нас с Романовым был один и тот же позывной.

Но можно сказать совершенно точно – это был не случайный взрыв, а очень хорошо подготовленная акция. Не исключая, что ее организовали люди, сидевшие с нами за столом переговоров. Во всяком случае, анализируя впоследствии беседу с одним из переговорщиков, который на наше сообщение о том, что Романов ранен, ответил: «Пусть теперь не ходит воевать», я пришел к выводу, что эти слова были не просто радостной эмоцией бандита, а содержали совершенно понятную мне информацию. Они не убили его потому, что за свою жизнь боролся он сам: Романов отличался завидными физическими данными и был атлетически сложен. Они

не убили его потому, что за него боролись и борются наши люди. Отсутствие хотя бы одного из этих условий означало бы, что мы бессильны перед лицом беды. Но мы не бессильны, потому что умеем и будем сражаться до конца.

Переговорный процесс в Чечне, важным участником которого был Анатолий Романов, безусловно, был обрушен если не по форме, то по существу. Сегодня мало кому известно, что члены делегации, действовавшей от имени федеральной власти, все без ис-

ключения в те дни без преувеличения ходили «под пулей». Буквально накануне окончилось неудачей покушение на вице-преьера российского правительства Олега Лобова в районе аэропорта «Северный». Обстреливались автоматным огнем, в том числе и со злополучного моста

Фото
Владимира Николайчука

над тоннелем, машины Валентина Зорина и Вячеслава Михайлова, а в списках наиболее важных целей у чеченских боевиков значились министр внутренних дел генерал Анатолий Куликов и многие другие высшие офицеры Министерства обороны, внутренних войск МВД и Федеральной службы безопасности.

В какой-то мере подобное хождение по краю для этих людей считалось нормой. Тем более что в ожидании внезапного нападения находились тысячи военнослужащих, несших службу в Чеченской Республике, и только безумец мог рассчитывать на какие-либо гарантии безопасности, которые могли исходить от той части переговорщиков, что представляли сепаратистов.

И все-таки покушение на Романова было воспринято как особое коварство, как ошеломительный удар, разом превративший в прах те пусть еще хрупкие, ненадежные интонации взаимопонимания, которые не могли не родиться у договаривающихся сторон уже в силу личного знакомства и многочасовых бесед, продолжающихся изо дня в день.

Из цепочки переговорщиков было выбито хоть и не центральное, но очень важное звено: Романов отвечал за блок военных вопросов, а его поведение дипломатичного, умного человека, способного аккуратно притушить самые жаростные споры и «продавить» самые сложные вопросы в пользу федеральных сил, делало его участие в миротворческом процессе по-своему уникальным.

Нравился генерал Романов людям. Нравился с первого взгляда, и было в нем нечто еще, что заставляло примириться с его спокойными аргументами любого, даже самого оголтелого боевика. И в этом смысле для идеологов мятежа и чеченского сепаратизма, для тех, кто скрывался за их спинами в те дни, Романов оставался смертельно опасной фигурой.

По мнению главы федеральной делегации на переговорах в Грозном Вячеслава Михайлова, «покушение на генерала Романова направлено на срыв урегулирования в Чечне». Дипломатично заметив, что произошедший в тоннеле возле Минутки подрыв воинской колонны вместе с Анатолием Александровичем может быть одинаково выгоден как дудаевцам, так и иным незаконным вооруженным формированиям в Чечне, он был тверд в том, что таким способом федеральную власть хотят спровоцировать на применение силы.

Очень эмоционально и честно высказался по поводу покушения на Романова заместитель главы российской делегации на переговорах в Грозном Аркадий Вольский:

«Сволочи, кто это сделал. Теракт выгоден ястребам как с одной, так и с другой стороны. Тем, кто не хочет мира на российской земле, стабильности в государстве. Незадолго до террористического акта я звонил в Грозный, разговаривал с Анатолием Александровичем. Он собирался на встречу с Хасбулатовым. Только за полчаса определился маршрут движе-

ния. И вдруг такая трагедия. Исполнители и те, кто замыслил покушение, должны быть уничтожены. Эти нелюди не имеют права ходить по земле.

Изменится ли позиция российской делегации на переговорах после теракта? По поручению Президента России уже сделано заявление, что не изменится. Но я думаю, что может измениться, ведь у каждого из нас сейчас есть камень за пазухой. Каждому хочется не то что отомстить, а предупредить: не надо такого делать. Сегодня у меня самого чешутся руки».

Фото
Алексея Федорова

С часу дня 6 октября 1995 года, когда прогремел взрыв, борьба за жизнь генерала Романова не прекращалась ни на секунду.

Последовавшая за этим цепь одновременно происходящих событий может быть сравнима лишь с эстафетой, где, сменяя друг друга, начали свой отчаянный бой «за Романова» другие вольные или невольные участники драмы.

Несмотря на тяжесть ранения, эта многолетняя борьба за жизнь генерала не превратилась для семьи, для войск и его близких товарищей в исполнение тягостного долга. Она не считается безнадежной темой, кто лечит Романова или, заботливо укрывая пледом, вывозит его погулять. Она не стала прошедшей жизнью, ибо каждый день, каждая его минута до края наполнена именно спасением.

Борьба за жизнь генерала Романова уже сама стала историей, достойной подробного рассказа, тоже наполненного смелостью и красотой человеческих поступков.

Мужеством, терпением и профессиональным мастерством тех людей, которые окружили раненого Романова в первые же мгновения после ранения, кто врачует его все эти долгие годы и кто милосердным уходом круглосуточно поддерживает его жизнь.

Командир вертолетного звена (он же командир экипажа вертолета Ми-8) подполковник Михаил Карамышев в тот день вообще никуда не должен был лететь: еще с утра командир его отдельной эскадрильи подполковник Вячеслав Малышев, вспомнив, что у Карамышева 6 октября день рождения, велел ему отдыхать. Но война есть война. Экипажу – в его состав кроме командира входили капитан Андрей Жезлов и бортовой техник старший лейтенант Александр Городов – все равно пришлось слетать на аэродром «Северный». Уже запрашивали разрешение на обратный вылет, когда пришла команда заскочить «на лужок» – так именовалась вертолетная площадка МВД в Ханкале. Пояснили: «Там – восемнадцать «трехсотых» (тяжелораненых).

До Ханкалы с «Северного» четыре минуты лета. Раненые действительно были. На носилках. Все в крови и разодранном камуфляже. Было заметно, что те, кто грузили их в вертолеты, делали это очень споро, однако с каким-то молчаливым ожесточением. Как будто проиграли войну. Дежурный по КП авиации, молча покуривавший сигарету и так ничего толком не объяснявший, в конце концов сделал странную оговорку: дескать, сейчас с тобой полетит командующий.

Командующего Объединенной группировкой Романова летчик хорошо знал. Уважал за то, что тот не держал себя барин перед подчиненными. За интеллигент-

Фото Олега Смирнова

ность. За то, что сорокасемилетний Романов мог крутить на турнике «солнышко», надев для дополнительной нагрузки тяжелый солдатский бронежилет.

Подтянутого, высокого генерала с помощниками он и ожидал увидеть сейчас, удивляясь про себя подавленной нервозности окружающих его людей, уклончивости ответов, а больше всего тому, какая крайняя необходимость заставила Романова лететь вместе с ранеными.

Рядом готовились к вылету и другие вертушки.

Он даже не сразу понял, что в это мгновение Романова как раз и пронесли мимо него. Придерживающие капельницы медсестры тоже исчезли внутри вертолета. А следом, не разбирая дороги, уже мчался без фуражки командующий авиацией внутренних войск генерал-лейтенант Виктор Якунов.

Окинув командира экипажа невидящим взглядом, вдруг спросил Карамышева, кто он такой, хотя хорошо знал подполковника лично и даже совсем неплохо к нему относился. Потом только кивнул нервно: «Как долетишь, доложишь».

«Произошло что-то страшное», – догадался летчик. И тут до него наконец дошло: это Романов ранен! Это его только что погрузили в вертушку!

Все раненые были уже на месте. А с ними несколько, как показалось командиру экипажа, врачей и медсестер. «Саш, давай «прямую палку» на Шалхи», – приказал Карамышев Городову, учитывая, что прямой и самый короткий курс через стреляющий Бамут займет семнадцать минут лета, в то время как гарантированно безопасный маршрут отнял бы у них времени почти в два раза больше.

Торопились. Миновали Грозный. «Восьмерка» шла в десяти метрах над землей со скоростью 315–320 километров в час, значительно превышая разрешенную. Так и выскочили в чистое поле. Краем глаза Карамышев увидел, как с пашни неожиданно поднялся и взмыл свечой вверх чей-то расплывчатый силуэт. Успел сделать маневр – и почти перепрыгнул летящего наперехват, словно зенитная ракета, орла. Мощный удар сотряс фюзеляж. Птица со всего размаху врезалась в рулежную фару, разворотив ее и забрызгав орлиной кровью днище вертолета. Это обнаружили только потом, удивляясь собственной удаче: был бы лобовой удар либо попадание птицы в двигатель – вертолет попросту мог завернуться, засеяв поле новой бедой.

Под Бамутом уже стреляли 152-миллиметровые самоходные артиллерийские установки. Шел плановый обстрел по квадратам, и «восьмерке» пришлось рыскать между султанами разрывов, чтобы не попасть под летящий снаряд или его осколки.

Потом поскакали над горами. Над Ингушетией всюду светило солнце, и за преодоленной чертой войны уже действовали полусонные в своей беспечности привычки мира: связь работала превосходно, но никто, хоть поубивай, не отвечал на запросы. Карамышев орал до хрипоты, пока в эфире не отозвались: «Ты чего сегодня разошелся, Михалыч?» Летчик обрадовался: «Так, немедленно звоните по наземным каналам в Шалхи. Везу очень тяжелых «трехсотых».

На аэродром он садился по-быстрому – с ходу. Еще взглянул на часы – добрались ровно за четверть часа. Раненых передали медикам.

А им только и оставалось что качать головами: «Еще бы десять минут, и можно было бы не торопиться...»

Фото Владимира Николайчука

Управлявший вертолетом подполковник Карамышев не мог знать, что делалось за его спиной в десантном отсеке вертушки, где многое теперь зависело от военных медиков. Среди них в тот час оказался лейтенант медицинской службы Дмитрий Владимирович Давыдов. Многие

годы впоследствии он служил в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск МВД России в подмосковной Балашихе, возглавлял знаменитый МОСН – медицинский отряд специального назначения, стал полковником медицинской службы.

Полковник медицинской службы запаса Дмитрий ДАВЫДОВ, заместитель главного врача по медицинской части больницы научного центра Российской академии наук

Эта командировка была моей первой поездкой в Чечню: летом 1995 года я окончил военно-медицинский факультет в Самаре и был направлен для прохождения службы в 8-й отряд специального назначения «Русь» внутренних войск МВД России. «Русь» воевала в Чечне. Туда же отправился и я в качестве начальника медицинской службы.

В день покушения на Романова 3-я группа нашего отряда работала с командующим, в то время как основная находилась на базе. Сразу после взрыва раздалась общая команда сбора. Быстро собрались и за две минуты долетели до места. По развороченному БТРу и «уазику» без крыши понял, что произошло что-то очень серьезное. Особенно сильно пострадали те, кто сидел на броне.

Разобравшись на месте, что к чему, понял, что тяжелораненым уже оказали первую помощь и организовали их вывоз в медсанбат на попутном транспорте. Это же спецназ! Все обучены. Готовы как почти автоматически стрелять, так и помочь раненому в бою. К тому же в отряде все было предусмотрено заранее: в каждом БТРе было по двое носилок, шины, аптечки. У всех солдат и офицеров – индивидуальные перевязочные пакеты. К тому же в выехавшей с Романовым группе был свой санинструктор, имевший при себе все необходимые для такого случая средства.

Оказалось, что после подрыва все было сделано грамотно.

Нам оставалось только собрать остальных раненых и, развернувшись, мчаться в Ханкалу.

К тому времени, когда подъезжали к госпиталю, я услышал, как начали заводить вертолеты. Увидев, что грузят моих бойцов (их было легко опознать по специфической спецназовской форме «Кукла»), я сразу же заскочил в одну из вертушек. Как врач, как начмед отряда я обязан был оставаться рядом со своими ранеными бойцами.

В том вертолете, где находились самые тяжелые, я сразу же увидел Дениса Ябрикова. Он входил в охрану Романова и вместе с ним попал в эпицентр взрыва. Денис был еще жив, лицо закрыто бинтами, но на мой вопрос: «Как дела?», он довольно бодро пошевелил губами: «Нормально». Насколько я понял, ему оторвало стопу и он получил множественные осколочные ранения конечностей. Состояние еще двоих раненых – солдата в серой милицеской форме и офицера в камуфляже – казалось столь же тяжелым, если не худшим.

У офицера давление вообще было «по нулям», и мы, засучив рукава, теперь крутились возле трех наших тяжелораненых, то обезболивая, то непрерывно делая инфузию – восстанавливая тот объем крови в организме, который позволял нам

дотянуть их до врачебной помощи в стационарном госпитале.

В вертолете был еще один военный врач (командированный, как мы предполагали, из Приволжского округа внутренних войск, но не известный мне по фамилии), а также опытная медсестра Ирина Михайловна Бурмистрова.

В подпрыгивающем, трясущемся вертолете колоть было тяжело, но по очереди, сменяя друг друга, мы успели помочь каждому.

Я еще, помню, удивился, что мы очень долго летим. Оказалось – в Шалхи, где, сдав раненых живыми с рук на руки тамошним врачам, мы и узнали от экипажа вертолета, что везли генерала Романова.

Точное время прибытия раненых во Владикавказ зафиксировано и осталось в истории: 6 октября 1995 г., 14 часов 50 минут.

Фактор времени играет в медицине огромную роль. «Золотым» считается первый час, в течение которого раненый должен попасть в госпиталь прямо с поля боя. Если это условие соблюдено, то многократно увеличиваются шансы на его спасение. Но вполне допустимыми считаются и первые два часа после ранения или травмы. О достоинствах любой армии следует судить не только по наличию сил и средств, достаточных для сокрушения противника. О них прежде всего должны свидетельствовать те ее ресурсы, которые позволяют сокращать и всячески минимизировать время доставки раненых к оборудованным армейским госпиталям.

Решение о направлении во Владикавказ самолета-госпиталя Вооруженных сил «Скальпель» было принято почти мгновенно.

Свой сигнал тревоги главный анестезиолог Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко заслуженный врач России полковник медицинской службы Михаил Руденко получил, вернувшись с очередной операции.

Его вызвал начальник госпиталя генерал-майор Вячеслав Ключев.

Сообщив Руденко о раненом в Чечне генерале МВД, которого необходимо доставить в Москву, генерал по опыту предположил, что минно-взрывные травмы, полученные военачальником, наверняка

являются сочетанными, а значит, могут потребовать работы целой бригады врачей, включающей травматолога, челюстно-лицевого хирурга и офтальмолога.

В течение минуты фамилии вылетающих с Руденко военных врачей были в столбик выписаны на листе бумаги. Полковник еще уточнил у Ключева, сколько времени есть у него в запасе до отъезда на аэродром. И кивнул, понимая, что двадцати отпущенных ему минут окажется достаточно для сборов в дорогу.

Вскоре вся бригада военных врачей госпиталя имени Бурденко в составе Михаила Ивановича Руденко, Сергея Ниловича Алексева, Григория Борисовича Цехановского, Владимира Борисовича Горбуленко

и Игоря Борисовича Максимова, спешно погруженная в машину, уже направлялась в сторону подмосковного Чкаловского аэродрома.

За свою долгую и счастливую военную службу полковник Руденко привык отправляться в дорогу именно так – по боевой тревоге. Его чемоданы с необходимым оборудованием, медикаментами и материалами, которые могли бы пригодиться в любой осложненной обстоятельствами ситуации, всегда были собраны загодя. Требовалось лишь несколько мгновений, чтобы на всякий случай окинуть взглядом их содержимое.

И сегодня, 6 октября 1995 года, в них все тщательно было разложено по своим местам и аккуратностью сборки напоминало характер самого полковника Руденко.

Хирург, посвятивший свою жизнь анестезиологии, и один из основателей современной анестезиологической службы в Вооруженных силах СССР и, соответственно, в Российской армии, Руденко хорошо помнил тот день, когда вместе с полковником Юденичем они впервые набросали эскиз внутреннего устройства первого специализированного самолета, которому еще предстояло стать знаменитым «Скальпелем».

Эти идеи легли в основу, но прообраз «Скальпеля» до ума доводили другие люди. В том числе известный военный врач полковник Табатадзе, проводивший сотни часов в воздухе. В качестве эксперимента на борту летящего самолета совершались пробные операции на собаках. Отрабатывалась сама система, позволявшая вести борьбу за жизнь раненых и больных во время транспортировки в клиники, способные оказать им высококвалифицированную, специализированную помощь, на которую нельзя было рассчитывать в полевых условиях. В том числе пластические и реконструктивные операции.

Идея создания «Скальпеля» прозорливо опережала время. Как же на самом

деле потребовался такой самолет, заново воссозданный на базе самолета Ил-76, когда началась война в Афганистане! Тысячи раненых были доставлены на нем в военные госпитали СССР.

Этот «Скальпель» уже мало напоминал старый эскиз. Три его отсека – операционный, реанимационный и эвакуационный – уже представляли собой три автономных модуля контейнерного типа, которые при необходимости можно было выкатить из самолета, превратив в небольшой, но хорошо оборудованный госпиталь. У него была своя силовая установка, обеспечивающая бесперебойную подачу электроэнергии, запас воды, медикаментов и материалов.

Точно так же – легко и быстро – модули можно было вернуть в исходное положение, обеспечивая транспортировку раненых и больных в длинных беспосадочных перелетах. В модулях поддерживалось постоянное давление. Функционировала система, компенсирующая возможную тряску в полете.

Руденко тоже бесчисленное количество раз летал в Афганистан. На «Скальпеле» и без него, помогая организовывать медицинскую службу Ограниченного контингента. Тысячи операций провел он как военный врач-анестезиолог.

Когда врачебная бригада прибыла во Владикавказ, выяснилось, что у Романова очень сильное внутрибрюшное кровотечение, вызванное разрывом печени. Наскоро переодевшись, Руденко ушел в операционную.

Там в это мгновение работал хирург Владикавказского госпиталя, ушивая Романову разорванную печень.

В том человеке, который лежал перед ним на операционном столе, военный врач поначалу даже не узнал генерала, чье лицо было хорошо известно многим по новостной хронике и вызывало простую человеческую симпатию. Сейчас распухшее до невообразимых размеров,

с сотней нанесенных на него швов, оно казалось чужим и безжизненным.

Только спустя почти двадцать лет после этих событий автору книги удалось уточнить состав экипажа легендарного самолета Ил-76 МД «Скальпель» Министерства обороны РФ, на котором генерал Романов был эвакуирован в Москву всего лишь сутки спустя после ранения. Это командир корабля Игорь Кассиров, помощник командира Игорь Клименко, штурман Владимир Коршунов, бортовой радист Михаил Седов, бортовой инженер-инструктор Виктор Аладьев, бортовой инженер Владимир Анисеев, бортовой техник по авиадесантному оборудованию Николай Ковальчук и бортовой механик Владимир Киселев.

«Скальпель» нес Романова по небесам бережно, не хуже ангела.

К сожалению, уже без рядового Дениса Ябрикова, умершего от несовместимых с жизнью ранений в реанимации Владикавказского военного госпиталя.

Доставленный туда без документов, он поначалу условно числился «Беловым»; такая фамилия была написана на внутренней стороне его поясного ремня. То, что это Денис, установят позже – по находившемуся вместе с ним жетону с выбитым на нем личным номером рядового.

Надо отдать должное медицинскому персоналу Владикавказского гарнизонного госпиталя, руководимому полковником Рудольфом Николаевичем Аном: для спасения Ябрикова они сделали все, что было в их силах.

Посоветовавшись с врачами, экипаж пилотировал самолет на самой комфортной для такого раненого высоте – на четырех с половиной тысячах метров. Летели легко, ободряемые и поддерживаемые с земли. В Кассирове до сих пор живет ощущение, что в тот день его борт вела вся страна, доверчиво и благодарно поручив экипажу свою самую драгоценную и хрупкую ношу.

И облегченно вздохнула, когда долетевший Ил мягко коснулся бетонной полосы подмосковного аэродрома.

И уже вскоре генерал Романов оказался в реанимационном отделении Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко.

Генерал Романов, которого за прошедшие сутки удалось перевести с принудительной вентиляции легких на самостоя-

тельное дыхание, все так же оставался без сознания, и теперь только комплексное медицинское обследование всего организма могло дать ответ, как лечить генерала. Однако лишь неполный перечень полученных им минно-взрывных травм, включавший перелом основания черепа, отек ствола головного мозга, разрыв печени, тяжелую контузию левого глаза, закрытую травму груди, перелом обеих челюстей и множественные осколочные ранения лица, голе-

ни, бедра, кистей рук, шок второй-третьей степени и кому, многим и так казался совершенно безрадостным.

– В принципе, он был убит, – скажет впоследствии об Анатолии Романове начальник госпиталя им. Н.Н. Бурденко, заслуженный врач России генерал-майор Вячеслав Ключев. Впрочем, тут же добавит: – Он был бы убит, если бы с первой минуты не оказался в руках профессионалов высочайшего класса.

Состояние Романова довольно долго оставалось критическим. Дважды в сутки проводились консилиумы, на которые собирались, докладывали обстановку и предлагали меры специалисты из самых разных областей медицины.

Как правило, руководил консилиумами, собиравшими разом по 20–25 человек, главный хирург Министерства обороны России Павел Георгиевич Брюсов. Необходимо было не просто выслушать советы врачей, но и скоординировать их работу, чтобы в динамично меняющейся обстановке организовать многоплановое исследование больного и его правильное лечение. Ситуация менялась порой так стремитель-

но, что считанные минуты решали дело, когда состояние Романова вдруг ухудшалось и требовались усилия многих людей, чтобы спасти генерала снова и снова – порой по несколько раз в сутки.

При этом особенно яркую роль сыграли буквально не отходившие от Романова в то время замечательный российский анестезиолог, реаниматолог, ныне академик РАМН Виктор Васильевич Мороз, заместитель начальника госпиталя по медицинской части профессор Вячеслав Николаевич Ардашев, доктор медицинских наук Евгений Федорович Кривокубов, заслуженный врач России хирург Александр Иванович Сахаров.

По мере лечения романовских ран становилось ясно, что наибольшую проблему представляют последствия тяжелой черепно-мозговой травмы. Кровоизлияние в мозг, произошедшее во время подрыва фугаса, теперь в чем-то равняло Романова с людьми, пережившими тяжелейший инсульт.

Профессиональное сотрудничество Главного военного клинического госпиталя со знаменитым Институтом нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко Российской академии медицинских наук привнесло в лечение Романова принципиально новые методики и технологии. Бесценными были рекомендации директора этого НИИ академика РАН и РАМН Героя Труда Российской Федерации Александра Николаевича Коновалова. Самое деятельное участие заместителя директора этого института, академика РАМН Александра Александровича Потапова в лечении генерала позволило добиться весомых, в корне меняющих ситуацию результатов.

Лечение Романова потребовало от врачей не только самоотверженности. Порой на ходу придумывались новые методы лечения, реабилитации и восстановительного этапа. Началась дистрофия миокарда, и в дело пошло предложение кардиолога В. Ключева о стимуляции сердца через пищевод. А талантливейший нейрохирург А. Потапов сам зачастую проводил консилиумы, активно привлекая к лечению Романова видных зарубежных ученых, таких, как директор королевского госпиталя в Лондоне Кейт Эндрюс и профессор-консультант токийского университета Натэ Цубокава.

С 7 октября по 21 декабря 1995 года Анатолий Александрович Романов находился в реанимации госпиталя имени Н.Н. Бурденко.

Категоричный приказ президента страны и личная известность генерала Романова во всей России, безусловно, сыграли свою роль в том, что состояние его здоро-

вья стало предметом забот самых лучших медицинских специалистов. Консилиумы проводились едва ли не ежечасно, а легшая на плечи военных врачей ответственность по-разному сказывалась на каждом из них.

Но то, что к этой работе были привлечены специалисты с мировыми именами, сыграло свою важную роль. Это прибавило идей.

Нужно было добавить еще немного исцеляющего времени, прежде чем вполне объяснимый интерес к фигуре Романова, пострадавшего во время политического покушения (а это следовало квалифицировать именно так), спадет до уровня простых и искренних человеческих забот о его здоровье.

Ажиотаж спал. Теперь можно было нормально работать.

В декабре 1995 года, когда Романова перевели из реанимации в палату, его новым лечащим врачом стал невропатолог майор медицинской службы Игорь Александрович Климов.

То, что выбор пал именно на него, объяснялось простой врачебной логикой: работавший в отделении нейрореанимации Климов ежедневно сталкивался с тяжелыми инсультами и острыми ситуациями, где весы жизни и смерти, словно в бою, очень часто колебались то в одну, то в другую сторону. Но если человека удавалось спасти, он надолго попадал в категорию тяжелых лежачих больных, требующих и специального ухода, и специального подхода. Все они были пациентами Климова, и Климов, никогда не деливший своих больных по социальному положению, оказался именно тем очень нужным Романову человеком, который терпеливо строит мост взаимного контакта.

Он ищет этот контакт, пытаясь вернуть человеку его ЛИЧНОСТЬ.

Он ищет контакт, сравнивая сегодняшнего Романова с клубком хаотично перепутанных нитей, где его роль заключается именно в поиске того конца, потянув за ко-

А.А. Романов,
Л.В. Романова
и полковник
медицинской службы
И.А. Климов

Фото
Валерия Щеколдина

торый, он сможет вернуть уровень сознания генерала хотя бы до тех границ, где он будет способен осознавать себя и других, и выражать собственные мысли.

Романов жив.

Но если он небезучастен к окружающему, его реакция на происходящие события выражается либо недовольным нахмуриванием лица, либо пролитыми слезами. Те из друзей Романова, кто время от времени приходят его навестить, очень тяжело переживают это, полагая, что сам их визит или какой-то неловкий разговор мог спровоцировать обиду или плач генерала. А потому расстраиваются еще больше, чувствуя себя невольными их провокаторами. Не раз обсуждалось в кругу товарищей Романова, что он якобы не любит приходящих к нему офицеров, одетых не по форме.

Лишь Климов видит в этом своеобразный язык Романова, которым он мог бы объясняться с миром.

Здесь страшно не то, что мы не понимаем Романова. Гораздо страшнее представить, что там, внутри себя, Романов, оставаясь мыслящим человеком, не может найти средств выражения своих мыслей и бьется над тем, как объяснить нам простые и очевидные для него вещи.

Климов не раз пытался поставить себя на место Романова и первые годы немало часов посвящал тому, чтобы уловить ту возможность, благодаря которой удастся наладить хоть какое-то взаимодействие. Может ли больной ответить на какие-либо вопросы или действия Климова, скажем, моргнув глазами или пошевелив пальцами. Нужна была любая зацепка – реакция на родных людей, на медперсонал или вовсе посторонних людей. Хоть азбука Морзе.

В своих поисках Климов напоминает тех астрофизиков, которые с помощью радиотелескопов пытаются вступить в контакт с инопланетным разумом. Они упорно отсылают группы сигналов в надежде

получить обратно не хаос космических звуков, а созданные интеллектом системы.

«Поиск контакта – здесь никто не знает заранее, что может сработать. Запахи? Вкусы? Тактильные ощущения? Визуальные стимулы? На чем строить политику дальнейшего лечения? Надо всего лишь поймать нить, чтобы вызвать реакцию, выявить зону интересов. И уже потом разжечь, раздуть ее, как первобытный огонек.

Бывали же феноменальные случаи. В соседней палате, например, громко включили музыку Владимира Высоцкого, и это сработало... Но это – удача. Экран загорелся, но кто нам скажет, где наконец замкнулись нужные контакты?

И мы пробовали применять звуковые стимулы. Однажды нам привезли записи различных звуков. Автоматных очередей, взрывов... Но мне не показалось, что в реакции на них у Романова можно было обнаружить какую-либо систему. Сегодня один звук ему не нравится, и он недовольно морщится. Но завтра тот же звук ему безразличен.

Сегодня, например, может появиться ощущение, что тембр моего хорошо знакомого ему голоса заставляет его смотреть на меня, как-то реагировать. Даже то – в белом халате сегодня я возле него или без халата. Узнает ли он меня? Есть ли воспоминания? Это очень сложный вопрос. Потому что те нарушения памяти, которые бывают после таких травм, не позволяют четко утверждать, что человек вообще помнит хоть как-то определенный эпизод или кусок жизни».

Чтобы понять, что произошло с Романовым, надо представить, что появившиеся

в его мозгу во время взрыва многочисленные повреждения неотвратимо погубили целые его участки, как это случается с кластерами компьютерного жесткого диска. Учитывая, что человечество о деятельности мозга до сих пор имеет весьма ограниченное представление, сказать наверняка, какие информация и способности Романова утрачены навсегда, а какие лишь на время – просто невозможно.

Именно поэтому не опустивший рук Климов продолжает свой ежедневный труд по поиску взаимодействия. Для этого используются различные фильмы и музыка, чтение. Врач даже не препятствовал проявленному к Романову интересу со стороны целителей и экстрасенсов, бравшихся поставить Романова на ноги с помощью своих методов. Просил их только об одном: «Бога ради, только не навредите!»

Работа с Романовым, безусловно, повлияла на судьбу Климова. Скромный, спокойный и очень доброжелательный человек, он не хотел, чтобы его работу с Романовым кто-то мог истолковать как привилегию. Он даже тему для своей кандидатской диссертации выбирал так, чтобы никто не мог обвинить его в конъюнктуре. Поэтому она у него к недугам Романова не имеет никакого отношения. Его медицинский авторитет, его блестящая карьера военного врача и звание полковника медицинской службы Климовым заслужены по праву. Личным талантом и делами, как это делал и сам Романов, видевший в военной офицерской службе не способ красивой жизни, а средство для того, чтобы защитить мир и живущего в нем человека.

Фото
Владимира Николаичука

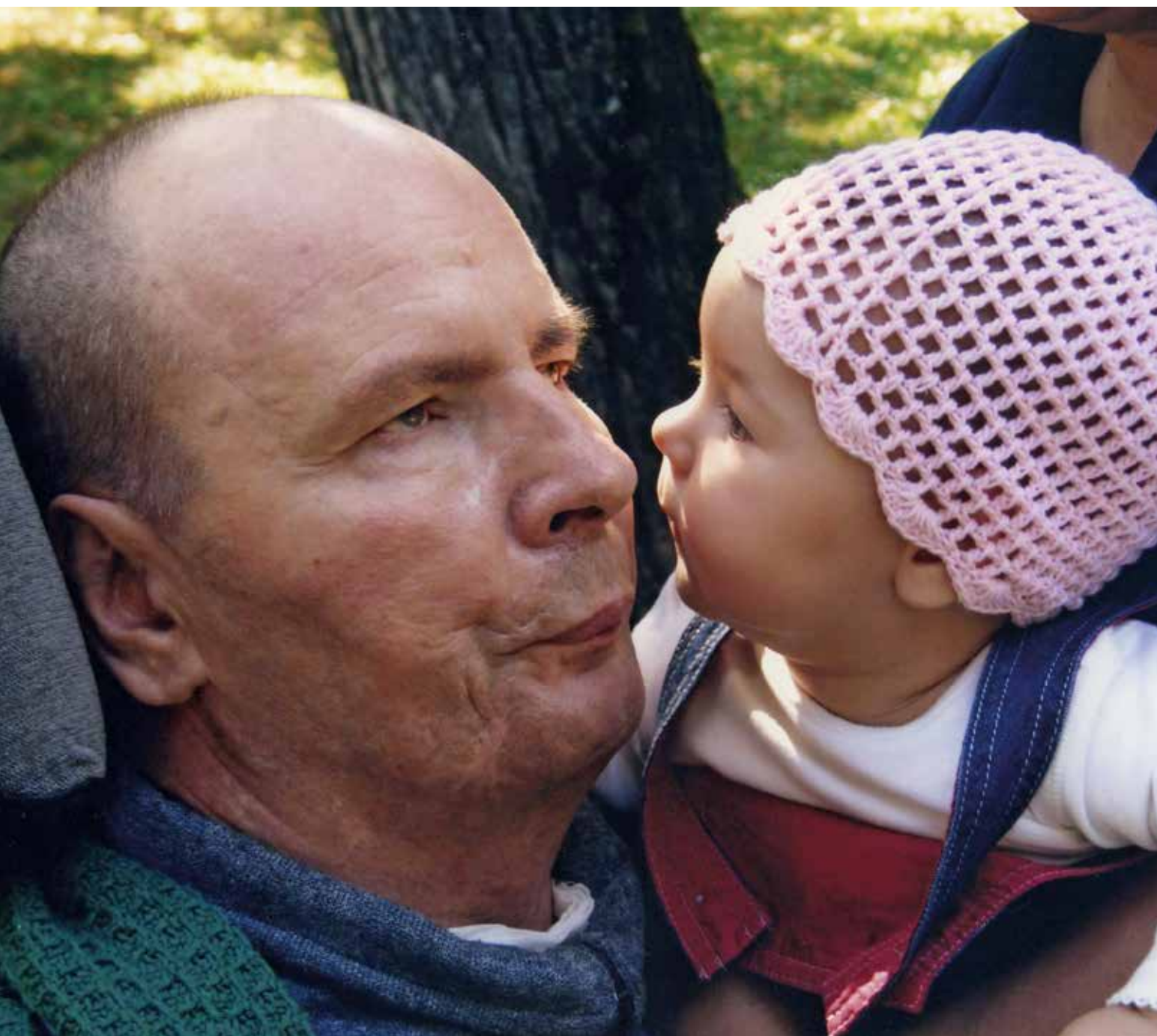

Фото Владимира
Николайчука

Те, кто безотлучно находятся рядом с Романовым все эти долгие годы, неохотно рассказывают, что иногда генерал неожиданно просыпается среди ночи. Ужас мечется в его глазах, в то время как тело содрогается от наплывающей боли.

Кажется, что ударная волна, рожденная именно этим октябрьским взрывом, будто так и блуждает в этом проклятом тоннеле,

и не будет ей конца, пока не будет получен ясный ответ на вопрос – кому это было нужно? И потому, что безнаказанным остается само преступление. И потому, что все произошедшее с Романовым уже вписало его имя в страницы русской летописи. В те особенные, чистые страницы, понятные любому россиянину уже в силу живущей в нас исторической памяти. В ней

давняя неприязнь к восточному вероломству (стремился к миру, ехал на переговоры), и любовь к военной стати (княжеское достоинство слов, жестов, поступков), и вечная русская надежда на возвращение солдата, которого уже не числят среди живых. Так ждали сыновей и мужей, пропавших без вести на Великой Отечественной войне, не теряя надежды, что кому-нибудь из них доведется очнуться в «специальном» госпитале и вспомнить собственное имя.

Есть еще удивительный подвиг жены Романова – Ларисы Васильевны Романовой, остающейся все эти годы самым сильным мотором его исцеления, душой его спасения, надежным хранителем его интересов и прав, источником самой большой веры в то, что ее Толя обязательно вернется домой.

Мир ее мужа ограничен стенами палаты. В ясные, погожие дни Романова вывозят погулять в госпитальный сквер. Кутают пледом и везут в кресле-каталке по парку.

Уход за Романовым труден. Он изобилует множеством деталей и тонкостей, известных ей одной. Год за годом методом проб и ошибок накапливался тот опыт, который сегодня позволяет поддерживать жизнедеятельность генерала на достойном уровне.

Питание Романова – это отдельная глава. Есть самостоятельно он не может. Поэтому и сделана гастростома – отверстие, связывающее шлангом его желудок с внешним миром, откуда шприцем закачиваются обычные завтрак, обед и ужин.

В реанимации, где его кормили специальными растворами с помощью носового катетера, он очень похудел – был одна кожа да кости. При росте в метр восемьдесят весил пятьдесят семь килограммов.

Основой питания служит обычная госпитальная пища – суфле, бульоны, каши.

Когда Лариса Васильевна впервые пришла в специализированный отдел Детского мира, чтобы купить консервы для своего Толи, продавщица, помогая Романовой сделать точный выбор, спросила ее о возрасте ребенка.

Любой на ее месте, может, и заплакал, а она, собрав в кулак всю оставшуюся волю, как-то ушла от прямого ответа.

Прежде чем ввести генералу еду, она очень тщательно перемешивается в блендере.

За все эти годы у Романова ни разу не было пролежней. Дается это трудом: в постели его надо постоянно переворачивать. Часто его сажают в кресло перед телевизором. Два раза в день с Романовым работает массажист из Росгвардии.

В 90-е годы по госпитальной палате гуляли сквозняки, и простужавшийся Романов мучительно и подолгу болел. Сегодня там – современные кондиционеры, позволяющие очень точно регулировать температуру воздуха.

Набор видеофильмов и дисков с разнообразной музыкой призван создать ему комфортный фон в период бодрствования. В то же время – это еще одна попытка при помощи звуков пробудить в Романове его дремлющее, еще живущее в пограничье сознание.

Но как бы далек ни был от нас Романов, он всегда заметно оживает, услышав Ларисин голос. Чувствуется, что его накрывает волна покоя, когда она рядом...

Когда приходит дочь Вика с внучкой Настей, чувствуется, что Настя его интересуется. Романов внимательно наблюдает за ней и благодушно принимает ее объятия и поцелуи.

Настя знает, что дедушка болен, но это не отменяет в ней энергичной романовской крови, которая наперекор всему тянется и тянется к родному человеку.

25 июня 2009 года из госпиталя имени Н.Н. Бурденко генерал Романов был переведен для дальнейшего лечения в Главный военный клинический госпиталь внутренних войск МВД России (ныне – *Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии*) в подмосковной Балашихе. Еще в ходе его реконструкции в одном из корпусов был предусмотрен и оборудован специальный блок для Романова, позволяющий сделать пребывание раненого в госпитале максимально удобным и целительным.

Это одно из лучших военно-медицинских учреждений России. Прославленный госпиталь, сыгравший выдающуюся роль в спасении многих и многих тысяч солдатских жизней.

Военное предназначение чувствуется в каждой детали его убранства и распорядка жизни: в форменной одежде его спешащего на работу персонала, в строгих формах его словно застывших в строю больничных корпусов, в идеальной чистоте палат и аллей в окружающем госпиталь парке.

Он чем-то похож на корабль, этот госпиталь. Утром – словно летящий в волнах свежей листвы. Вечером – будто накрепко пришвартованный к пирсу и готовый отпустить на берег свободный от вахты экипаж и обретших здоровье временных своих пассажиров – бывших больных и раненых. Какой бы уютной ни казалась больница, каждый из оказавшихся в ней по несчастью старается здесь не задерживаться: каждому хочется плыть под своим парусом, забыв о прежних печалях.

Но есть в этом корабле особая палата и особый больной – единственный из всех, который никогда не покидает ограду госпиталя Росгвардии.

Приключившаяся с этим человеком беда не составляет никакого секрета, но хватит десятка пальцев на руках, чтобы перечислить людей, имеющих право войти в такую каюту...

Его лицо известно большинству живущих в России людей, но сегодняшняя жизнь этого человека, в отличие от известных актеров, политиков и светских лиц, находящихся в лучах живого общественного интереса, протекает в сумраке больничного коридора, и лишь в часы прогулок – в госпитальном парке с фонтанчиком посреди аккуратно подстриженной травы.

Генерал Романов жив.

Но еще не случилось главное – он продолжает находиться в пограничном состоянии между жизнью и смертью, между

светом и тьмой, вызывая искреннее сочувствие нации, пытающейся хоть как-то помочь этому мужественному человеку.

Борьба за жизнь генерала Романова уже сама стала историей, достойной подробного рассказа, тоже наполненного смелостью и красотой человеческих поступков.

Мужеством, терпением и профессиональным мастерством тех людей, которые окружили раненого Романова в первые же мгновения после ранения, кто врачует его все эти долгие годы, и кто сегодня круглосуточно поддерживает его жизнь.

Каждую секунду рядом с генералом Романовым оставались его войска.

В силу обстоятельств, определенных высотой положения, командующий внутренними войсками и Объединенной группировкой федеральных войск на территории Чеченской Республики генерал-лейтенант Анатолий Александрович Романов попросту и знать не мог, что в ханкалинском госпитале служит старший прапорщик Ирина Михайловна Бурмистрова.

Наверняка он помнил ее лицо (городок ВВ в Ханкале небольшой) и в ответ на ее воинское приветствие младшего по званию, наверное, как и подобает вежливому генералу, прикладывал ладонь к правому виску, на который всегда чуточку задиристо был скошен его пятнистый берет.

Сразу после взрыва, произошедшего в тоннеле, в госпиталь повезли раненых. Вертушки уже начинали запуск винтов, когда выяснилось, что кому-то из медперсонала надо помогать и во время полета. Бурмистрова попала на тот борт, где везли Романова. Когда давление генерала упало до нулевого значения, стало понятно – надо колоть. В тряском вертолете на огромной скорости она боялась промахнуться, не попасть в вену. Боялась, но каждый раз, удивляясь собственному везению, все-таки попадала иглой в нужное место.

Это был самый критичный момент. По мнению даже многоопытных врачей, Романов должен был умереть именно в вертолете.

Так бы оно и случилось, но именно там, в вертолете, трое медиков сумели отстоять своего командира.

Напомним, в «таблетку» в Шалхи всех раненых погрузили живыми.

В том же году она стала медсестрой в палате Романова и оставалась подле него долгие годы – до увольнения в запас.

Круглосуточно рядом с Романовым были медицинские сестры внутренних войск, а сегодня находятся медицинские сестры Росгвардии.

Фото Натальи Медведевой

За прошедшие годы их сменилось немало, но это они разделили с Анатолием Александровичем Романовым, его семьей груз последовавших за ранением лет. Сделанное ими за эти годы когда-нибудь будет названо подвигом. Но яркими страницами их собственных судеб, возможно, назовут они те годы и месяцы, когда их человеческое тепло и профессиональные знания оказались столь необходимыми именно в этом поединке с бедой.

И они – А. Ахтимирова, И. Бурмистрова, Л. Бяшкова, Т. Денисова, И. Дробнова, О. Дутова, Т. Зозуля, О. Зацепина, И. Кассина, Н. Коклина, О. Колчева, Н. Литвинова, Н. Меринова, Л. Морева, О. Старова, Т. Филиппова и многие другие – вышли из него победителями.

О своей работе с генералом Романовым они не рассказывают, считая это сугубо служебной обязанностью и в чем-то даже – настоящей военной тайной.

И еще потому, что хорошо знают, о чем их тогда обязательно спросят сотни и тысячи людей.

А спросят они обязательно лишь одно: «КАК ТАМ РОМАНОВ?»

И если надо будет ответить на этот вопрос со всей откровенностью, им придется признаться, что в своих милосердных трудах некоторые из них запросто зовут известного генерала то «Люсиком», то «Мальчиком», обращая к нему почти

Несмотря на тяжесть ранения, эта, почти в четверть века, борьба за жизнь генерала не превратилась для врачей, для жены Ларисы и дочери Виктории, для его войск и близких товарищей в исполнение тягостного долга, от которого опускаются руки. Она действительно до краев наполнена одной лишь надеждой.

Ранение мужа оказалось для Ларисы Васильевны Романовой той чертой, за которой многое в жизни пришлось переменить и переосмыслить. Она быстро включилась в новую жизнь, в слезах, а чаще без слез встречая каждый новый день с его тревогами и заботами. Все эти годы именно Лариса Васильевна остается самым сильным мотором исцеления раненного на войне генерала Романова, душой его спасательной операции, надежным хранителем его интересов, источником самой большой веры в то, что ее Толя обязательно вернется домой.

материнскую заботу и сестринскую печаль за исковерканную взрывом судьбу. Как читают ему книги. Как жалеют, когда ему больно. И о том, как напрягается каждая его жилка в ожидании снегопада.

О том, как всем им трудно.

Но генерал – жив!

И покуда он жив, этот бой нельзя считать проигранным.

В палате у Романова.
Слева –
генерал армии
А.С. Куликов

Хотя в госпитале и рядовых солдат, и военачальников лечат одинаково, генерал Романов по умолчанию считается в нем больным № 1. А постоянно получающий доклады о состоянии его здоровья директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации генерал армии Виктор Васильевич Золотов так говорит о генерале Романове: «Я понимаю, насколько тяжелы ранения, полученные Анатолием Александровичем. Но, как и все, я не теряю надежды, что однажды генерал Романов обретет силы. Увидит и узнает, что все сделанное им на пути к миру было не напрасным. Что войска правопорядка, которыми он руководил до своего ранения в 1995 году, стали важной и действенной

силой в борьбе с терроризмом и преступностью. Что они стали Росгвардией».

В одну из недавних юбилейных годовщин Анатолия Александровича, когда в госпитальной палате собрались его однокашники по учебе в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил России, в руках у Ларисы Васильевны Романовой зазвонил мобильный телефон. Как сказала сама Лариса Васильевна, она была изумлена, услышав в трубке голос Владимира Владимировича Путина, Президента России и Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Российской Федерации.

От Президента России она услышала добрые, сопереживающие слова с пожеланиями генералу Романову здоровья, а также стойкости ей самой.

Путин говорил так, как если бы знал, что у нее на душе.

Будем справедливы: Романов не прожил бы и дня, не будь рядом с ним Ларисы – его жены. Любовь не называют подвигом, пока она живет в свое удовольствие, но любой подвиг становится возможен, если им движет настоящая, не ведающая покоя любовь...

Уже давно в стране большие перемены. В результате начатой Президентом России Владимиром Путиным контртеррористической операции на Северном Кавказе сохранена и обеспечена целостность государства. Поднялся из руин Грозный, и с колен поднялась вся Россия.

В палате у Романова.
Главком внутренних
войск МВД России
генерал-полковник
В.В. Овчинников

В палате у Романова. Главком внутренних войск МВД России генерал-полковник В.В. Тихомиров и министр внутренних дел РФ генерал-полковник В.Б. Рушайло

Сбылось все, что нес людям сам генерал Романов, так беспощадно и тяжело раненный на пути к миру.

В сущности, эпоха Путина – это эпоха очень похожих на Романова людей.

Через десять лет после подрыва генерала Романова у площади Минутка один из старших офицеров внутренних войск, узнав, что я пишу книгу об Анатолии Романове, протянул мне доставшийся ему по случаю пакет с бумагами. В нем без особого разбора кем-то были сложены документы с рабочего стола командующего Объединенной группировкой генерал-лейтенанта Романова. Тот самый бумажный шлейф, который оставляет за собой любой навсегда отлучившийся человек, в котором, словно облитое горячей смолой, а потом окаменевшее с годами, застывает само время со всеми его человеческими

заботами и интересами, пометками на полях и несбывшимися планами на завтрашний день.

В ворохе бумаг были жалобы и угрозы, всевозможные постановления и оперативные донесения, позывные вражеских радиостанций и тексты радиоперехватов. Лежавшие тут же корешки командировочных удостоверений, выписанных на самого Романова и его помощника полковника Александра Заславского, только подчеркивали трагизм круто переломившей обе эти жизни беды.

Но отчужденно таились в пакете и выпали в самый последний миг три пожелтевших от времени, но абсолютно чистых листа бумаги, еще не тронутых убористым романовским почерком.

Словно что-то очень важное должно было произойти в будущем, накрепко

Л.В. Романова и главком внутренних войск МВД России генерал армии Н.Е. Рогожкин

связав с именем Романова судьбу многих и многих людей, для которых взрыв под мостом возле площади Минутка начал отсчет иных событий, в которых каждый из них впоследствии сыграет свою яркую и незаменимую роль.

На этих листах должна была однажды появиться история спасения генерала Романова.

Сегодня известны все люди, принимавшие в этом личное участие.

Но почти двадцать лет оставалась неразгаданной одна загадка: в Ханкале, в последний момент перед взлетом вертолета с ранеными, к врачу Дмитрию Давыдову и медсестре Ирине Бурмистровой присоединился еще один человек, назвавшийся медиком.

Долгое время его имя оставалось неизвестным.

В вертолете он вместе со всеми оказывал помощь раненым, и то, как он это делал, выдавало в нем опытного специалиста.

Долго ходили слухи, что это был некий военный врач из Приволжского округа внутренних войск, однако ни его имени, ни фамилии никто не знал, потому что в бивачной жизни группировки в Ханкале в те дни кого только не было. Все – командировочные, собранные по всей России. А в боевой обстановке расспрашивать человека, кто он и откуда, не всегда представлялось возможным.

Только счастливый случай позволил установить, что третьим медиком в вертолете, спасая жизнь Романова, был живущий в Кирове подполковник медицинской службы запаса Евгений Александрович Кириченко.

В палате у Романова.
Первый заместитель
директора Росгвардии
генерал-полковник
С.А. Меликов

О характере этого человека лучше всего свидетельствует приключившаяся с ним история, когда сам Кириченко, оказавшийся на лечении в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск МВД России, однажды столкнулся на аллее парка с Ларисой Васильевной Романовой и генералом Романовым в инвалидной коляске.

Кириченко не удержался, чтобы не подойти и не поинтересоваться здоровьем генерала. О себе сказал лишь то, что служил с Романовым на Кавказе, и, конечно, не проронил ни слова о том, что был на борту несшегося во Владикавказ вертолета. Того самого, что вынес Романова из беды.

Слухи о том, что Кириченко имел отношение к означенным событиям, окольными путями все же попали в историю: об этом упомянули на музейном стенде, о существовании которого сам Кириченко до поры до времени даже не подозревал.

Однако побывавший в музее коллега Кириченко оговорил его вычитанным на стенде известием: «А ты у нас, оказывается, орденоседец! Имеешь орден Мужества – и молчишь».

В ответ Кириченко только недоуменно улыбнулся: никакими орденами его никогда не награждали, а единственная имеющаяся у него медаль – медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени – получена им гораздо позднее, и вовсе не «за Романова», а за работу в боевой обстановке.

Говоря о достоинствах Романова, следует подчеркнуть, что главным из них остается способность притягивать к себе очень чистых, добросовестных и горячо болеющих за дело людей.

Эти люди и подхватили раненого генерала уже через секунды после прогремевшего взрыва, став той спасительной це-

В палате у Романова.
Директор Росгвардии
генерал армии
В.В. Золотов

почкой, в которой не оказалось ни одного слабого звена.

Не было и не будет такого человека, кто сказал бы о себе, что он «спасал Романова» или «бинтовал его раны». Все принимавшие участие в подлинном спасении и поддержании жизни Романова очень скромны и сдержанны в оценке собственного мужества или профессионализма.

Но всех вместе их хватило на то, чтобы совершить беспрецедентный в мировой медицине подвиг по спасению и поддержанию жизни генерала Романова. И этот подвиг является ярким примером исповедуемых в Росгвардии принципов:

1. Мы раненых на войне не бросаем!
2. За каждого человека сражаемся до последнего!
3. Мы не сдаемся!

1. Мы раненых на войне не бросаем!

2. За каждого человека сражаемся до последнего!

3. Мы не сдаемся!

Замечено: со временем любое драматическое событие обрастает легендами. Так и покушение на генерала А.А. Романова, совершенное 6 октября 1995 года в тоннеле возле площади Минутка в Грозном, даже в рассказах очевидцев не избежало искажений и неправильных толкований. В разговорах и по сей день упоминают, что из искореженного «уазика» вместе с генералом Романовым «вынесли двух убитых подполковников», что из кобуры командующего сразу после взрыва был якобы «похищен его наградной пистолет». Вспоминают даже таинственный «чеченский автобус», въехавший в тоннель сразу после взрыва, однако оказавшийся «мирным», то есть рейсовым – заполненным обычными гражданскими пассажирами.

Оставляя за скобками этой книги очевидные домыслы, добавить следует лишь то, что «чеченский» автобус на самом деле оказался в тоннеле сразу после произошедшего на Романова покушения. Когда пассажиры из него вышли, в автобус немедленно стали переносить раненых. Возможно лишь благодаря этому, на счастье

подвернувшемуся транспорту, а также его отчаянно газовавшему до самой Ханкалы водителю, и удалось спасти немало человеческих жизней.

К медикам они попали вовремя. Среди них был и генерал Романов...

Взрыв унес жизни трех человек: помощника командующего полковника Александра Заславского, водителя «уазика» рядового Виталия Матвийченко и рядового Дениса Ябрикова – бойца 8-го отряда специального назначения «Русь» внутренних войск МВД России.

Есть особая справедливость в том, чтобы их имена не были забыты или как-то отодвинуты в сторону на фоне драматической судьбы самого генерала Романова.

И потому, что их гибель остается в наших глазах примером честно, жертвенно исполненного солдатского долга.

Полковник Александр Заславский погиб 6 октября 1995 года. С того дня в его семье многое изменилось. Заславские наконец-то получили квартиру. Его младшая дочь Наташа окончила школу, а старшая, Ира, – институт. Девочки уже смирились с тем, что папы нет. И только Валентина Александровна Заславская никак не может до конца поверить, что она уже никогда не обнимет своего Сашу, не услышит такого родного голоса. В уютной квартире Заславских на кухне стоит портрет Александра Андреевича, рядом – свечки и иконка. Но в семейном альбоме почти нет его фотографий: полковник хоть и шелкал фотоаппаратом постоянно, но сам всегда оставался за кадром.

Валентина Александровна познакомилась со своим мужем еще в школе: они учились в одном классе. А потом поженились. И с тех пор почти все время были вместе. Вечные переезды, неустроенный

быт офицера – все это казалось Валентине Александровне мелочью.

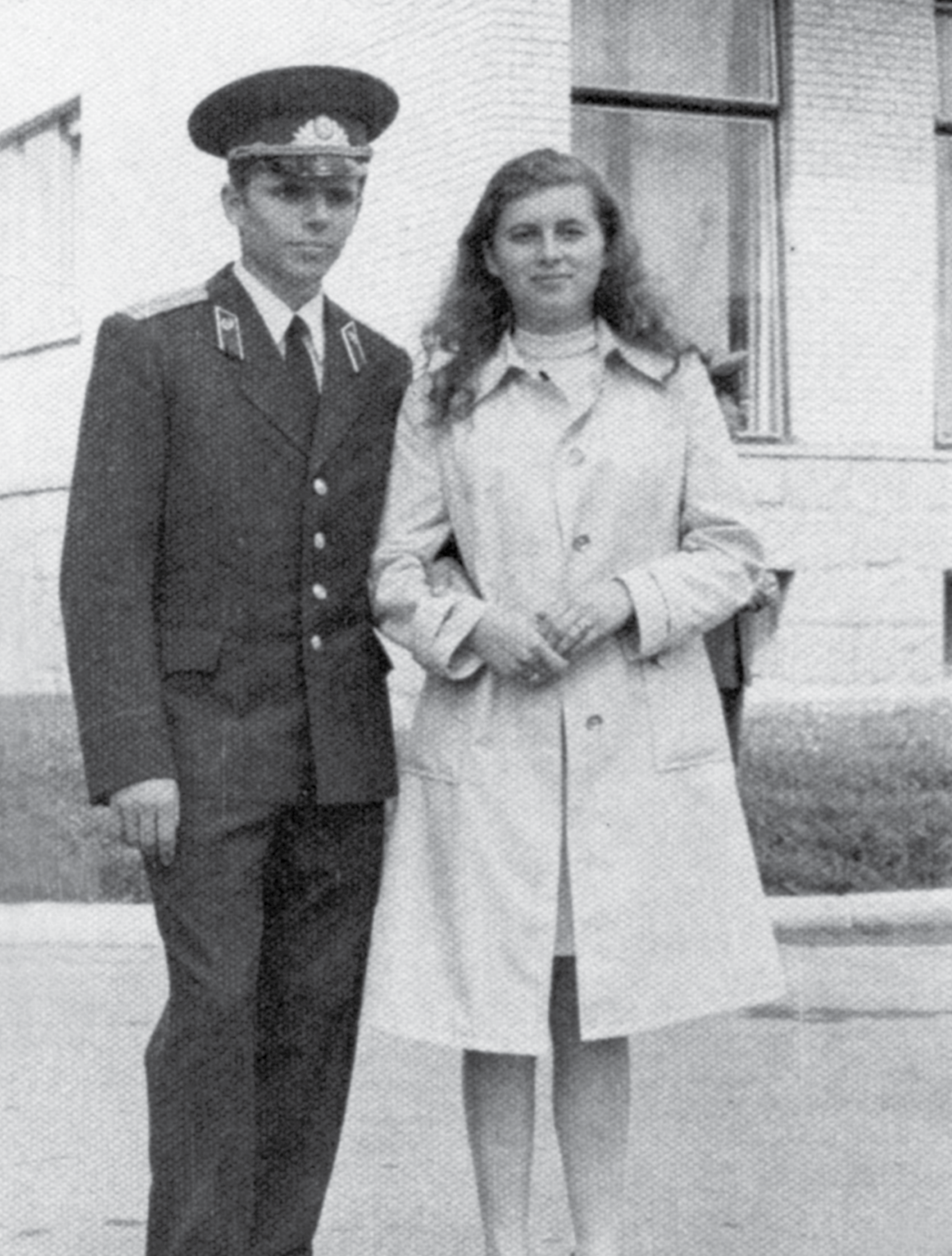
– Мы переезжали девять раз. Ира у нас поменяла пять школ. Наташа – семь. Но мне эти переезды не были в тягость, – говорит Валентина Заславская. – С Сашей я всегда ощущала себя как за каменной стеной. И вдруг эта стена рухнула...

Первый раз полковник Заславский уехал в Чечню 12 августа 1995 года. Тогда он сказал жене: «Я ненадолго, всего лишь на пару дней. Вот только вникнем в обстановку и вернемся». А пробыл в Чечне две недели.

– Эту первую встречу после Чечни я не забуду, – говорит старшая дочь Ира. – Мы точно не знали, когда папа придет, и ждали его каждый день. Когда он приехал, я сказала, что больше никогда его туда не отпущу.

Но после было еще несколько поездок и возвращений. В последний раз Заслав-

Генерал-лейтенант
А.А. Романов
с помощником
полковником
А.А. Заславским

ВОЙНА И МИР ГЕНЕРАЛА РОМАНОВА

На фото
А.А. Заславский
с женой Валентиной
в начале офицерской
службы

ский приехал в Москву незадолго до трагедии – в конце сентября. Валентине Александровне многое хотелось успеть за эту короткую встречу. 28 сентября они с мужем пошли в театр.

Александр Андреевич надел новый костюм, новую красивую рубашку. Брюки у него были с подтяжками, и он, разглядывая себя в зеркале, несколько раз повторил: «Ой, ну совсем, как Листьев. Совсем как Листьев» (*Владислав Листьев – советский и российский телеведущий и журналист. Первый генеральный директор ОРТ. Погиб 1 марта 1995 г. в результате покушения. – Авт.*). Дочки возмущенно прикрикнули на отца: «Папа, не говори глупости, замолчи сейчас же!!!» От такого нелепого сравнения даже им, не слишком суеверным, стало как-то не по себе.

– Мы отправились в театр оперетты. И Саша там уснул. Он был таким уставшим, таким измотанным, – вспоминает Валентина Заславская. – А когда возвращались домой, купили бутылку шампанского. И Саша мне почему-то сказал: «Ты меня похоронишь». Я начала плакать, а он опять: «Ты сильная, ты переживешь это, но ты меня похоронишь...»

У Саши было какое-то предчувствие. Говорят, Девы все очень сильно чувствуют, а он по гороскопу как раз и был Девой.

Накануне отъезда в эту последнюю командировку в Чечню он позвонил мне с работы: «Я очень хочу, чтобы ты меня проводила».

Я приехала и зашла в его кабинет. Саша бегал по управлению (*Главное управление командующего ВВ МВД РФ на улице Красноказарменной в Москве. – Авт.*), решая какие-то неотложные вопросы. Но время от времени забегал в кабинет и очень сильно меня целовал. А потом они с Романовым уехали.

Полковник Заславский часто звонил жене из Грозного. Обычно рано утром или после полуночи. Звонок от него был

и в ночь с 5 на 6 октября. Как помнит сама Валентина, в этот раз она почему-то расплакалась:

– Сказала ему, что хочу его видеть немедленно. У меня душа просто разрывалась. Когда я раньше в книжках читала эту фразу – «душа разрывается», то думала, что это просто красивый оборот. Но моя душа на самом деле болела так, будто разлеталась на части.

А утром 6 октября ждала звонка от мужа с семи часов, но на связь он вышел только в 10.00. Саша никогда по телефону так не разговаривал: у него был грустный голос. Только сказал: «Я очень соскучился по тебе. Приеду домой, зацелую до смерти...» Еще сообщил, что никуда сегодня из Ханкалы выбираться не планирует, но просит меня вечером обязательно посмотреть телевизор.

Мы с дочками решили немного развяться и поехали в магазин «Бурда» за новыми журналами: я вышиваю. Выходим из общежития, а там прапорщики стены моют. Я шутя поинтересовалась – это в честь чего? А они ничего не ответили. Все стоят, смотрят на нас. А потом к нам подошел Володя Анисимов, спросил, куда нас надо подвезти. Все время он прятал глаза и пытался понять: знаем мы или нет? А потом спросил: «Саша когда приедет?» Я ответила, что завтра.

И мы поехали в магазин. Собирались купить только журналы, но зачем-то купили огромный моток черной шерсти и черную рамку для фотографии. День был солнечный, теплый, но мне было плохо.

Вернулись часов в пять. У Иры с собой был плеер, но слушала она радио. Передавали новости, и вдруг она говорит: «Мама, генерал Романов ранен, а кто-то из близкого окружения погиб».

У меня даже сомнений не было, что это случилось с Сашей. Он ведь от Анатолия Александровича ни на шаг не отходил, всегда они были вместе. Даже не помню, как поднялись с дочерьми наверх. Стала

звонить в главк, но долго никто не подходил к телефону, а потом трубку все-таки взяли. Говорю: «Я все знаю, но вы все равно скажите, что Саша жив».

Стены словно поехали: такое было ощущение... Я не могла находиться в доме. Мы с Ирой пошли к соседям. Я вошла без стука и вижу, как две наши соседки стоят посреди комнаты и плачут. А потом стали подъезжать какие-то люди, много людей. А Ире, оказывается, с 5 на 6 октября приснился сон, о котором она мне ничего не сказала: «Вижу, что надеваю черные брюки и черную кофту».

– Мне Саши очень не хватает, – говорит Валентина Александровна. – Ему можно было поплакаться, поделиться проблемами. И он всегда находил для меня верные слова, чтобы я успокоилась. Он полностью отдавал себя службе – уходил к подъему, к шести утра, приходил после отбоя. Я так плакала первое время! И отдыхали мы с ним очень редко и мало. Нам постоянно не хватало друг друга, а всех, кто приходил к нам в дом, я к Саше очень ревновала: хотела быть с ним одна, без посторонних.

Сейчас Валентине Заславской приходится потихоньку привыкать к новой жизни. Командующий внутренними войсками генерал Анатолий Шкирко привлек ее на работу в главк, во внутренние войска. Так, по крайней мере, находясь среди людей, она на какое-то время забывает о своей горе. Когда надо, ей дают машину, чтобы съездить на кладбище. Но дом без мужчины осиротел. Осенью девочки сами, как могут, заклеивают окна, самостоятельно делают ремонт, перетаскивают тяжелую мебель. Все сами.

– Меня да и моих дочерей разом лишили счастья, – в отчаянии говорит Валентина Заславская, молодая и красивая женщина. – К Саше всегда хорошо относились и солдаты, и офицеры, и это доброе отношение автоматически было перенесено на семью после его гибели. Позднее пришло письмо от какой-то женщины – ее сын, солдат, раньше служил под командованием Саши. Так вот она – я не помню за что именно – благодарила Заславского, обращалась к нему как живому. А его уже не было...*

Елена ЛОРИЯ

* Этот журналистский материал написан в 1998 г.

Елена Ревазовна Лория – заместитель главного редактора газеты «Известия». В 1995 г. работала корреспондентом газеты «Комсомольская правда». В одной из журналистских командировок в Чеченскую Республику в 1995 году была ранена. Награждена орденом Мужества.

О рядовом Виталии Матвийченко хорошо известно из письма его родителей, отправленного уже после его гибели в журнал внутренних войск МВД России «На боевом посту» из хутора Баранниковский Славянского района Краснодарского края, с улицы ... ВИТАЛИЯ МАТВИЙЧЕНКО его родителями – Людмилой Ивановной и Петром Тимофеевичем Матвийченко.

«Родился Виталия 11 ноября 1976 года в хуторе Баранниковском. Здесь в 1991 году окончил 9 классов средней школы. Потом поступил в Дондуковское СПТУ, в котором учился на пчеловода. На папке работал совсем немного: не было транспорта, чтобы ездить на работу. Поэтому Виталий устроился в бригаду трудоемких процессов, где проработал до призыва в армию сварщиком. Виталий был у нас вторым ребенком. В наших сердцах он останется добрым, любящим, заботливым сыном и братом. Характер у него был спокойный, рассудительный. Помогал по хозяйству, всегда держал свое слово. На него можно было положиться, за что уважали его друзья, особенно те ребята, которые были с ним в Чечне».

Земляки Виталия написали: «Дом Матвийченко из двух комнат, на видном месте – портрет Виталия, орден Мужества и икона. За иконой пачка писем с войны и водительское удостоверение, залитое кровью. Хоронил Виталия весь колхоз. Гроб до самого кладбища земляки несли на руках...»

После гибели рядового Виталия Матвийченко остались его письма домой. Казалось бы, это личная жизнь: в нее нельзя заходить без спросу. И все же теперь ценность имеет все, что успел сделать на земле этот отважный человек. Каждое его слово, коли не сбылись его мечты...

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

На фото рядовой Виталий Матвийченко

«Здравствуйте, мои родные мама, папа, Андрюха и Васек! Андрюха наш уже приехал домой, наверное? У меня все нормально. Машину я пока не получил, но скоро дембеля будут увольняться, и мне, наверное, дадут «уазик». Из Калача нас отобрали пять человек с категорией «В» и направили в Моздок, а из Моздока в Ханкалу. Когда ехали в Ханкалу, проезжали через г. Грозный. Если б вы видели, что от него осталось – все дома или развалины, или в дырках все. А здесь все спокойно. С одной стороны, здесь хорошо, а с другой – не очень. Порядка тут нет никакого – ходи, как хочешь и в чем хочешь. Я уже забыл, что такое чистить сапоги, бриться, подшиваться и т.д. Терпеть нам здесь приходится много, ведь дедов куча целая, а нас, молодых, только пятеро. Но не волнуйтесь, пе-

реживем, мы держимся вместе впятером, так что не пропадем. А так все нормально. Жаль, что от вас писем получать не буду, но зато вы от меня будете получать весточки. Писать буду по возможности почаще. Чтобы вы знали, что со мной все в порядке. Кормят здесь неплохо – по вечерам дают сгущенку, сыр, печенье, на обед колбасу дают – что-то типа гуманитарной помощи. В общем, сложновато здесь поначалу, но зато потом будет легко и даже очень легко. Ну вот, наверное, и все. Передавайте привет Славику, Натахе, Алле и Андрюхе (кстати, они там не поженились еще?), д. Ване, т. Моте, Татьяне и Светлане. Виталик».

ВТОРОЕ ПИСЬМО

«Здравствуйте, мои родные мама, папа, Андрюха и Васек! Это я. У меня все нормально. Вчера был праздник 9 Мая и нам выдавали гуманитарку. Если честно, то я уже на сладкое не могу смотреть. Даже сейчас у меня полные карманы конфет. В общем, с едой тут не проблема, я в Калаче такого не ел, как здесь. С сигаретами у меня никаких проблем. Прижились мы уже здесь хорошо. Сделали себе умывальники, туалет, душ. Местность тут красивая, вдалеке видны горы. Особенно утром, когда встает солнце, здесь вообще красиво. Недавно видел ребят из калачевской части, сейчас они стоят в Гудермесе, так они рассказывали, что в ночь на ПАСХУ их обстреляли. Говорят, хорошо им досталось – из роты разведки осталось в живых четыре человека. Наши пацаны из Калача, нашего призыва, под обстрел не попали, они приехали на смену дембелей после ПАСХИ. А нас еще ни разу не обстреливали, потому что к нашей части просто так не подлезешь. Так что за меня можете не волноваться. Мама, у нас тут что-то типа почты налаживается, я вам адрес напишу, можете мне потом написать. Только адрес, наверное, будет моздокский, а с Моздо-

ка письма будут забирать и привозить сюда, в Ханкалу. Но вот, наверное, и все. Передавайте привет Славику, Натахе, т. Моте, д. Ване, Татьяне, Светлане, Алле и Андрюхе. Виталик».

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО, ПОСЛЕДНЕЕ

«Здравствуйте, мои родные мама, папа, Андрюха и Васек! У меня все нормально. А у вас там как дела? Как здоровье? У меня все по-прежнему, я так же, как и раньше, нахожусь в Ханкале около Грозного. Сейчас в Грозном идут переговоры о перемирии. И я на своем «уазике» вожу начальника штаба на эти переговоры. Не знаю, о чем они там договорились, но боевики некоторых наших ребят пленных отпустили. А мне домой хочется – это не передать словами. Особенно сейчас, когда я вот уже четвертый месяц не получаю от вас писем, я даже не знаю, как у вас дела, как здоровье. А некоторые пацаны у нас по семь, по восемь месяцев ни одного письма не получили. Ну хоть бы мои письма к вам приходили, и то хорошо, хоть будете знать обо мне, что жив-здоров. Сейчас еще непонятно, сколько нам служить – то ли 2 года, то ли 1,5 года. У одного генерала спросили – говорит, что 2 года, а у другого – говорит, что полтора, так что не поймешь, сколько же все-таки нам служить. Ну ладно, потом все равно узнаем. Буду, наверное, уже заканчивать письмо. Передавайте привет т. Моте, д. Ване, Татьяне, Светлане, Славику, Натахе, Алле и Андрюхе.

И еще большой привет Полонику, Терешенко Сереге и Валерке Дмитриеву. Да, знать бы еще, как там Юрка наш служит, он хоть письма домой пишет? А Алла с Андрюхой там еще не поженились? Ну вот, наверное, и все.

Крепко-крепко вас обнимаю, до свидания. Виталик».

Рядовой Денис Ябриков был северянином – из города Ковдор Мурманской области. Таким же девятнадцатилетним, как и Матвийченко. Всего лишь на пять дней его старше. В 1996 году, когда во внутренних войсках МВД России начался сбор материалов для будущей Книги памяти, Михаил Валентинович Ябриков, отец Дениса, о сыне написал коротко, будто сквозь слезы: «Родился Денис 6 ноября 1976 года. Учился неплохо, любил читать, особенно историческую литературу, занимался спортом. После окончания школы поступал в среднюю школу МВД, но не набрал нужных баллов. 22 ноября 1994 года ушел в армию. Попал в Москву, в отряд специального назначения «Русь». Последний раз я видел сына 1 и 2 мая 1995 года, когда приезжал к нему в Москву. А 5 мая он уже был в Ханкале. Мы очень боялись за сына, но он нас успокаивал, писал, что в боевых действиях не участвует, а сопро-

вождает и охраняет генерала Романова. Позднее мы узнали, что и в боевых действиях ему тоже довелось участвовать. Неоднократно видели Дениса в программе «Вести», где его вместе с генералом Анатолием Александровичем Романовым показывали во время переговоров по линии ОБСЕ. Он нам писал перед этим, чтобы мы чаще смотрели телевизор, хотя мы и так не пропускали ни одной новости, ни одной передачи о Чечне.

6 октября 1995 года мы тоже смотрели телевизор. И когда сообщили о теракте в Грозном, о покушении на Романова, мы не хотели думать о плохом. И представить не могли, что в этот день сопровождать командующего, сидя на переднем сиденье «уазика», выпадет нашему сыну. 9 октября мы получили телеграмму, где сообщалось, что 6 октября Денис погиб при исполнении... Вот и все».

С Ириной Васильевной и Михаилом Валентиновичем Ябриковыми, родителями Дениса, я встретился десятилетие спустя. В Мурманской области, в городе Ковдор, неподалеку от российско-финской границы. Подобно любой квартире или дому, навсегда покинутому солдатом, все у Ябриковых – и портрет Дениса в рамочке, и его посмертный орден Мужества в красной коробочке, и даже пейзаж этого горняцкого городка за окном – тоже излучало пустоту ОСТАНОВИВШЕГОСЯ ВРЕМЕНИ.

Примириться с гибелью сына невозможно. Притерпеться – да. Но как бы ни кружили мысли, они всегда возвращаются к Денису, как к живому, и даже годы спустя каждое воспоминание о нем – это рассказ о человеке, словно ненадолго покинувшем дом, маму, отца и брата.

Ирина Васильевна говорит: «Денис пишет – получил ваше письмо... Хочется знать, как ваши дела. Здесь – жара. От меня прежнего (в Чечне. – **Авт.**) и следа не осталось. Каждый день зарядка – в «бронике» (в бронежилете. – **Авт.**). Отжимаемся до потери пульса, форму можно

На фото
рядовой Денис Ябриков

Фото
Владимира Николайчука

выжимать. Обо мне не беспокойтесь: дивизия (*Отдельная дивизия оперативного назначения ВВ МВД России. – Авт.*) воюет, но нас не трогают... Больше охраняем министра (*министра внутренних дел А.С. Куликова. – Авт.*) или командующего (*А.А. Романова. – Авт.*). Много летаем. Дома буду в марте или апреле. Очень хочется на рыбалку...

Но надо отметить: Денис Ябриков по характеру был настоящим бойцом. Не зря попал в спецназ, не зря в его военном билете было указано – «снайпер». И даже свою командировку в Чечню он расценивал как подготовку к учебе на офицера милиции, как необходимый этап в жизни, помогающий обрести важные для него солдатские качества. Родителям он так и сказал: «Оттуда я без награды не вернусь...»

Награда эта – орден Мужества – воспринимается сегодня как исполненная ценой жизни клятва.

В заполярном Ковдоре каждый февраль поминают здешних парней, погибших в Афганистане и Чечне. На каждой из городских школ есть мемориальные доски с их именами.

Поэтому скорбный этот день начинается с обхода школ, с митинга, после чего все отправляются на кладбище. Могилы ребят, хоть и расположены не рядом, люди посещают все – до единой. И неожиданно, года через три после гибели Дениса, вдруг заметили, что к приходу людей на ограды могил прилетают и садятся двенадцать голубей – ровно по счету не вернувшихся из боя парней.

Сидят голуби, ничего не просят.

Но достаточно людям перейти к следующей могиле, перелетают и эти двенадцать, словно олицетворенные в голубях души.

И так – из года в год, пока течет жизнь.

С детства офицер Романов учил свою дочь Викторию тому, что сам страстно и безоглядно любил: своей военной профессией.

Делалось это как бы исподволь, и началось игрой со старыми ремнями и портупеями, ношением кобуры от пистолета. Со временем Анатолий Романов засадил Вику за штабные карты. Участь в Академии имени Фрунзе, этих карт нарисовал достаточно, а Вика усердно помогала отцу наносить на карту дислокацию войск, военные аэродромы, разграничивая цветными карандашами «своих» и «чужих».

Оформление карт считалось поощрением за хорошее поведение. После отец с дочерью на картах азартно играли «в войну». По прошествии многих лет Виктория Анатольевна Романова станет полковником таможенной службы.

Там, на этой войне он будет учителем для многих тысяч своих солдат и полной мерой испытает тяжесть самой большой ответственности, какую только может возложить на себя человек – ответственности за посылаемых в бой подчиненных.

И что-то неискоренимо учительское промелькнет в его словах, когда с любовью и уважением он будет рассказывать журналистам о своих бойцах: «Я поражаюсь выдержке и мужеству восемнадцатилетних мальчишек, которые в таких условиях делают величайшее дело – обеспечивают общественную безопасность, сопровождают колонны с гуманитарной помощью, разоружают боевиков и преступников, ведут розыск без вести пропавших».

Миротворчество Романова подпитывалось его заботой о своих солдатах и офицерах. Он неоднократно вспоминал о военном синдроме, отлично понимая, что даже окончившаяся война никогда не закончится в ее участниках и очевидцах.

Если война – болезнь, уносящая тысячи жизней, то ее осложнением станет постепенная гибель сотен тысяч людей от пере-

житого стресса и лишений, потери нравственных ориентиров. Война несет потери трем или более поколениям. Война – это бездна, в которую приходится заглядывать беспрестанно.

Генерал Романов не просто хотел остановить войну. Он хотел уничтожить ее причины. Ради своих солдат и офицеров. Ради населения городов и сел Чеченской Республики. Ради тех, кто родится через двадцать или, например, тысячу лет.

Ради будущего, которое у него самого заберут без остатка.

**Полковник запаса Роман НАСОНОВ,
руководитель холдинга структур безопасности «Русь»**

Попав в военное училище, всякий юный курсант открывает для себя новый мир, где каждое событие и каждый урок запоминаются и мгновенно впитываются, формируя будущего офицера. Курсанты – материал одновременно гибкий и в то же время восприимчивый. Какой им достанется воспитатель – от этого во многом зависит, каким вырастет и будущий офицер, со всеми достоинствами и недостатками.

Майор Анатолий Александрович Романов поначалу не был моим командиром. Он еще служил в учебном отделе Саратовского высшего военного командного училища МВД СССР и, кажется, в ту пору еще учился заочно в Академии имени М.В. Фрунзе.

Однажды он пришел к нам для контроля занятия по строевой подготовке. Как другие, он мог бы глянуть на это сбоку, выя-

вить ошибки и потребовать от командира взвода их исправления. А тут мы впервые в жизни увидели, что вместо контролера к нам пришел отличный методист. Он и вышел подтянутый, в сапогах, в шинели, с портупеей. И с первой до последней минуты этих занятий я видел, как мудрый и умелый, этот офицер очень доходчиво, спокойно, и словно закладывая в нас на века великую строевую науку, учил нас будущей профессии.

Разумеется, выпустившись из училища, все свои занятия с подчиненными я проводил с оглядкой на школу майора Романова.

С курсантами он разговаривал доброжелательно. Как с равными себе, как с будущими офицерами. При этом, однако, он умело выдерживал равную своему положению дистанцию, что обязывало курсантов

Фото
Олега Смирнова

Фото
Валерия Щеколдина

не терять почву под ногами и ошибки исправлять исключительно старательно.

В том, что Романов – замечательный педагог, я окончательно убедился, когда он стал командиром моего курсантского батальона.

Я учился в группе, где были собраны наиболее спортивные и сильные в учебе ребята. Дополнительно мы занимались по программе подразделений специального назначения. Что интересно, Романов, будучи комбатом (а по училишним меркам это ого-го какая величина!), не только занимался вместе с нами рукопашным боем, как обычный курсант, но и привлек хорошего специалиста по новомодному тогда каратэ. И занятия наши шли по необычным для того времени (даже пришлось освоить некоторые выражения на японском языке) методикам. В курилке Романов рассказывал о книгах, которые могли бы сформировать круг нашего чтения для профессио-

нального совершенствования, для развития кругозора.

Именно от Романова я почерпнул сведения о редких книгах по военной истории, об армиях мира, силах специального назначения. О том, что впоследствии сделало многих из нас способными к восприятию куда более сложных истин. Он учил вести диалог, быть тактичным, с уважением относиться к солдату.

Надо сказать, что Анатолий Александрович Романов привлек к нашему воспитанию и свою жену – Ларису Васильевну. Она рассказывала нам, как вести себя офицеру за столом и на людях. Как правильно взять вилку, куда положить салфетку. От Ларисы Васильевны я узнал и навеки запомнил, что настоящий офицер, если он в военной форме, никогда не станет носить авоську с продуктами, не будет давиться в очереди за картошкой или, например, суетливо метаться на улице.

Фото
Олега Смирнова

Офицерство – часть народа, но его особенная, горделивая, во всех отношениях опрятная и никогда не теряющая достоинства часть.

Комбат Романов был для нас наглядным примером такого подлинно русского офицера.

Окончив училище, я попросился с Романовым с чувством большой благодарности за науку. В моем понимании это был офицер, идеально подходящий для службы в военно-учебном заведении. Прирожденный педагог, воспитатель с большой буквы. Но как же я был удивлен, когда, приехав в Саратов по делам, неожиданно встретил Анатолия Александровича Романова на вокзале. Он с женой уезжал к новому месту службы – в обычный полк внутренних войск на Урале.

Помню, поговорили, съели даже по вокзальному беляшу, и Романов тогда дал мне понять, что судьбу надо менять вовремя, что «училишный» период для него окончен. И его аргументы я счел справедливыми.

Он был офицером БУДУЩЕЙ ЭПОХИ. К сожалению, не всеми в ту пору понятый, не всем в те времена своей интеллигентностью импонирующий.

И ему было непросто отстаивать принципы, которые в военном образовании и в воспитании будущих офицеров будут востребованы только сегодня. Причем – на примере того же Романова.

Полк стал для него местом, где он мог раскрыться по-настоящему. Офицер и командир он был первоклассный.

Это подтвердилось годы спустя, когда, окончив Военную академию имени М.В. Фрунзе, я встретился с Анатолием Александровичем, уже генералом, возглавляющим комиссию по распределению выпускников по частям внутренних войск МВД России. Он сидел во главе длинного стола, за которым вместе с ним находились решающие наши судьбы кадровики.

Когда подошел мой черед (как окончивший академию с золотой медалью я шел в числе первых), Романов сразу же узнал

Фото
Валерия Щеколдина

меня. Поднялся и, обойдя стол, по-товарищески обнял. «Куда, Роман, собираешься на службу?» – спросил он меня. «В софринскую бригаду оперативного назначения», – бодро ответил я, еще несколько ошарашенный, что военачальник столь высокого ранга узнал в майоре бывшего своего курсанта.

«Достойно, – сказал Романов и, обращаясь к полковникам-кадровикам, подвел черту: – Так и запишем...»

Я шел своим путем и с Романовым встречался лишь изредка. Но важнее всего для меня та наша встреча в Чеченской Республике, когда в 1995 году, выполняя боевые задачи в группе офицеров главка, он, поблагодарив за службу, пожал мне руку.

Это была самая большая награда. К тому времени в нашей группе уже погиб разведчик Александр Клинов, было тяжело и непросто. А доброе слово командующего меня в той обстановке ободрило и окрылило.

Удивительно, но известие о его ранении я принял с теплейшей надеждой, что с генералом Романовым ничего страшного не случится. Раненых к тому времени мы уже видались. Думалось: на этот раз обойдется.

Нет, Романов не двигал меня по службе, но без него я, как офицер, возможно бы, не состоялся. Его личность – это как ступенька, на которую я и многие мои товарищи мысленно опирались, когда приходилось принимать самостоятельные решения, совершать те или иные поступки.

Что ж – беду надо принимать, как она есть... И не опускать рук, продолжая борьбу за жизнь генерала Романова. И самое важное – продолжая борьбу за утверждение тех правил истинно офицерского поведения и беззаветного, я бы даже сказал БЕЗОГЛЯДНОГО, служения Отечеству, что лично у меня всегда ассоциируется с именем генерала Анатолия Александровича Романова.

С именами людей, которые извечно составляют суть и опору России.

**Генерал-полковник Сергей ЧЕНЧИК,
начальник главного штаба войск национальной гвардии Российской
Федерации – первый заместитель директора Федеральной службы
войск национальной гвардии Российской Федерации –
главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации**

Во время моей учебы в Саратовском высшем военном командном Краснознаменном училище имени Ф.Э. Дзержинского МВД СССР в его стенах было немало по-своему легендарных, известных каждому курсанту офицеров: начальник училища, его заместители, преподаватели, выделявшиеся особым мастерством, или иные, как говорят сегодня, харизматичные люди. Все новое, необычное, замечательное мы схватывали мгновенно, чтобы добавить к собственным знаниям и опыту особенно понравившиеся нам черты, приемы и методы лучших педагогов и командиров.

Такие люди были нам интересны. А вот майор Анатолий Александрович Романов был интересен по-иному. Не эксцентричностью, не какой-то особо выдающейся харизмой (чего у него, кстати, не наблюдалось), а тем, что изо дня в день мы видели перед собой по-военному подтянутого, умевшего носить офицерскую форму, неизменно интеллигентного в общении и очень доброжелательного человека. Можно добавить, что в ту пору в педагогических кругах училища иногда бытовало мнение, что учебный материал становится для курсанта доходчивее, если сопровождать его доведение ненормативной лексикой.

Так вот, от Романова мы никогда не слышали ни одного матерного слова.

И в этом отношении он сильно отличался от некоторых офицеров. И вообще отличался от большинства вот этой своей неброской, но в то же время ярко выраженной офицерской культурой.

Не скажу, что он выделялся особой яркостью либо неординарностью. Просто он был ДРУГОЙ!

Он был человечный. Когда ты, курсант, проходил мимо Романова, то хотелось не

просто по-уставному его поприветствовать, а посветлеть лицом, расправить плечи и посмотреть на мир по-иному – так хотелось быть на него похожим.

В чем-то он напоминал мне моего отца. Не внешностью, а своим внутренним содержанием, присущим этому офицерскому поколению. Это были люди, до последнего дыхания верные своей службе. Люди, беззаветно преданные Родине и коммунистическим идеалам. Они все были похожи друг на друга своей доброжелательностью к людям и любовью к солдату. Это определяло их мировоззрение, и это было в основе того, чему они нас учили и как воспитывали.

Такие люди были подобно свежему воздуху, когда в накурленном помещении наконец открывают окно.

Мы, безусловно, задавали себе вопросы: почему так живем? Что у нас в стране и в обществе не в порядке? Но в главном – умереть за Родину, если потребуется, – я всегда чувствовал единение с такими офицерами, как Романов, как мой собственный отец.

И это не высокие слова. Курсантская жизнь, если задуматься, – обыкновенная. Где найти в ней место для подвига? Мы же еще не знали, что через считанные годы страна попадет в такую круговерть, что подвиги можно будет совершать уже сколько угодно – хоть каждый день. И это благодаря Романову и таким, как он, мы оказались готовы к испытаниям. И встретили их достойно.

Снова я увидел Анатолия Александровича Романова уже генералом. В числе других офицеров внутренних войск – выпускников Военной академии имени М.В. Фрунзе я прибыл в главк, кажется, для назначения на новое место службы.

Увидев нас, идущий по коридору Романов немедленно остановился, поговорил с нами. У него уже было имя в войсках. Его знали как имеющего немалый авторитет военачальника. Однако по интонации, по его живому интересу к нам, майорам, я сразу почувствовал, что Романов ничуть не изменился. Вот так иногда бывает: погоня на человеке другие, а человек все тот же.

В 1995 году, в пору восстановления конституционного порядка в Чечне, я с Анатолием Александровичем Романовым по службе не сталкивался. Он командовал всеми войсками, а я был начальником временной оперативной группировки (ВОГ) Приволжского округа внутренних войск,

дислоцированной в районе станицы Ассиновской и включавшей четыре батальона, два ОМОНа и один СОБР.

Поэтому информацию мы получали отрывочную – по каким-то сообщениям, по рассказам раненых, которые в кутерьме войны доходили до нас с других направлений. Шли бои, проводились спецоперации, случались подрывы. Известие о том, что случилось покушение на генерала Романова, тоже оказалось без подробностей. Но, честно скажу, шока от этого мы не испытывали.

На войне люди очень быстро взрослеют. К тому времени мы многое повидали и уже сформировались как командиры, не те-

Фото
Владимира Вяткина

Фото
Олега Смирнова

ряющие самообладания в любой обстановке. Скажут, например: «Нас окружили!» Ну окружили так окружили... Значит, будем думать, как выходить из окружения. Если сообщают о нападении, значит, будем думать, как отбиваться. Такого чувства, что мир рухнул вместе с ранением командующего, что все пропало, ни у кого не было.

Впрочем, ничего экстраординарного в самой ситуации не было: в той обстановке и солдаты, и многие генералы ходили в бой наравне. В одной из операций уже погиб генерал-майор Иван Скрыпник, замкомандующего Северо-Кавказским округом внутренних войск. Поэтому известие, что Романов ранен, как факт войны мы хоть и восприняли не без тревоги, но волос на голове не рвали.

Но оставалась досада: КАК ЖЕ ТАК?! ПОЧЕМУ НЕ УБЕРЕГЛИ?! К Романову мы все относились с уважением, даже с какой-то надеждой, что на должность командующего войсками пришел (повезло – так

повезло!!!) нормальный человек, который был способен, по нашему разумению, решить самые насущные проблемы. ХОТЬ БЫ ЛЕТ ПЯТЬ НАМИ ПОКОМАНДОВАЛ! Может, тогда БТРы перестанут ездить на трех колесах? Появятся аккумуляторы, боеприпасы? Не будут душить китайской тушенкой, а мы перестанем ходить в кедах? Что нам наконец вернут чувство офицерской гордости и достоинства?

Морально ведь было тяжело: СМИ показывают наших солдат убитыми, пленными, горящие танки. А боевики – все до одного – в отличном обмундировании. У нас офицерские семьи по полгода сидят без денег, квартир нет, детей кормить нечем, а мы воюем, несмотря ни на что.

С приходом Анатолия Александровича Романова мы все ждали перемен.

И тут – раз! – взорвали нашу надежду. Ранили ее. Почти обрушили, и это все мы ощутили очень обостренно и сразу.

Фото
Валерия Щеколдина

Вот что такое для войск – ранение генерала Романова 6 октября 1995 года.

И с этим чувством многие из нас жили вплоть до 1999 года. До тех пор, пока не пришел Владимир Владимирович Путин.

Пусть простят меня за громкие слова, но после этого уже было не стыдно и не страшно умирать. Офицер отныне шел в бой и не боялся за свою семью, за будущее своих детей. Уже был уверен, что государство в случае чего не бросит.

Случившееся с Анатолием Александровичем Романовым, безусловно, тяжелейшая трагедия. Наш долг – долг Росгвардии – в том, чтобы бороться за жизнь командующего до последней возможности, вообще – всему вопреки.

Конечно, говорить о том, что человек свят, нам права никто не давал. Но, глядя на мученичество Романова, на его супругу, лично я не могу отделаться от определенного ощущения. Во всяком случае, остается

СВЯТОСТЬ офицерская, СВЯТОСТЬ мужская, духовная СВЯТОСТЬ.

Для наших войск генерал Романов будет свят во все времена. Даже когда будут забыты наши собственные имена.

Это нам – особенное испытание. И любой, кто имеет отношение к этой борьбе – хоть прямо, хоть косвенно, должен понимать, что однажды спросится с каждого – А ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ для спасения жизни Романова? И что ты – НЕ СДЕЛАЛ, хотя и мог?

Борьба за жизнь генерала Романова – это мерило нашего отношения к любому раненому. В том числе и в глазах родных каждого раненого, которые верят, что за жизнь любого солдата, прапорщика или офицера мы будем сражаться так, как сражаемся за генерала Романова.

Нет сомнения, что взрыв, прогремевший 6 октября 1995 года, был подготовлен знающими свое дело диверсантами: в замкнутом пространстве тоннеля подрыв 30 килограммов взрывчатки чреват неисчислимыми бедами. Страшны не только убийственный дождь осколков бетона, автомобильного стекла, металла и беглое шаровое пламя вспышки. Еще и взрывная волна, многократно отражаясь от стен тоннеля, металась в каменном мешке и разрушала человеческие тела уже наверняка.

Среди тех, кто находился в «уазике», выжил только Романов. Может быть, потому, что невольно прикрыли его своими телами помощник Романова полковник Александр Заславский, сидевший рядом, и находившиеся в машине солдаты – рядовые Виталий Матвийченко и Денис Ябриков? А может быть, и потому, что так писалась его собственная судьба, в которой, по Божьему Промыслу, еще рано было ставить последнюю точку. Хотя у кого повернется язык назвать такой исход удачей либо везением?

**Генерал-полковник в отставке Вячеслав ОВЧИННИКОВ,
в 1999–2000 гг. – главнокомандующий внутренними войсками МВД России**

Первая моя командировка в Чечню выдалась очень тяжелая: на нее пришелся первый штурм Грозного во всех его драматических подробностях. Поэтому к ее концу я уже был сильно вымотанным: притупилось даже чувство опасности. Иногда ловил себя на мысли, что действую на автомате и в любую минуту могу просто сорваться – даже Анатолию Сергеевичу Куликову, командующему войсками, уже начал перечить. Хорошо, он правильно все понял и не принял близко к сердцу мою взвинченность. Так действует на человека война – тяжелая обстановка, постоянная ответственность, риск. В одну только нашу окруженную на молзаводе (молочный завод в Грозном. – *Авт.*) группировку пришлось дважды пробиваться с боем. И сегодня удивляюсь, как это удачно получилось. Обошлось. Просто чудом.

Поэтому я был рад, когда подошел срок моей замены.

Не успел приехать в Москву – уже вызывает Романов. Говорит: «Слава, я еду в Чечню командующим группировкой. Прошу тебя – давай вместе! Будешь моим заместителем по спецоперациям. Ты обстрелянный, хорошо знаешь обстановку. Мне хоть будет на первых порах на кого опереться».

Я взмолился: «Анатолий Александрович, я только что оттуда...»

Ну, в общем, все равно поехали. И там, в Чечне, я открыл для себя нового Анатолия Романова – грамотного военачальника, опытного педагога и очень дальновидного человека. Поставив задачу, никогда никого не дергал. Но при этом получалось так, что ты обостренно начинал чувствовать свою ответственность за результат. Не было такого, чтобы тебе поручили дело, а ты не сделал. Нельзя было не сделать! Это как будто на всю жизнь опозориться...

И при этом даже скупому одобрению Романова – «Ну хорошо...» – радовались, как дети.

Так он сумел себя поставить. Так расположил к себе людей.

Благодаря Куликову и Романову войскам вскоре удалось провести очень грамотную операцию по разоружению чеченских населенных пунктов в направлении на Гудермес и дагестанский Хасавюрт. Повсюду хорошие результаты – сотни единиц стрелкового оружия и гранатометов. Но самое главное заключалось в том, что мы прочно владели инициативой и двигались от села к селу практически без боестолкновений и без потерь. При этом – методично взрашивая в населенных пунктах Чечни ростки законной власти.

Постепенно в войне наступил психологический перелом. В чем преуспел лично Романов, предпочитавший общаться с чеченцами не только за столом переговоров, но и на улице, и в поле, и с глазу на глаз.

И если вначале могло показаться, что на этих встречах Анатолий Александрович в чем-то копировал меня (все-таки у меня было побольше подобного опыта в разных горячих точках), то уже вскоре я с удивлением отметил, что и сам, пожалуй, не гожусь в подметки Романову – так умело, чувствуя настроение людей, он говорил с ними о самых насущных, наболевших проблемах. Что интересно, при этом был очень разборчив. С одним собеседником обсуждал что-то долго и обстоятельно. Другого мог с ходу одернуть: «Как я сказал, так и будет!», и демонстративно повернуться к нему спиной. Великолепно чувствовал обстановку и не боялся ездить в такие места, где не всякий отважится появиться.

Магнетизм его обаяния порой был настолько сильным, что замученные войной, а оттого очень раздраженные, обиженные люди к концу беседы смотрели на Романова даже с каким-то благоговением.

Уже после покушения на Анатолия Александровича я, разумеется, немало размыш-

лял, нет ли фактора случайности в том, что произошло 6 октября 1995 года в тоннеле возле площади Минутка. И хотя до сих пор нет никаких доказательств, я убежден: это был расчетливый, именно для Романова подготовленный теракт.

Слишком очевиден был миротворческий успех командующего. И даже не в отношении главарей бандформирований – им терять было уже нечего. Гораздо опаснее для них становилось то, что умный и харизматичный генерал своими действиями уже как бы отсекал эту лидирующую верхушку от основной части чеченского народа. Еще колебалась народная «серединка», но и она уже видела в генерале Романове надежного гаранта того, что эта во многом надуманная война прекратится. Гаранта будущего мира.

Становилось ясно, что люди в этой ситуации скорее бы пошли за Романовым, чем за лидерами сепаратистов, чье время на часах неумолимо истекало.

На том месте, где подорвался Романов, я потом часто бывал. Через год после взрыва, в октябре 1996 года, у меня в Грозном были назначены переговоры с Масхадовым. Обратил внимание, что вокруг крутятся чеченцы. Вроде как присматриваются, о чем-то перешептываются. Они следили за каждым моим движением, а потом спросили:

«Ну что, за брата приехал мстить?». Я не сразу понял: «За какого брата?» Они удивились: «Думаешь, не знаем за какого брата – за Романова».

Мы и вправду с ним были очень похожи внешне – похожи рост и осанка, у обоих затемненные очки, камуфлированная форма с беретом. Только я чуть поплотнее.

Я улыбнулся. Пришлось им откровенно ответить, что я хоть и не Романов, но если узнаю, кто виновен в его ранении, обязательно привлеку их к ответственности по закону. Некоторый свет на обстоятельства теракта впоследствии пролил и Казбек Махашев – министр внутренних дел Ичкерии, по доброте душевной посоветовавший мне не ворошить это дело ради моей же безопасности.

Как друг Романова, не успокоюсь, пока не завершится эта история.

Верю, что время и работа следственных органов позволят нам рано или поздно дознаться до сути. До имен исполнителей, заказчиков и пособников преступления. До мельчайших деталей террористического замысла, в результате которого погибли или были ранены наши соотечественники.

Так что точку в этом деле ставить пока преждевременно.

И сегодня актуальным остается вопрос об ответственности виновных за совершение этого преступления.

Известно, что по факту террористического акта, совершенного 6 октября 1995 года в Грозном в отношении командующего Объединенной группировкой федеральных войск в Чеченской Республике генерал-лейтенанта А.А. Романова, в тот же день было возбуждено уголовное дело №24.

Его судьба драматична, как и вся эта история: 9 августа 1996 года материалы этого уголовного дела сгорели вместе с другими бумагами в результате прямого попадания снаряда в здание управления Федеральной службы безопасности по Чеченской Республике. Напомним, что в этот день боевики штурмовали позиции федеральных войск в Грозном, а здание УФСБ, вкруговую защищавшееся чекистами от превосходящих сил противника, подверглось сильному обстрелу.

В декабре того же года следствие по делу было приостановлено «в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого».

Понятно, что после подписания Хасавюртовских соглашений 1996 года и воцарившейся после них бандитской вакханалии на территории ЧР трудно было даже говорить о продолжении каких-либо следственных мероприятий там, где само имя Романова было растерзано антироссийской пропагандой властей Ичкерии.

Впрочем, утвердившись во власти, лидеры Ичкерии уже и не скрывали главного – авторства террористического замысла. В интервью «Независимой газете» 13 января 1999 года один из активных деятелей сепаратистского движения, бывший президент ЧРИ Зелимхан Яндарбиев (был внесен в список террористов ООН, погиб в 2004 году в Катаре) на прямой вопрос корреспондента, было ли покушение на генерала Романова спланированной акцией, ответил совершенно откровенно: «Да, это была спланированная операция... Он (генерал Романов. – Авт.) рассчитывал,

что его должны пожалеть? О каких переговорах можно вести речь, когда российские войска находились на территории чеченского государства».

По словам Яндарбиева, «любых политиков России... надо было пускать в то время в воздух». Откровения Яндарбиева, впрочем, не проясняли механизма принятия лидерами боевиков своего решения о проведении террористического акта, а также конкретных имен организаторов и исполнителей покушения.

Лишь после начала контртеррористической операции на территории Чечни в 1999 году, приоткрывшей некоторые тайны руководства сепаратистов, появились свидетельства, что организация этого покушения, возможно, была поручена одному из пяти командиров групп отряда «Герат» Аюбу Вахаеву (объявлен в розыск в 2001 г.) самим Асланом Масхадовым (ликвидирован в 2005 г. в Чечне).

Можно с большой долей уверенности утверждать, что те, чьи имена так или иначе упоминались в перечне возможных исполнителей этого теракта, скорее всего оказались сметены самим ходом последовавшей в 1999 году антитеррористической операции.

Это не отменяет обязанностей следствия по установлению всех без исключения лиц, причастных к покушению на генерала Анатолия Романова, к убийству полковника Александра Заславского, рядового Виталия Матвийченко, рядового Дениса Ябрикова, а также к ранению еще полутора десятков военнослужащих. Однако самым справедливым ВОЗМЕЗДИЕМ России этим преступникам является сам факт, что оплаченный кровью солдатский и миротворческий подвиг не оказался напрасным. Явственные перемены в Чеченской Республике и воспринятые всеми ее жителями идеи социального и экономического возрождения – это ростки тех зерен доверия и добра, которые были посеяны Анатолием Романовым.

Посеяны на пути к миру. На пути к миру, где он был так беспощадно ранен.

Тоннель возле площади Минутка в Грозном. 1995 г.

Фото Олега Смирнова

Теперь все это имеет значение: тот день в Ханкале, ясная жара юга, далекая очередь из автомата... Командующий внутренними войсками генерал-лейтенант Анатолий Романов занят: идет совещание. Маскировочная сеть, раскинутая над штабными вагончиками и небольшим пространством свободной земли, где сидят теперь сосредоточенные офицеры, создает странные световые эффекты: и люди, и строения, и огромная карта – все в каких-то ярких, слепящих пятнах, и глаза устают, и устает тело, расплавленное жарой (им хорошо там под сеткой). А ждать

еще битый час (Чечня, летняя кампания 1995 года, вялотекущий мятеж).

Генерал-лейтенант высок. Удивительное лицо особого вида очкариков: по-генеральски волевое, но с очень добрыми глазами, которые несколько контрастируют с подчеркнуто жестким обликом – стать гимнаста, оливковый берет, высоко закатанные рукава камуфлированной куртки. Судя по артикуляции губ (секретные слова не долетают) – точные взвешенные фразы, учительская указка в руках, и – особенно сияющая на солнце звезда генеральской пряжки на ремне (мгновенный золотой

блеск, будто солнечный зайчик, но не тот, что из детства, скорее, бинокль, либо прицел, либо зеркало автомобиля – навыки войны). Наконец что-то сдвинулось. Знакомый генерал Рубцов, отчаянный храбрец, с загорелым лицом (за что прозван солдатами «Черным Гарри») шагнул строевым к Романову. Вскинутая к виску ладонь... Прощальные слова и крепкие объятия. Все расходятся шумно, растаскивая стулья...

Теперь генерал один. Медленно и задумчиво бредет по дорожке. Весь в своих мыслях. Опять яркие блики света, пятна камуфляжа. – «Товариш командующий!» – поворачивается и смотрит очень дружелюбно. Короткий доклад о необходимости срочного вылета на восток. (Почему срочного? Куда было спешить?). Секунда размышлений, и всплеск руки над головой: «Полковник Тихонов, ко мне!»

Все решено мгновенно, и через десять минут рев винтов, стрелок вертолета, голый по пояс, но в бронежилете, ладит пулемет. Уходит земля из-под ног: взлет. Договорились с Романовым увидеться после моего возвращения с востока. Договорились поговорить потом...

Если бы знать, что в быстротечное наше время ничего нельзя откладывать на будущий день. И не из-за свойств профессии, а просто так, чтобы не пробежать мимо чего-то очень важного, от чего чище и лучше становится собственная жизнь.

Увиделись после всего. Через три года – госпиталь им. Н.Н. Бурденко, аллея парка. Увиделись – какое хорошее и почти неисполнимое для Романова слово. «Товарищ генерал! Я встречался с вами в Ханкале тогда-то и тогда-то...». Генерал плачет: трудно сказать, узнал или нет. Знаковое слово – Ханкала. Будь ты проклята, эта война!

Кто знает, может, в том мире, где сейчас находится наш генерал, еще раскинуты огромные маскировочные сети, создающие сложные границы между светом и тьмой. Может быть, из этих сетей еще нужно выпутываться долго и мучительно и прокладывать себе путь к более прочным и надежным границам реальности. Может быть, там он все еще ведет свой бой, зовет верного Заславского, и там его еще несут из разбитой машины: по лужам крови, по битому стеклу.

Что сказать? «Мы еще повоюем?..» «Все обойдется?..» «Надо держаться?..» «Мы победим?..» Прощание славянки... Обычай Родины: после встречного марша обязательно «Прощание славянки» будто навеки? Но в этот раз мы должны оказаться сильнее смерти. Уже потому, что это вопрос чести... Уже потому, что зимние квартиры полны запахом сосен и настоящим светом жизни. Теперь, генерал, нам всем обязательно нужно вернуться с этой войны. Возвращайтесь и вы: все товарищи вас прикрывают.

«У меня есть часы, подаренные генерал-лейтенантом Анатолием Александровичем Романовым. Самая дорогая для меня вещь. Они отсчитывают дни, месяцы, годы, которые прошли с того дня, когда он был ранен. И я верю, что на их циферблате есть некая метка, еще неразличимая мной и его врачами, достигнув которой, время вернет генерала нам. Он придет в себя и увидит нас рядом».

Генерал-лейтенант Ю. Завизионов

Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина 5 ноября 1995 года заместитель министра внутренних дел Российской Федерации – командующий внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Анатолий Александрович Романов был удостоен звания Героя Российской Федерации. В том же году ему было присвоено и очередное воинское звание «генерал-полковник».

Тот октябрьский день очень жестко и навсегда разделил жизнь дружной семьи Романовых на две половинки – «до войны» и «после войны».

«До войны» – все то, что составляло их общие надежды, сокровенные семейные разговоры, тревоги друг за друга, семейные праздники и торжества, дружеский круг и даже ту их традицию, которая обязывала первого пришедшего с работы идти на кухню, чтобы приготовить ужин для остальных.

«После войны» – это значит за чертой ранения. За той чертой, где все мысли, все силы, все надежды, а по существу, и вся жизнь его жены, Ларисы Романовой, теперь крутятся вокруг госпитальной кровати, где почти четверть века сражается в своем бессловесном сумеречном плену очень дорогой и очень нужный ей человек – раненный на войне муж Анатолий Романов.

Поэтому радостное известие о присвоении ему звания Героя Российской Федерации поначалу было воспринято с усталостью и с чувством безысходной тоски. Было жалко до слез, что сам ее Толя еще не в состоянии осознать, что все его усилия и труды, понесенные на войне, по достоинству оценены государством, чьи интересы он самоотверженно и честно защищал.

Называют Героем в России разборчиво. Но если называют – то навсегда!

Вслед за новостью, которую привез Ларисе Романовой в госпиталь адъютант генерала, по радио и телевидению был

обнародован соответствующий указ Президента России Б.Н. Ельцина. Сопровождавшие текст видеокadres были нарезаны из недавней хроники. На них еще улыбающийся и сильный Романов уверенно двигался куда-то, на ходу объясняя что-то журналистам и сопровождавшим его офицерам.

Этот его образ был отличен от неподвижного тела Романова, лежащего в реанимации, и от этого становилось только горше.

Те врачи, кто хорошо понимали, какие ранения получил генерал, начали осторожно готовить Ларису Романову к неизбежному. К тому, что ее муж, даже если ему доведется осознать себя, уже никогда не будет напоминать прежнего Толю. К тому, что нужно примириться с тем, что уход за генералом всегда будет связан с инвалидным креслом и с большими расходами на лекарства. Что он никогда уже не будет командующим, а его военная служба скорее всего безвозвратно завершена.

Реалисты, они считали, что правда, какой бы тяжелой она ни казалась, все равно лучше лжи и напрасных ожиданий.

В какой-то момент ее захлестнула обида. Поэтому на предложение получить за мужа его Звезду Героя России она тогда ответила жестко и бескомпромиссно: «Я не вдова. Герой жив. Ему и вручайте!..»

Награждение состоялось лишь шесть лет спустя, 30 июля 2002 года, в палате военного госпиталя имени Н.Н. Бурденко, когда главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Вячеслав Тихомиров прикрепил высочайшую награду Родины к сукну офицерской рубашки, в которую по случаю торжества был одет генерал-полковник Романов. Он был спокоен и возвышен в тот миг, и становилось понятно, что все было сделано как подобает.

Фото Владимира Николаичука

Подвиг генерала Романова получил широкое общественное признание. В 1997 году он был удостоен звания почетного гражданина Саратова, а в 2002 году – премии «Российский национальный Олимп» в номинации «Национальный герой», в 2017 году Анатолию Александровичу было присвоено звание почетного жителя Белебеевского муниципального района,

на его родине – в сегодняшнем Башкортостане.

Еще важнее, что, несмотря на тяжелое ранение Романова, дело генерала продолжено его соратниками, друзьями и женой. Это дело приносит пользу Отечеству так же результативно, как если бы за него взялся сам Романов, будь у него возможность вернуться к нам из своего черного октября.

**Генерал армии Николай РОГОЖКИН,
в 2004–2014 гг. – главнокомандующий внутренними войсками МВД России,
в 2014–2016 гг. – полномочный представитель Президента
Российской Федерации в Сибирском федеральном округе**

Для меня Анатолий Александрович Романов был и остается примером яркой офицерской судьбы, высокой личной порядочности, спокойного и созидательного ума и, безусловно, примером несгибаемой стойкости. Особенно, если учесть практически убийственную тяжесть ранений, которые он получил в результате террористического акта в тоннеле возле площади Минутка в Грозном в октябре 1995 года, и ту сложную, ни на минуту не прекращающуюся борьбу за жизнь генерала, которая велась и ведется военными медиками Вооруженных сил, прежних внутренних войск МВД России и сегодняшней Росгвардии.

В историю России он так и войдет – гордо и просто именуемый «генералом Романовым» – так, как запомнился миллионам россиян по телевизионным репортажам. Разные люди с одинаковым уважением отмечали плоды миротворческой работы Романова в Чечне летом 1995 года. А потом с болью и сочувствием восприняли покушение на этого достойного человека, в чьем облике они видели благородные черты истинно российского, русского офицера – верного защитника своего Отечества и настоящего отца своим солдатам.

Вручая орден Святого Георгия одному из офицеров, великий российский полководец Александр Суворов призывал солдат – к бодрости, офицеров – к храбрости, а генералов – к мужеству, подразумевая под этим своим напутствием какой-то особый вид мужества, необходимый почему-то именно военачальникам. Что же такое мужество генералов и чем отлично оно от мужества любого другого человека? Знаю только один ответ: это –

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Ответственность за выполнение приказа. Ответственность за подчиненных тебе людей. Ответственность за Отечество, выдвигающее генералов на острие самых сложных проблем в самые сложные времена.

Наши генералы полной мерой делят со своими солдатами и офицерами все трудности и опасности боевой работы на Северном Кавказе, проявляя при этом полное присутствие духа, а иногда и настоящий героизм самопожертвования. Это только подтверждает скорбный перечень безвозвратных потерь: при выполнении служебных обязанностей погибли: в Нагорном Карабахе – заместитель начальника управления внутренними войсками МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью генерал-майор Николай Владимирович Жинкин (ноябрь 1991 г.), в Чечне – заместитель командующего Северо-Кавказским округом внутренних войск МВД России генерал-майор Николай Васильевич Скрыпник (июль 1996 г.) и первый заместитель главкомандующего внутренними войсками генерал-лейтенант Николай Петрович Гаридов (январь 2002 г.).

В результате террористических актов тяжело ранены командующий внутренними войсками МВД России, командующий Объединенной группировкой федеральных войск в Чеченской Республике генерал-лейтенант Анатолий Александрович Романов (октябрь 1995 г.) и первый заместитель главкомандующего внутренними войсками МВД России, командующий Объединенной группировкой войск (сил) на Северном Кавказе генерал-полковник Валерий Петрович Баранов (май 2004 г.).

Таких людей, как Романов, всегда выдвигает время. Особые обстоятельства, потребовали от Анатолия Александровича не только военного профессионализма, но и миротворческого подвига. И он оказался готов к нему. Уже в силу того, что передний край для офицеров войск правопорядка зачастую расположен там, где лишь верное слово и справедливый аргумент представителя власти способны предотвратить людскую вражду, этнический или религиозный конфликт. И разрешить его миром!

Все это требует от человека природного ума, большого жизненного опыта, дипломатического дара. И еще – огромной личной храбрости.

Да, Герой России генерал-полковник А.А. Романов был ранен на пути к миру. Однако не были прерваны его устремления, которые сегодня воплощаются в жизнь и поддержаны не только федеральной властью, но и всем российским обществом. В том числе и самими жителями Чеченской Республики.

Анатолий Александрович Романов жив. Живет его дело. В войсках национальной гвардии Российской Федерации сегодня продолжают службу его воспитанники, друзья и боевые товарищи. Учатся и приходят в войска волна за волной новые поколения солдат и офицеров, для которых судьба Анатолия Александровича по-прежнему является мерилом настоящей воинской службы и высокого человеческого достоинства. А это значит, что в своем противоборстве с бедой генералу Романову есть и будет на кого опереться.

Еще в 1997 году в России был образован Фонд содействия развитию спорта и медицины имени Героя России генерал-полковника А.А. Романова – некоммерческая организация, поставившая перед собой задачу активно содействовать патриотическому воспитанию молодежи, оказывать социальную и медицинскую помощь ветеранам военных конфликтов и семьям погибших, а также организовывать культурные и спортивные мероприятия, проводимые с целью общественной поддержки силовых структур страны в их героической и многотрудной деятельности по обеспечению безопасности Российского государства и всех его граждан.

Судьба Романова для многих россиян стала символом особой стойкости, и это придает силы тысячам других людей, чьи

человеческие драмы схожи с нынешним положением самого Анатолия Романова, продолжающего оставаться на госпитальной койке в течение многих лет.

Одним из самых близких друзей Анатолия Александровича Романова еще со времен совместной службы в спецвойсках остается Сергей Вадимович Степашин, чья судьба от офицера внутренних войск привела его в 1999 году на высокий пост Председателя Правительства Российской Федерации.

Возглавив впоследствии Счетную палату Российской Федерации, именно С.В. Степашин считал своим долгом стать на общественных началах председателем попечительского совета Фонда имени Романова, и в этом своем качестве остается главным радетелем его важных проектов.

Генерал-полковник Сергей СТЕПАШИН
в 1994–1995 гг. – директор Федеральной службы контрразведки (ФСК),
директор Федеральной службы безопасности (ФСБ),
в 1998–1999 гг. – министр внутренних дел РФ,
в 1999 г. – Председатель Правительства РФ,
в 2000–2013 гг. – председатель Счетной палаты РФ

Анатолий Романов, когда я с ним только познакомился, чем-то напомнил мне легендарного главкома внутренних войск времен СССР Ивана Кирилловича Яковлева: такой же абсолютно военный человек – подтянутый и четкий. Сдружила нас с Анатолием служба в спецвойсках (*части и соединения внутренних войск по охране важных государственных объектов и специальных грузов. – Авт.*), принадлежностью к которым мы, не скрываю этого, чуть-чуть пижонили. Но главным была все-таки общность взглядов на будущее войск, которое мы оба не видели без сильных частей и соединений оперативного назначения. И даже то, что мы оба, в отличие от большинства кадровых военных, были очкариками.

Мы часто встречались, когда я стал депутатом Верховного Совета РСФСР, и тогда, когда по замыслу недалеких людей над внутренними войсками нависла угроза их полной ликвидации. Перед тем как отпра-

виться к Президенту России Б.Н. Ельцину, чтобы воспрепятствовать подобному решению, я советовался и с Анатолием Романовым; он аргументированно усилил мою позицию.

Романов многое сделал, чтобы подготовить свои войска к испытаниям, и в этом его заслуга как профессионального военного человека (сегодняшняя Росгвардия – во многом плод его трудов в ту пору). А в воюющей Чечне стал миротворцем, потому что в сложившейся ситуации оказались чрезвычайно важны его ум, дар дипломата и излучаемая им энергия доверия.

Его ранение стало для меня большим ударом. Сожалею, что он не берегся и ездил на переговоры открыто, бесстрашно, словно на лихом коне... Не теряю веры в его возвращение к семье, к своим войскам, ко всем, кому он дорог.

Молодцы все, кто спас Анатолия Александровича Романова после ранения и кто заботится о его здоровье сегодня.

Говоря о Романове, С.В. Степашин не устает подчеркивать, что политическая, по сути, деятельность в Чечне Романова-генерала, его дипломатический такт, гуманность и твердость, проявленные во время диалога с лидерами сепаратистов, помогли сохранить множество человеческих жизней. Что силу и точность его аргументов вынуждены были признавать даже самые непримиримые его противники. Что, являясь командующим внутренними войсками МВД России и командующим Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне, Анатолий Александрович Романов приобрел славу военачальника, умевшего добиваться военных успехов без военных потерь.

Деятельность Фонда имени А.А. Романова и по сей день остается примером деятельного сотрудничества людей, убежденных в государственной и общественной значимости «фактора Романова», несмотря на то, что сам он ранен и по-прежнему находится на излечении в Центральном военном клиническом госпитале войск национальной гвардии Российской Федерации.

«Фактор Романова» по-своему уникален и может быть использован в самых различных направлениях деятельности, всякий раз находя благожелательный отклик в душе каждого россиянина.

Это физкультура и спорт (Романов был великолепным спортсменом). Это дружба и добрососедство народов (Романов был миротворцем). Это пропаганда военной службы (Романов был превосходным офицером). Это духоподъемное его наследие в войсках Росгвардии, где имя генерала Анатолия Романова известно каждому (Романов был одним из наиболее талантливых командующих отечественными войсками правопорядка за всю их долгую, насчитывающую более двух веков историю).

Его яркая героическая судьба вдохновляет военнослужащих, сотрудников и гражданских служащих войск национальной

гвардии Российской Федерации в самых разных регионах нашей страны. Но особенно значима она для тех, чья служебно-боевая и оперативно-служебная деятельность сегодня связана с противостоянием террору, с боевой работой Росгвардии.

Состояние генерала Романова по-прежнему остается тяжелым. Однако его доброе имя и его авторитет подлинного миротворца и честного солдата продолжают работать на благо нашей страны.

Спорт играет ключевую роль в мероприятиях, освященных именем Анатолия Александровича Романова.

И это не случайно: точно такую же роль он играл и в жизни самого генерала.

Была в Романове особая гармония ума и физической силы, что позволяло ему задавать очень высокий темп собственному труду. Он легко переносил любые походы условия, многомесячные командировки и бессонную страду войны. Прекрасный спортсмен, Романов был обладателем высоких спортивных разрядов. Одинаково азартно занимался гимнастикой и легкой атлетикой, волейболом и карате.

Для Романова не существовало плохой погоды: каждый день, в снег и дождь, он бегал на длинные дистанции, задавая организму почти предельные нагрузки. В доме были тренажеры, боксерская груша.

Обстоятельства той войны наделили Романова обязанностями переговорщика. Шел нервный диалог с боевиками, в ходе которого буквально с боем отвоевывались договоренности о прекращении огня, о сдаче оружия и т. п. Переговорную позицию боевиков и сегодня многие оценивают как коварную, непоследовательную, рассчитанную на прямой обман федеральной стороны.

Эта была схватка лицом к лицу. Это была борьба особого рода, в которой требовалось соблюдать выдержку, одновременно навязывая противнику тот тактический рисунок переговорного боя, где вовремя приведенный аргумент, как точно

проведенный удар в рукопашном поединке, может в одно мгновение принести решающую победу.

Генерал был атлетически сложен, и сегодня военные врачи уверены, что успешное восстановление функционирования внутренних органов Романова объясняется прежде всего превосходной физической формой генерала, которая поддерживалась им до грозненского взрыва именно благодаря спорту.

Другой организм просто бы не вынес такого ранения.

Важную роль играют сегодня в Росгвардии овеянные славой Героя России генерал-полковника А.А. Романова шефские концерты, учреждение премий лучшим спортсменам военных образовательных организаций, патронаж над школьными военно-патриотическими клубами имени генерала А.А. Романова или, например,

Скульптор
Салават Щербаков
в своей мастерской

организация спортивных мероприятий (турниров и спартакиад) в школах, в кадетских корпусах и суворовских училищах, в воинских частях и военных вузах.

Открытием в сквере на ул. Астраханской в Саратове скульптурной композиции Герою России генерал-полковнику Анатолию Александровичу Романову начались 19 мая 2017 г. торжества, посвященные 85-летию Саратовского ордена Жукова военного Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации.

Судьба генерала Романова неразрывно связана с Саратовским военным институтом Росгвардии. Это училище он окончил с отличием в 1972 году. Здесь в течение многих лет служил курсовым командиром и преподавателем. В числе бывших воспитанников А.А. Романова – целое офицерское поколение, давшее Федераль-

ной службе войск национальной гвардии плеяду военачальников, видных командиров, Героев России. «Школой Романова» именуют они привитые им А.А. Романовым в годы учебы в саратовском военном училище принципы ответственного отношения к военной профессии и чести офицера.

Именно бывшие воспитанники А.А. Романова и ветераны Росгвардии стали инициаторами создания скульптурной композиции, представляющей собой исполненную в полный рост бронзовую фигуру легендарного генерала. Ее автором является народный художник России, академик Российской академии художеств, скульптор Салават Щербаков, известный созданием памятников воинам-интернационалистам на Поклонной горе, Петру Столыпину и Владимиру Великому в Москве.

Поддержку командования войск национальной гвардии Российской Федерации получила инициатива холдинга структур безопасности «Русь» ежегодного награждения стипендией имени генерала А.А. Романова успешных курсантов Саратовского ордена Жукова военного Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации. С этим военным вузом Романова связывали годы собственной учебы. Здесь он впервые состоялся как командир, преподаватель и наставник нескольких курсантских поколений.

«РОМАНОВСКИЕ» СТИПЕНДИАТЫ

Автор / полковник Александр КРЫСАНОВ

Уникальный экспонат

В новой экспозиции музея Саратовского ордена Жукова военного Краснознаменного института войск национальной гвардии России нельзя не заметить очень красивую шашку. Заведующий музеем полковник запаса Александр Николаевич Аксенов пояснил, что это дар институту от супруги Героя Рос-

сии генерал-полковника Анатолия Романова Ларисы Васильевны. Эту личную наградную шашку своего супруга Лариса Романова передала музею летом 2014-го, когда первый курсант СВКИ Владимир Рыблов стал лауреатом теперь уже традиционно вручаемой два раза в год именной стипендии.

Этот дар как бы замкнул исторический круг. Ведь будущий командующий внутренними войсками Анатолий Александрович Романов отдал родному институту почти полтора десятка лет, пройдя здесь путь от курсанта до офицера учебного отдела, затем преподавателя огневой подготовки и наконец командира 4-го курсантского батальона.

На фото слева – скульптурная композиция «Генерал Романов» работы С. Щербакова в Саратове.

Фото Александра Колесникова

«Романовский» стипендиат
Олег Лебедев

И вот теперь стипендией имени Героя России, почетного гражданина города Саратова генерал-полковника А.А. Романова поощряют и поддерживают лучших питомцев института.

Два выпускника саратовского вуза прошлых лет – президент холдинга охранных предприятий «Русь» полковник запаса Роман Насонов (кстати, обучавшийся в 4-м, «романовском», батальоне) и Герой России полковник запаса Александр Никишин (бывший командир отряда «Витязь») при поддержке Ларисы Васильевны Романовой сумели воплотить в жизнь патриотическую и воспитательную идею поощрения лучших курсантов военного института.

Именно их энергия позволила преодолеть все бюрократические преграды, и уже летом 2014-го первая именная стипендия была вручена, а в музее саратовского вуза появился уникальный дар.

Роман Насонов так подытожил успех эксклюзивного начинания:

– Поддержка курсантов родного института для меня не только приятная миссия. Это приумножение традиций нашего вуза, на которых в первую очередь воспитываются выпускники – офицеры-патриоты, настоящие военные профессионалы. Имя генерал-полковника Романова и наш родной институт неразделимы. Это герой, на

образ и пример которого должны равняться курсанты-саратовцы.

А за что мы вручаем именную стипендию? За все те качества, что должны соединиться в саратовском выпускнике: отличные знания, активная жизненная позиция и образцовое исполнение служебного долга. И чтобы у всех остальных курсантов возникло стремление быть такими же и даже лучшими!

Уверен, эта традиция повысит и учебную, и научную, и профессиональную мотивацию курсантов, станет эстафетой самых достойных!

Заместитель начальника института по работе с личным составом полковник Алек-

сандр Ермолаев рассказал о деталях самой процедуры определения стипендиатов:

– Денежный размер стипендии – 50 тысяч рублей. Может быть, кому-то эта сумма покажется не особо внушительной, но, поверьте, для курсантов она весома. Если говорить о том, как определяется ее обладатель, то могу заверить, что все кандидаты выдвинуты демократическим путем: лучшего определяют голосованием на общих собраниях курсантских подразделений и утверждают решением ученого совета вуза. И это накладывает на курсанта нешуточную ответственность в дальнейшем.

При определении стипендиата предпочтение отдается старшекурсникам, потому что на младших курсах далеко не все наши воспитанники, даже отличники, до конца определили свои жизненные приоритеты и столь высокое доверие могут в будущем не оправдать.

– За кого голосуют охотнее: за спортсменов, лучших в науке или самодеятельном творчестве или за тех, кто на виду – в знаменной группе или роте почетного караула?

– За сержантов. Потому что им сложнее всего: приходится и руководить, и быть лучшими во всем остальном.

– Может ли за время учебы один и тот же курсант стать лауреатом именной стипендии дважды?

– Что касается двойного или более награждения, статус стипендии этого не запрещает. Но согласитесь, наш институт богат замечательными воспитанниками, и претендентов немало. Да и сама стипендия тогда рискует потерять свою стимулирующую функцию.

А процедуру вручения мы всегда стараемся приурочить к праздникам, памятным датам и событиям в жизни института, чтобы весь личный состав военного вуза мог проникнуться значимостью судьбы генерал-полковника Романова и гордостью за войска национальной гвардии, воспитывающих таких героев.

Герой России Александр Никишин и Роман Насонов вручают стипендию имени генерала А.А. Романова курсанту Георгию Бит-Шабю. Справа — начальник Саратовского военного института Росгвардии генерал-майор Сергей Мухоед

Владимир РЫБЛОВ
1-й батальон, выпуск 2015 г.
(вручение стипендии – июль 2014 года)

О первом лауреате стипендии имени генерала Романова Владимире Рыблове на кафедре автобронетанкового вооружения и техники рассказали его бывший комбат полковник Анатолий Рыбкин и руководитель военно-научных работ стипендиата полковник Алексей Миронов.

– Он был действительно лучшим курсантом батальона, и это не дежурные слова из служебной характеристики, – вспоминает Анатолий Александрович. – Крепкий симпатичный парень, везде первый – в учебе,

на соревнованиях, в подготовке к смотру ротного хозяйства, в ремонте казармы, в помощи отстающим. Казалось, что у него нет иных забот, кроме жизни подразделения и учебы. Все делать на «отлично» стало его жизненным кредо. При этом он никогда не был «оловянным солдатиком», заикленным на службе. Приветливый, общительный, эрудированный, он буквально олицетворял собой идеальный образ будущего офицера войск правопорядка. Уверен, об этом парне мы еще услышим.

– Со второго курса я помогал Рыблову в научных изысканиях. Володя очень интересовался непростой проблемой роботизации автомобильной техники и эколо-

гизации горючего, – продолжает рассказ коллеги заместитель начальника кафедры полковник Алексей Миронов. – Никто не удивился, что именно Рыблов был выдвинут в стипендиаты. Да и кто будет сомневаться в курсанте, чьи научные труды завоевывали призовые места на всероссийских конкурсах?

Олег ПЕРШИН
4-й батальон, выпуск 2017 г.
(вручение стипендии – февраль 2015 года)

Символично, что второй «романовский» стипендиат – сержант Олег Першин – учился именно в 4-м батальоне, которым более

тридцати лет назад командовал сам Анатолий Александрович Романов.

Командир роты капитан Алексей Кокорев так охарактеризовал своего командира отделения:

– Олег был рассудителен, спокоен и одновременно крайне взыскателен не только к подчиненным, но и в первую очередь к себе. При этом он успешно совмещал отличную учебу с исполнением обязанностей младшего командира.

Лейтенант Андрей Долбуш обучался в одном взводе с Олегом Першиным, был тогда заместителем командира взвода. Родство душ и взаимопонимание помогли им крепко подружиться.

– До поступления в войсковой вуз Олег окончил Оренбургский кадетский корпус, поэтому идеал офицера-командира он для себя сформировал еще до того, как надел курсантские погоны. И в институте просто стремился к его достижению, действуя по принципу: отлично осваиваю сам и только потом учу других, – отмечает Андрей. – Поэтому на старших курсах он нередко выполнял очень сложные служебные задания. Недаром после стажировки в должности заместителя командира роты его отмечали за самостоятельность и неординарность командирских решений.

Сам же Олег Першин так вспоминает годы учебы:

– С первого курса я начал серьезно работать над собой, учился только на «отлично». По-другому и быть не могло, ведь я из военной семьи. За образец брал своих командиров и преподавателей. Пришлось перебороть в себе и нерешительность, и медлительность, и неумение рационально использовать рабочее время. Воспитывал волю, развивал организаторские способности, столь необходимые младшему командиру, научился жестко разделять службу и дружбу. Постепенно выработал необходимые для будущего офицера качества: быстро ориентироваться в обстановке и принимать обоснованное решение.

– А чем запомнилось само вручение стипендии?

– Было очень волнующе и приятно, понимал, что мне оказана честь и на меня ложится серьезная ответственность. И хотя заранее готовил свое выступление, страшно волновался и сейчас уже не помню, что говорил. А стипендией распорядился очень просто: отдал деньги родителям, они им куда нужнее.

Олег ЛЕБЕДЕВ

5-й батальон, выпуск 2016 г.

(вручение стипендии – сентябрь 2015 года)

Еще один «романовский» стипендиат – курсант Олег Лебедев удостоился премии уже на выпускном курсе. Его командир роты капитан Евгений Галаков высказался о своем бывшем подчиненном так:

– Все необходимые качества лидера у Олега были. Учился отлично, дисциплина на высоте, занят научным поиском, есть успехи в спорте, раскрыл свои литературные и музыкальные таланты, на помощь товарищам готов прийти по первому зову. Претендовал на диплом с отличием и медаль. Но таких ребят в роте было немало. Почему же все сослуживцы в один голос решили, что стипендии достоин именно Лебедев?

Олег – прирожденный оратор. На всех торжествах он выступал с трибуны от имени курсантов СВКИ. Блестяще владея словом, умел самый сложный учебный материал облечь в столь простые и доступные формулировки, что у нас в роте практически не стало отстающих! Любому из тех, кто хоть что-то недопонял на занятиях, Олег доходчиво объяснял самую сложную тему. Никогда и никому не отказывал, сославшись на усталость или занятость. При этом он ни в коей мере не был отличником-индивидуалистом, поэтому его так уважали.

Друг Олега лейтенант Роман Пархоменко добавил несколько слов об однокурснике:

– Олег часто говорил, что всего хочет достичь сам, чтобы за него никто не просил. И, как видите, достиг! По знаниям он на голову был выше всех, но при этом никакой гордыни, никакого чувства превосходства. И это в нем подкупало.

Сам же Олег Лебедев так объяснил свой успех:

– В семье мне с детства привили стремление быть первым. И я люблю быть лучшим, но ни в коем случае не выскочкой. Судьба помогает тем, кто трудится и старается. Я очень старался, участвовал в межвузовских научных конференциях, занимал призовые места. И это однозначно шло на пользу. Для одного из своих научных докладов пришлось подробнейшим образом изучить историю войск правопорядка. А после присуждения стипендии Лариса Васильевна Романова и Герой России Александр Никишин задали мне несколько вопросов по истории наших войск. Я не оплошал. И, поверьте, похвала этих людей была для меня в тот момент важнее любой награды!

Андрей ПОПОВ

3-й батальон, выпуск 2018 г.

(вручение стипендии – январь 2016 года)

Заместитель командира 3-го батальона по работе с личным составом подполковник Алексей Казаков так вспоминает о своем недавнем выпускнике:

– Андрей был парнем из простой рабочей семьи и твердо решил окончить СВКИ с золотой медалью. И это стало для него сверхзадачей. Поэтому к учебе он относился ревностнее, чем, например, к обязанностям младшего командира. Нет, он от них не отлынивал, талантливые люди талантливы во всем, и обязанности заместителя командира взвода он тоже выполнял, как и учился, на «отлично». Взвод сплотил замечательно... через художественную самодеятельность. Сам играл на гитаре, пел, учил петь и играть других. И вот как лучшего старшего сержанта мы выдвинули его

на должность старшины роты. Но при всем командирском задоре Андрей вскоре отказался и попросился обратно на должность замкомвзвода. Объяснил это тем, что должность старшины он не сможет совмещать с отличной учебой. Без сомнения, и стипендию он заслужил по праву, и медаль. Да и можно ли осудить сержанта за ревностное желание быть лучшим в учебе? Ведь это его прямая обязанность!

Дмитрий ДАНИЕЛЬ

4-й батальон, выпуск 2017 г.

(вручение стипендии – сентябрь 2016 года)

О своем воспитаннике, лауреате и золотом медалисте, вспоминает командир роты майор Павел Мазанов:

– Небольшого роста, на первый взгляд закрытый и серьезный до угрюмости, Дми-

трий раскрывался в общении и оказывался простым и приятным человеком, не лидером, но участником всех мероприятий от художественной самодеятельности до межвузовских олимпиад. И здесь проявлялись его лучшие качества курсанта «романовского» батальона и продолжателя военной династии: прямота, спокойствие, рассудительность, готовность прийти на помощь. Чтобы качественно выполнить задание или поручение, он мог, например, пожертвовать увольнением. Зато за Дмитрия при выдвижении на стипендию голосовали все, даже курсанты других рот. А это говорит о многом, да и более ценно, чем сами стипендия или золотая медаль, которые Дмитрий Даниель, поверьте, заслужил по праву, как и место в галерее лучших людей Кировского района г. Саратова.

«Романовский»
стипендиат
Олег Першин

Стипендию имени А.А. Романова курсанту Андрею Тихонову вручает жена генерала Лариса Васильевна

Андрей ТИХОНОВ
4-й батальон, выпуск 2017 г.
(вручение стипендии – май 2017 года)

– Андрей, однокурсник Даниеля, был полной его противоположностью, – продолжает свой рассказ командир роты майор Павел Мазанов. – Улыбчивый оптимист, заводила, неформальный лидер во взводе, красивый, высокий, статный, спортивный. Очень контактный, компанейский, выдумщик, а поэтому и бессменный ведущий курсантского КВНа. Не говорю уже об отличной учебе и дисциплине. Он мог искренне вкладывать душу в, казалось бы, прозаичные дела: ему было поручено кураторство

над ротной бытовой комнатой. Что может быть банальнее? Однако Андрей с присущим ему оптимизмом и неукротимой энергией усовершенствовал и украсил бытовку так, как не всякий собственную квартиру.

И опять-таки все это сказалось при выдвижении на стипендию. У Андрея, простого курсанта, был достойный соперник – один из заместителей командиров взводов, а сержантам всегда предпочтение. Но Тихонов его все же опередил. А позже, уже завоевав награду, плакал и не верил. Однако на выпуске до золотой медали не дотянул. Но и диплом с отличием, поверьте, хороший старт для офицера войск национальной гвардии.

Георгий БИТ-ШАБО
2-й батальон, выпускник
(вручение стипендии – сентябрь 2017 года)

Курсант Георгий Бит-Шабо – единственный из восьми лауреатов стипендии имени генерал-полковника Анатолия Романова, кто еще не завершил свое обучение в СВКИ. Георгий – пятикурсник, претендующий на диплом с отличием, спортсмен-разрядник, борец-легковес, член сборной института.

Командир 2-го батальона подполковник Максим Самсонов подчеркивает, что Георгий не пытается, как некоторые гореспортсмены, отгородиться спортом от учебы. Учится он, несмотря на сборы и соревнования, очень усердно. Что не успевает на занятиях, дорабатывает и в нарядах, и после отбоя.

– Только Бит-Шабо из всех курсантов батальона, – отмечает Максим Владимирович, – допущен в караул исполнять обязанности разводящего на посты. А ведь это традиционно поручают сержантам. Так что оцените служебное рвение Георгия! А вот о его спортивных успехах лучше расскажет ведущий преподаватель по физподготовке кандидат педагогических наук майор Олег Сыромятников.

– Георгий как отличный спортсмен был замечен сразу, уже с первого курса, потому что все хотел выполнить не просто на пятерку, а обязательно на спортивный разряд, – вспоминает Олег Валерьевич, – но были у парня, понятно, и трудности в его профильном виде – боевом самбо: психологически перегорал перед соревнованиями, а поэтому проигрывал. Но преодолев где-то после 3-го курса комплексы роста и веса (он невысокий легковес), стал побеждать, утвердился в сборной. Это о нем поговорка «Мал золотник, да дорог». Сейчас он кандидат в мастера спорта, приближается к мастеру. И он мой помощник: методически грамотно, проявляя свои командирские навыки, самостоятельно проводит

с однокурсниками фрагменты занятий по физподготовке. И, поверьте, делает это профессионально. Так что на стипендию он был выдвинут по заслугам.

Сам Георгий откровенно признается:

– Семья мной гордится. Но и высокая награда, и борцовское мастерство не для самоутверждения. И военные знания, и боевое самбо дают мне уверенность в том, что всегда смогу в нужную минуту постоять за свою страну, за себя и своих близких. Но пока планирую не спортивную, а военную карьеру. Мечтаю распределиться в спецназ. А там главные козыри борца-легковеса: сила, ловкость, скорость и смекалка – ох как пригодятся!

Ислам АГАРИЗАЕВ
3-й батальон, выпуск 2018 г.
(вручение стипендии – январь 2018 года)

Выпускник 2018 года Ислам Агаризаев – замыкающий в восьмерке романовских стипендиатов. Подполковник Алексей Казаков, заместитель командира 3-го батальона по РАС, так охарактеризовал своего недавнего воспитанника:

– Это был идеальный младший командир, выросший из толкового командира отделения в очень сильного заместителя командира взвода. И всегда его подразделения были образцовыми. Помогал, буквально ташил за собой отстающих, особенно по физподготовке. Осознанно, целенаправленно шел к золотой медали и заслужил ее: учился замечательно, схватывал все буквально на лету.

Но всегда есть «но»... Будучи немного близоруким, носил очки, и стрельба из ПМ у Ислама фатально не ладилась. Вплоть до боязни оружия. Поэтому представьте себе, какой силой воли и усердием нужно обладать, чтобы перед выпускном на итоговом экзамене по огневой подготовке все три вида стрельбы сдать на «отлично»! Так что стипендию, поверьте, он заслужил.

Генерал-майор Сергей МУХОЕД,
начальник Саратовского ордена Жукова военного Краснознаменного
института войск национальной гвардии Российской Федерации

Более восьмидесяти пяти лет наше учебное заведение является кузницей офицерских кадров для войск правопорядка. Все эти годы были посвящены воспитанию офицеров-патриотов с высоким уровнем профессиональной подготовки.

Я уверен, что новая традиция вручения стипендии имени нашего прославленного выпускника Героя России генерал-полковника Анатолия Романова послужит дальнейшему укреплению и развитию лучших личностных качеств наших воспитанников всех последующих поколений.

«Романовский» стипендиат
Андрей Попов

Генерал-полковник Сергей ЗАХАРКИН,
статс-секретарь – заместитель директора Федеральной службы
войск национальной гвардии Российской Федерации –
главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации

В жизни каждого человека однажды встречаются люди, общение с которыми оказывается столь действенным, что начинает определять всю твою дальнейшую судьбу. Здесь речь не о влиятельности какого-либо значительного лица, а о ПРИМЕРЕ, который вдруг появляется в твоей жизни и которому хочется следовать, подражать, по-мужски и по-военному соответствовать.

Генерал Анатолий Александрович Романов и стал для меня таким жизненным ориентиром. Причем сразу, как только я оказался под его командованием в непростой период проведения боевых операций против бандформирований в Чечне в первой половине 1995 года. К тому времени я был командирован в группировку внутренних войск МВД России в Чечне в качестве офицера-оператора штаба.

Это был тяжелейший период, связанный с восстановлением законной власти в районах Чечни, где активно действовали вооруженные отряды дудаевцев и разного рода местных бандитских главарей. Шли бои, но день за днем мы возвращали в города и села Чечни мир, пусть и хрупкий.

О достоинствах Романова-военачальника сказано немало. Но удивившей меня в нем особенностью было его неизменное внимание ко всему, что было связано с жизнью подчиненных. От начала боевой операции до момента, пока все части и подразделения не вернутся в пункт дислокации, Анатолий Александрович не покидал пункта управления. Каждая наша потеря тяжело им переживалась, и не было случая, чтобы гибель и ранение людей в бою или в иных обстоятельствах воспринимались Романовым без надле-

жащего разбора ситуации и поиска мер, чтобы сохранить человеческие жизни в будущем. Талант военачальника в том и состоит, чтобы выполнить боевую задачу грамотно, по возможности вообще исключив потери.

Я даже получил от Романова взыскание. В одном из донесений сообщалось, что в бою убит комбат подполковник С. Не перепроверив информацию, я доложил о погибшем командующему, но вскоре выяснилось, что это неправда: С., хоть и был тяжело ранен, но остался жив. Это послужило мне уроком на всю жизнь, научив ответственно относиться к каждому своему слову и даже малейшей реплике.

Штаб в этой обстановке – это кочующий центр боевого управления во главе с командующим группировкой генералом Анатолием Александровичем Романовым. Штаб в этой обстановке – не только военная инстанция. В глазах всей Чечни штаб – это еще и представительство государственной власти на объятой гражданской войной территории. И он движется вслед за командующим.

Это значит, что командующему надо быть не просто военачальником, но руководителем государственного масштаба, который олицетворяет собой Российское государство и определяет его политику в Чеченской Республике. Его волю, его заботу о людях, его справедливость. Именно Романов в силу уникально сочетающихся в нем качеств солдата, дипломата, гражданина, честного и пронизательного человека и стал настоящим МИРОТВОРЦЕМ в ситуации, когда мало кто кому доверял и только считанные люди могли увидеть выход из кровавого тупика.

Солнце сквозь тучи.

Фото
Абдуллаха Берсаева

Безусловно, Романов видел этот выход в том, чтобы были сохранены целостность Российского государства и его суверенитет в данной части Северного Кавказа. Иначе позднее рассыпалась бы вся Россия, и это было ПРИНЦИПИАЛЬНО ВАЖНО.

Безусловно, Романов видел будущий мир не в уничтожении всех взявшихся в Чечне за оружие, а в примирении, готовности договариваться, в возвращении республики к нормальной жизни, где бы

функционировала компетентная власть, было нормальное образование, здравоохранение, все прочее, что могло бы преобразить Чечню в социально-экономическом отношении.

По роду службы я занимался также анализом обстановки, докладывая Романову самую актуальную информацию о положении в республике. Был очевидцем его разговоров с представителями республиканской власти, общественности и духовенства.

С приходящими к нему Романов разговаривал искренне, доверительно. Прекрасно разбирался в деталях уклада, обычаях чеченского народа, в чаяниях всех без исключения жителей этой республики. И разбирался в главном – как пробудить в людях не худшие, а лучшие их качества. Как заставить работать людской разум не на разрушение, а на строительство жизни.

По сути, он добивался того, что в Чеченской Республике произошло совсем недавно.

К сожалению, на два десятилетия позднее.

Вот какова цена покушения на генерала Романова 6 октября 1995 года! Вот какова заслуга Анатолия Александровича Романова, командующего российскими войсками правопорядка, перед теми, кто живет, растит детей, учится и работает в преображенной, в том числе и мечтами генерала Романова, сегодняшней Чеченской Республике.

Эта заслуга Героя России генерал-полковника А.А. Романова перед нашим государством и нашим народом по-настоящему еще не оценена. Ее весомость поймут лишь наши потомки.

Но очевидно, что среди военачальников российских войск правопорядка имя генерала Романова всегда будет восприниматься нами как пример самоотверженности. Как зеркало, в котором можно увидеть цену собственным поступкам.

Для меня, как офицера и гражданина, чрезвычайно важно и то, что история многолетней борьбы за жизнь и здоровье генерала Романова открыла России подвиг наших войск, подвиг его семьи, подвиг многих людей, кто с первых минут после ранения командующего включился в цепочку его спасения. И, не теряя надежды, продолжает беспрецедентную в истории мировой военной медицины операцию по возвращению Анатолия Александровича Романова к его родным, товарищам и обычной человеческой жизни.

Не потому что он Герой России и генерал. А потому что так подобает поступать Росгвардии для спасения каждой человеческой жизни, не разбирая ни чинов, ни заслуг. Во что бы то ни стало. И чего бы это ни стоило.

И никогда не терять надежды.

Чеченская Республика.
Источник духа

Фото
Абдуллаха Берсаева

Сегодня, наверное, только историки помнят о прежде знаменитом российском военачальнике, генерале от инфanterии Петре Степановиче Котляревском (1782–1851), чья трагическая судьба в чем-то смыкается с судьбой генерал-полковника Анатолия Александровича Романова.

Доблестно проявивший себя на Кавказе в годы русско-персидской войны 1804–1813 гг. и стремительно взошедший за восемь лет от скромного командира роты и штабс-капитана до полководца П.С. Котляревский являл собой тип настоящего офицера-«кавказца», добывавшего славу и ордена исключительно на поле брани. К 31 году от роду, когда драматически завершилась его военная карьера, Петр Степанович Котляревский был удостоен семи высоких наград Российской империи, включая орден Святого Георгия (2-й, 3-й и 4-й степени), а также золотую шпагу «За храбрость».

За глаза его называли вторым Суворовым. А его военные победы воспринимались как равные тем, что были одержаны в Отечественной войне 1812 года. Тем более что были добыты Котляревским в то же самое время, но только на далеком от Москвы «кавказском фронте» – в войне с персами, где решалась судьба южных рубежей России.

Эта война закончилась победой России, благодаря отваге и решительности Котляревского, выигравшего самые важные битвы при значительном, иногда десятикратно превосходившем русские силы численном перевесе войск неприятеля. В результате подписанного в селении Гюлистан (в Карабахе) мира по итогам русско-персидской войны Персия (Иран) уступила России значительные территории современного Азербайджана, отказалась от притязаний на Дагестан, Грузию и Абхазию.

Чеченская Республика.
Источник силы

Фото
Абдуллаха Берсаева

Но прежде случился кровопролитный штурм Ленкорани.

Увлекая за собой бойцов на штурм крепости 30 декабря 1812 года, Котляревский получил тяжелейшие ранения, практически несовместимые с жизнью. Из трех поразивших его пуль одна попала в голову. После сражения его нашли в грудe тел и вынесли с поля боя, как сообщается, «замертво». Только усилиями полкового доктора Грузинского генерала удалось вернуть к жизни.

Помимо одного утраченного глаза и навсегда искаженного ранами лица, Котляревский получил открытую черепно-мозговую травму. Раздробленные пулей кости десятками выходили из его раны всю оставшуюся жизнь. Ушедшего в отставку и поселившегося в имении генерала мучили постоянные боли, причем в течение всей зимы он не покидал комнат, так как холод он переносил особенно тяжело.

Котляревский не был прикован к креслу и даже понемногу занимался хозяйством. Писал письма, общался с товарищами по прежней службе на Кавказе и прожил еще 39 лет. Но это была тень прежнего человека, который год за годом все-таки находил в себе силы преодолевать недуги. Бороться за жизнь, будто считал свои увечья полем боя, на котором был обязан одержать еще одну блистательную победу.

Составивший посмертную биографию генерала от инфanterии Петра Котляревского в середине XIX века известный литератор, граф и тайный советник Владимир Александрович Соллогуб так подчеркивал его государственные заслуги: «...Гюлистанским миром Котляревский воздвигнул себе вечный и несокрушимый памятник, после чего, исполнив свое назначение, он отошел в сторону, оставаясь живым мертвецом». Говоря о военной славе Котляревского, биограф счел важным заметить: «Он был избран Промыслом для беспри-

На фото слева — генерал В.П. Баранов с первым президентом Чеченской Республики Ахматом-Хаджи Кадыровым на трибуне стадиона «Динамо» в Грозном 9 мая 2004 г. за несколько минут до взрыва

мерных подвигов. Сын сельского священника, он умел обратить на себя внимание всей России».

По судьбе Котляревскому значилось быть убитым. Но в том, что он выжил, и в том, что жил потом десятилетиями в сумерках случившейся с ним беды, В.А. Соллогуб тоже видел руку Провидения: «39 лет, как мученик, искупал он свою славу, и мало страдальцев выстрадали столько, сколько он! Первая половина его жизни прошла в гордой борьбе с неприятельскими силами, вторая же – в томительной борьбе со своим человеческим бессильем, со своими непрерывающимися мучениями. Конечно, громкая пора его военной деятельности заслуживает внимания и удивления, но едва ли не поучительна вторая эпоха его жизни, когда крепкая природа его боролась с недугами и язвами, когда мощный дух его, не признавший прежде препон, мало-помалу смирялся перед очистительной силой страданий».

9 мая 2004 года в результате террористического акта на стадионе «Динамо» в городе Грозном был тяжело ранен первый заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России, командующий Объединенной группировкой войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона генерал-полковник Валерий Петрович Баранов.

В 10.00 на стадионе начался концерт, посвященный Дню Победы. На празднество приехал и находился на трибуне для почетных гостей первый президент Чеченской Республики, Герой Российской Федерации, религиозный деятель Чечни Ахмат-Хаджи Кадыров.

Генерал Баранов стоял рядом с Кадыровым, когда в 10.35 на центральной трибуне сработало мощнейшее взрывное устройство. Судя по всему, оно было установлено заранее и управлялось по проводам.

Президент Чеченской Республики был смертельно ранен. Погибли находившиеся на трибунах люди, а еще более пятидесяти, включая генерала Баранова, получили ранения.

История эта транслировалась многократно и уместна в этой книге лишь той частью, где повествуется, как в борьбу за жизнь командующего Объединенной группировкой сначала включились бойцы Федеральной службы охраны Российской Федерации (ФСО), а затем медики внутренних войск и сам Валерий Петрович Баранов, получивший бесчисленные, а частью еще и тяжелейшие минно-взрывные травмы, а также контузию.

У него была оторвана нога, повреждены тазобедренный сустав, ветлужная впадина, четыре позвонка. В военном госпитале 46-й отдельной бригады оперативного назначения внутренних войск МВД России (ныне 46-я орден Жукова ОБрОН войск национальной

гвардии Российской Федерации. – **Авт.**), дислоцированной в Грозном, немедленно начали хирургическую операцию.

Баранов поминутно помнит утро перевернувшего его жизнь дня. И как по телефону отговаривал Кадырова от поездки на стадион, предлагая ради безопасности президента Чечни отпраздновать День Победы на защищенной территории бригады. Как, не убедив (Кадыров был непреклонен в том, что должен в этот день появиться перед жителями чеченской столицы именно на стадионе «Динамо»), отправился к месту праздника и принял доклад офицера о соблюдении всех необходимых на таких мероприятиях мер безопасности. Как обратил внимание Ахмата-Хаджи уже на трибуне на стоящую рядом с ними – да еще на красной скатерти – вазу с букетом красных гвоздик.

Они вызвали у Баранова «похоронные» ассоциации, но Кадыров махнул рукой.

Первые мгновения после взрыва на стадионе «Динамо» 9 мая 2004 г. в Грозном

Фото Владимира Веленгурина

Чеченская Республика.
1995 год.

Фото
Валерия Щеколдина

Взрыв раздался во время исполнения любимой Кадыровым песни.

Очнувшись после операции, Баранов прежде всего позвонил матери, постарался успокоить: «Я жив!» Последующая битва с увечьями затянулась на годы, сопровождалась бесчисленными страданиями и потребовала немыслимой воли.

Но однажды генерал-полковник В.П. Баранов все-таки вернулся в строй, потому что не хотел склонять головы. Ни перед убивавшими его террористами. Ни перед бедой, которая могла бы – да не смогла! – забрать у него самое дорогое – его и жизненное предназначение.

Судьба любого солдата может окончиться гибелью.

Судьба любого солдата может быть исковеркана ранением.

Это – сопутствующие военной профессии риски, и по этому поводу не стоит обманываться: слабые духом Родину защищать не отваживаются.

Неважно, что ты можешь быть убит или ранен. Важно, ВО ИМЯ ЧЕГО отправляется солдат на смертельный риск.

Незадолго до ранения Романов без всякого пафоса так объяснился со своими находившимися в Чечне товарищами: «Каждый из нас готов выполнить боевую задачу, даже если это будет стоить ему жизни. Умирать никому не хочется, но если потребуется...» Он замолчал, так и не окончив фразы.

Важно не то, что в тот миг он еще не ведал своей судьбы.

Важно то, что все вместе мы были готовы идти до конца.

Чеченская Республика.
Наши дни.

Фото
Абдуллаха Берсаева

И, отправившись в путь вместе с Романовым, никогда не пожалели об этом.

Для генералов Романова и Баранова, для всех солдат и офицеров внутренних войск МВД России и сегодняшней Росгвардии их поход в Чеченскую Республику хоть в 1994 году, хоть в году 1999-м был и остается борьбой за мирную жизнь людей на этой земле. Борьбой с раковой опухолью терроризма и бандитизма, которую удалось отсечь во многом именно благодаря таким, как Ахмат-Хаджи, чеченцам.

Взаимодействовавший с первым президентом Чеченской Республики генерал Баранов отлично помнит и ту пройденную Ахматом-Хаджи эволюцию, что позволила ему в кратчайший срок (не более года) стать компетентным руководителем целого региона и укрепиться в качестве духов-

ного лидера поднявшихся на борьбу с терроризмом и бандитизмом жителей Чечни.

Еще были многочисленными бандгруппы. Еще действовало взрывающее, стреляющее из-за угла и несущее страх бандподполье, но республика вместе с Кадыровым уже начинала свое бесповоротное преобразование. Ремонтировались дороги и дома, электросети и газовые магистрали. Уже действовала в населенных пунктах власть, работали больницы и школы. В глазах людей теперь светилась надежда, и она стоила того, чтобы лечь за нее и костями.

Осенью 1995 года генерал Анатолий Романов был ранен.

Годом позднее, 31 августа 1996 года, другой российский генерал – генерал Александр Лебедь в ранге секретаря Совета безопасности Российской Федерации за-

Чеченская Республика.
1995 год.

Фото
Валерия Щеколдина

ключил с руководством возглавляемой террористами Чеченской Республики Ичкерия так называемый «хасавюртовский мир».

Практически на условиях боевиков. Практически – «мир» позорный. Практически – «мир» предательский, особенно по отношению к чеченцам, брошенным в этой ситуации большой Россией на произвол бандитов. Не говоря уже о том, что в глазах российских солдат и офицеров подобное отступление никак и ничем не могло быть оправданным. И было похоже на удар в спину: в августовских боях 1996 года за Грозный ни один из блокпостов внутренних войск МВД России – НИ ОДИН! – не был сдан наступающими боевиками, НИ ОДИН не был ими повержен.

Есть в нашей национальной памяти символ самого предельного из пережитых

страной испытаний – 1941 год. Начало Великой Отечественной войны. В нем, как в горьком человеческом вздохе, кроется вся горечь за оставленные города и села, за гибнущие в окружении войска, за панику и неразбериху отступления. И за собственное, испытанное почти каждым человеком в то время, ощущение обвальной катастрофы.

Так оно и было.

Но первым, что делали сражавшиеся насмерть и гибнущие в окружении наши войска, было спасение своих Боевых знамен. Это считалось главным. И потому что дорога была воинская честь. И потому что под спасенным знаменем даже пропавший без вести полк, даже вся погибшая до последнего человека дивизия могли бы возродиться в новом формировании, как

Чеченская Республика.
Наши дни.

Фото
Абдуллаха Берсаева

феникс из пепла, и продолжить бой до победы.

Но случались и такие безнадёжные ситуации, когда Боевые знамена вынуждены были закапывать, чтобы они не достались врагу.

Известный советский поэт Евгений Долматовский, встретивший войну военным корреспондентом, в книге «Было. Записки поэта» так описывает случай, свидетелем которого стал в окружении: «...И тогда наступило то, что было для меня, быть может, самым страшным из всего виденного за сорок дней войны: на поляну вынесли знамена – знамя кавалерийского полка и еще какого-то. Сняли клеенчатые чехлы и пронесли знамена перед беспорядочным строем. Я видел, как красноармейцы целуют край знамени или просто притра-

гиваются к красному бархату с золотым шитьем. А в глубине леса кавалеристы клинками ковыряли мокрую землю, сняв предварительно слой травы, как это делают в парках, – они копали могилы для знамен. Знамена вновь были зачехлены и опущены в эти могилы, засыпаны комьями земли и прикрыты сверху дерном.

По лицам кавалеристов текли слезы, оставляя светлые полосы.

Когда все было кончено, группы стали создаваться как-то сами. К генералу подходили люди, оказавшиеся старшими. Он обнимал их, напутствовал каждого.

На поляне осталась группа раненых командиров – комиссар, начальник контрразведки корпуса, инженер-полковник, командир кавалерийского полка и еще несколько со шпаами (в 1941 г. знак

Детский рисунок
1995 года

различия от капитана до полковника. – **Авт.**), в том числе я. Все были ранены в последних боях: виднелись черные от пыли повязки с пятнами запекшейся крови.

Вместе с нами осталась небольшая группа кавалеристов в пешем строю. Уходя, красноармейцы разогнали коней. Кони не хотели уходить, возвращались назад, бродили по лесу, жалобно ржали...

Чтобы подчеркнуть, что какая-либо ситуация не является безвыходной, люди в нашей стране привычно говорят: «Ничего, не 41-й».

Но в 1996 г., сразу после подписания «хасавюртовского мира», все-таки оставалось схожее с настроениями 1941 года чувство: чувство бесконечной потери.

Если в 1995 году генерал Анатолий Романов, бывший школьный знаменосец, сам воспринимался КАК ЗНАМЯ грядущего мира, то в августе 1996 года – с генералом Александром Лебедем – наши флаги поникли.

Должно было пройти еще несколько лет, чтобы стало окончательно ясно, что с бандитами никаких договоров не бывает. Этих лет, вплоть до 1999 года, когда, отражая нашествие бандгрупп в Дагестан, российские войска снова вступили в Чечню, жителям республики хватило для понимания, что будущего у Ичкерии нет. С оружием в руках многие чеченцы теперь дрались с разбойничьим «государством» рука об руку с солдатами и офицерами

Чеченская Республика.
Город Грозный.
Наши дни.

Фото
Абдуллаха Берсаева

Вооруженных сил России и российских сил правопорядка.

В жизни Чеченской Республики началась новая эпоха, словно отложенная после ранения Романова до поры до времени.

В один из дней так называемого второго штурма города Грозного в январе 2000 года заместитель командующего группировкой внутренних войск МВД России в Чечне по работе с личным составом полковник Валерий Журавель отозвал меня в сторону. На столе в палатке центра боевого управления калачевской бригады оперативного назначения внутренних войск МВД России (ныне – 22-я бригада войск национальной гвардии Российской Федерации, дислоцированная в городе Калач-на-Дону Волгоградской области), наступавшей по

направлению на консервный и молочный заводы, лежала матерчатая сумка. Из нее полковник Журавель вынул и протянул мне сложенный в несколько раз трехцветный Государственный флаг России.

Попросил по возможности водрузить его на самой высокой точке, подразумевая запланированную решающую атаку, впрочем, откладываемую со дня на день. Бригада дралась на подступах к заводам, несла ошутимые потери, а из разрушенных зданий, где жались под обстрелом боевиков в развалинах какого-то производственного цеха и котельной 1-я рота 1-го батальона 22-й ОБрОН, твердыни молочного завода казались, словно рейхстаг – в ободренных артогнем до кровельных

Чеченская Республика.
1995 год.

Фото
Валерия Щеколдина

ребер конструкциях крыши – погибельно неприступными.

Заводы и впрямь грозили смертью. Одного шага из развалин на открытое пространство было достаточно, чтобы немедленно оказаться сметенным выстрелами снайперов. Еще утром этого дня в поисках удобной огневой позиции ротный снайпер Володя Карпенко взобрался на крышу котельной. Но сразу же – буквально отовсюду – по нему был открыт ТАКОЙ огонь неприятельских снайперов, что только чудом Володе, метавшемуся по крыше зайцем, удалось через проломленную снарядом дыру в перекрытии скользнуть внутрь здания и повиснуть, опираясь локтями на металлические, идущие под потолком балки. На высоте примерно обычного третьего этажа, откуда под смех всей роты он и был снят не без приключений.

Рядовой Владимир Карпенко вместе с еще несколькими бойцами 1-й роты погибнет в этот же день при отражении вылазки боевиков. И унесет с собой тайну найденного им лаза на крышу котельной, что и могла быть единственно подходящей для водружения флага, если бы это было необходимо.

В истории ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции, случившейся в 1986 году, есть такие строки: «1 октября 1986 года три человека поднимаются на самую высокую точку ЧАЭС. Устанавливают знамя – просто красное полотно... Водружение флага должно было свидетельствовать об окончании очистных работ на крыше... Трое ликвидаторов должны были забраться на вершину вентиляционной трубы, стоящей над разрушенным реактором... Достоянных определили в последний мо-

мент. Ими стали те, кто не боялся ничего, и получил сверхдозу облучения...»

Мы и знамя под моим бушлатом ждали атаки...

В эти же дни в центр боевого управления калачевской бригады прибыл генерал Булгаков, командующий грозненской группировкой федеральных сил. В «горке», со «стечкиным» в деревянной мотавшейся на

бедре кобуре, он выглядел грозно и нес с собой дух напора. Обращаясь к прибывшим на помощь внутренним войскам десанникам, он был непоколебим: «Возьмем заводы, двинемся вперед и водрузим над городом российское знамя!»

Возможно, в моих мечтах его уже несла 1-я рота. Но, как всякий спортивный рекорд, никогда не достаемый без сверхуси-

Чеченская Республика.
Наши дни.

Фото
Абдуллаха Берсаева

«Получив задачу, я попросил российский флаг. Генералы поначалу не поняли, начали переспрашивать. Зрелище было еще то: я с бородой, длинными волосами, в пуштунской шапке, в маскхалате и с флагом. Пошли в атаку за Родину, за Путина. В радиоэфире передавали: какие-то странные боевики появились, машут российским флагом и кричат «Аллах акбар!»».

**Герой Российской Федерации
полковник Саид-Магомед КАКИЕВ**

Прошлое...

Фото
Владимира Веленгурина

лий, так и любое знамя никогда не станет победным, пока не пройдет через самый страшный огонь. Все трассы свинца скрещиваются на знаменосце, а потому в каждом реюшем флаге надо видеть сверхусилия поднимающего его народа.

К вечеру меня отозвали в Моздок. Сдавая так и не поднятый флаг офицеру, я почувствовал, как его шелк обиженно выскользнул из моих рук. Слово из рук человека, не оправдавшего доверенного ему хорошего дела.

Я НЕ ДОНЕС СВОЕГО ЗНАМЕНИ!

Но никогда потом я не чувствовал обиды, что за меня это сделали другие. Штурм заводов прошел успешно, и вскоре войска вышли к центру Грозного.

Как и обещал генерал Булгаков, знамя было поднято. И именно то, которое по

справедливости и должно было символизировать окончание кровопролития. Как явствует из книги полковников Валерия Журавеля и Александра Лебедева «Грозный. Особый район», российский флаг на крышу уцелевшей многоэтажки возле площади Минутка в Грозном водрузил офицер из внутренних войск МВД России Евгений Кукарин, в 2000 году командовавший группировкой войск особого района г. Грозного на восточном направлении.

Авторы книги пишут: «У поднятого Кукариным российского флага весьма примечательная история, которая заслуживает того, чтобы о ней рассказать. Флаг этот в Чечню привезла сотрудница пресс-службы УВД Алтайского края Вера Кулакова. Ее муж, офицер, погиб в Грозном в августе 1996 года. Его сослуживцы, прошедшие

через пекло августовских боев, сохранили российский флаг, который развевался над зданием Главного управления оперативных штабов МВД РФ в Чеченской Республике (ГУОШ), а вернувшись в Барнаул, передали пропахший порохом триколор вдове погибшего. Вера бережно хранила трехцветное полотнище, а отправляясь в 1999 году в служебную командировку в Чеченскую Республику, взяла его с собой. Взяла, потому что верила, что попадет на то место, где погиб ее муж, верила, что этот флаг снова поднимется над Грозным. Многие офицеры группировки особого района хорошо запомнили в трудные дни эту мужественную женщину и всякий раз удивлялись ее непоказному бесстрашию. Именно Кукарину Вера передала сохраненный ею российский флаг, когда узнала,

что войска восточной группировки взяли Минутку. Сама приехала на еще не остывшую от яростного боя площадь. Вместе с Кукариным поднялась на высотку. Свое обещание, данное друзьям погибшего мужа, она сдержала».

Во время штурма Грозного российские флаги несли с собой и другие наступавшие подразделения.

Но самым первым подразделением Вооруженных сил России, которое водрузило российский флаг над городом Грозным зимой 2000 года, был так называемый особый отряд чеченского спецназа под командованием Героя Российской Федерации Саида-Магомеда Какиева.

Он рассказывал: «Нам необходимо было взять конкретный район, где распо-

Чеченская Республика.
Город Грозный.
Наши дни.

Фото
Абдуллаха Берсаева

лагались высотки на улице Первомайской. Получив задачу, я попросил российский флаг. Генералы поначалу не поняли, начали переспрашивать. Зрелище было еще то: я с бородой, длинными волосами, в пуштунской шапке, в маскхалате и с флагом. Пошли в атаку за Родину, за Путина. В радиоэфире передавали: какие-то странные боевики появились, машут российским флагом и кричат «Аллах акбар!». Потом сообщили, что это наш, чеченский спецназ. Задачу выполнили, дома взяли, боевиков уничтожили».

Исторический трехцветный флаг России вернулся в Россию 19 августа 1991 года как символ сопротивления путчистам ГКЧП. Еще никем официально не признанный, он в один день взметнулся сразу во всех концах страны, олицетворяя единение россиян, желавших коренных перемен. Казалось бы, давно забытый флаг России вновь стал государственным флагом РСФСР, а потом и Российской Федерации исключительно по воле народа, искавшего новые силы и опору в гордой истории державы, где подобно белой, лазоревой и алой полосам вернувшегося флага причудливо сочтались ее прошлое, настоящее и будущее.

И уже в конце августа 1991 года во все органы власти было отдано распоряжение о замене прежнего советского флага на новый – бело-сине-красный, что поначалу вызвало смутнение. И прежде всего потому, что флагов этих в наличии не было, как и производства по их изготовлению.

В сентябре 1991 года я, работавший тогда корреспондентом одной из мурманских газет, находился в командировке в селе Варзуга Терского района Мурманской области. В глухой беломорской стороне, где в ту пору не было и дорог, а люди ездили «по отливу» – по слежалому до асфальтной крепости после морского отлива песку, новость о смене государственного флага вызвала растерянность и

Фото
Андрея Колотилина

тревогу. Единственным местом в Варзуге, где полагалось иметь такой флаг, был сельсовет. Как областной журналист, то есть в глазах живших в Варзуге рыбаков из колхоза «Всходы коммунизма» человек политически сведущий, я немедленно был вовлечен в дискуссию о «постройке» обновленного флага. Заместитель председателя сельсовета Валентина Кривоногова лишь сетовала тогда на отсутствие подходящего по цвету – в бело-сине-красный колор – фабричного полотна. Надо было искать выход, и он был найден: «Одну часть – красную – возьмем от старого знамени, – решительно сказала Валентина. –

Белую полосу смастерим из моей новой простыни. Синей ткани пока не нашли. Бабушки уже говорят: «Что ж, Валентина, юбки, что ли синей нету?»

Я улыбнулся. В этом простодушном порыве живущей в селе у Северного Ледовитого океана женщины я вдруг почувствовал огромную силу. Да, мы создаем свой государственный флаг из того, что есть под руками: из ненадеванной юбки, из чистой простыни, из части лучшего, что было в нашей советской истории. Из цвета наших морей, наших снегов и наших побед.

Мы создаем флаг своими руками так, как строим и защищаем нашу страну, по-

тому что никто, кроме нас самих, ее не построит и не защитит.

Знамя и флаг рождены, чтобы обозначить центр нашей силы, дать верное направление труду и отваге.

В трудный час отыщите глазами стяг Отечества, и дальше станет ясно, что надо делать: всегда и навсегда – под нашими Боевыми знаменами, под Знаменем Победы, под Государственным флагом России – вперед!

Андрей ЭДОКОВ
1998 – 2018 гг.

ЗНАМЕНОСЕЦ

ДЕНЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЛАГА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.
ГОРОД ГРОЗНЫЙ. НАШИ ДНИ

Эта книга создавалась более 20 лет. Почти столько же, сколько продолжается борьба за спасение жизни выдающегося руководителя российских войск правопорядка Героя Российской Федерации генерал-полковника Анатолия Александровича Романова.

По крупицам в ней собраны воспоминания очевидцев военной службы Анатолия Александровича, найдены все недостающие звенья, проливающие свет на историю покушения на генерала Романова 6 октября 1995 г., а также на полную отваги, терпения и профессионального мастерства историю его спасения.

В ходе подготовки книги к изданию автор встречал всемерную поддержку и участие многих людей.

В связи с выходом книги выражаю искреннюю благодарность:

Командованию войск национальной гвардии Российской Федерации

Редакции журнала «На боевом посту» и лично
полковнику Сергею Сергеевичу КОЛЕСНИКОВУ
полковнику Александру Владимировичу ЛЕБЕДЕВУ
полковнику запаса Юрию Петровичу КИСЛОМУ
полковнику Александру Вячеславовичу КРЫСАНОВУ
капитану Роману Андреевичу КУРНОСКИНУ
заслуженному работнику культуры РФ Владимиру Николаевичу НИКОЛАЙЧУКУ
и заслуженному работнику культуры РФ Елене Александровне БОГДАНОВОЙ

Общероссийской общественной организации ветеранов войск правопорядка и лично
генерал-лейтенанту в отставке Петру Николаевичу РОВЕНСКОМУ

Руководителю холдинга структур безопасности «Русь»
полковнику запаса Роману Олеговичу НАСОНОВУ

Объединению ветеранов спецназа «Русь» и лично
Герою Российской Федерации полковнику запаса Александру Николаевичу НИКИШИНУ

генералу армии Анатолию Сергеевичу КУЛИКОВУ
генерал-полковнику в отставке Аркадию Георгиевичу БАСКАЕВУ
полковнику Евгению Николаевичу КУБЫШКИНУ
подполковнику полиции Марине Николаевне МОЛОКОВОЙ
Игорю Шарифовичу КАДЫРОВУ (г. Тольятти)
полковнику милиции в отставке Раису Султановичу САФИНУ (г. Белебей)
полковнику в отставке Александру Михайловичу ДЕНИСОВУ
подполковнику запаса Елене Владимировне ЖАРНИКОВОЙ
Олегу Олеговичу СМИРНОВУ
Дмитрию Владимировичу БЕЛЯКОВУ (г. Тольятти)
старшему прапорщику Максиму Евгеньевичу КОРОВИНУ
Ирине Николаевне КОРЧАГИНОЙ
Ларисе Валерьевне МАЛЫГИНОЙ
Наталье Валерьевне МИНЬКОВОЙ
Ольге Львовне ФАДЕЕВОЙ
Алексею Алексеевичу ФЕДОРОВУ
Андрею Павловичу ХОМЯКОВУ

Андрей Александрович ЭДОКОВ родился в 1962 году в селе Усть-Кан Горно-Алтайской автономной области Алтайского края.

После окончания в 1979 году Горно-Алтайской средней школы №4 (ныне – кадетская школа) работал корреспондентом многотиражной газеты на строительстве каскада Терiberских ГЭС в Заполярье.

Служил в Советской армии в инженерных войсках.

Окончив в 1987 г. Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР, работал корреспондентом и обозревателем ежедневной газеты «Советский Мурман», заместителем редактора областной молодежной газеты «Комсомолец Заполярья» (в Мурманске), главным редактором издательства «Война и мир» (в Москве), специальным корреспондентом и обозревателем отдела служебно-боевого применения войск в редакции журнала внутренних войск МВД России «На боевом посту».

В качестве журналиста работал в районах вооруженных конфликтов в Нагорном Карабахе, Москве (октябрь 1993 г.), Северной Осетии и Ингушетии, в Чеченской Республике, включая штурм г. Грозного в январе 2000 г., в районах проведения спецопераций в Чечне, Ингушетии и Дагестане.

С марта 2017 года – в Росгвардии.

Служит советником Департамента по взаимодействию со средствами массовой информации и институтами гражданского общества Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

ЭДОКОВ Андрей Александрович

ЗНАМЕНОСЕЦ

ВОЙНА И МИР ГЕНЕРАЛА РОМАНОВА

Главный редактор
С.С. КОЛЕСНИКОВ

Оформление, макет
А.В. ЛЕБЕДЕВ

Технический редактор
Д.Р. ШАРИПОВ

Верстка
Р.А. КУРНОСКИН

Корректор
Е.А. БОГДАНОВА

Техническое обеспечение
В.И. ГРЕКОВ, Н.В. МОЛОДОВ

Сдано в набор 17.07.2018 г. Подписано в печать 10.09.2018 г.
Формат 60х90 $\frac{1}{8}$ Усл. п.л. 32,0 Тираж 500 экз.
Зак. № 485-18

Отпечатано в типографии редакции журнала «На боевом посту»
войск национальной гвардии Российской Федерации
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 9а